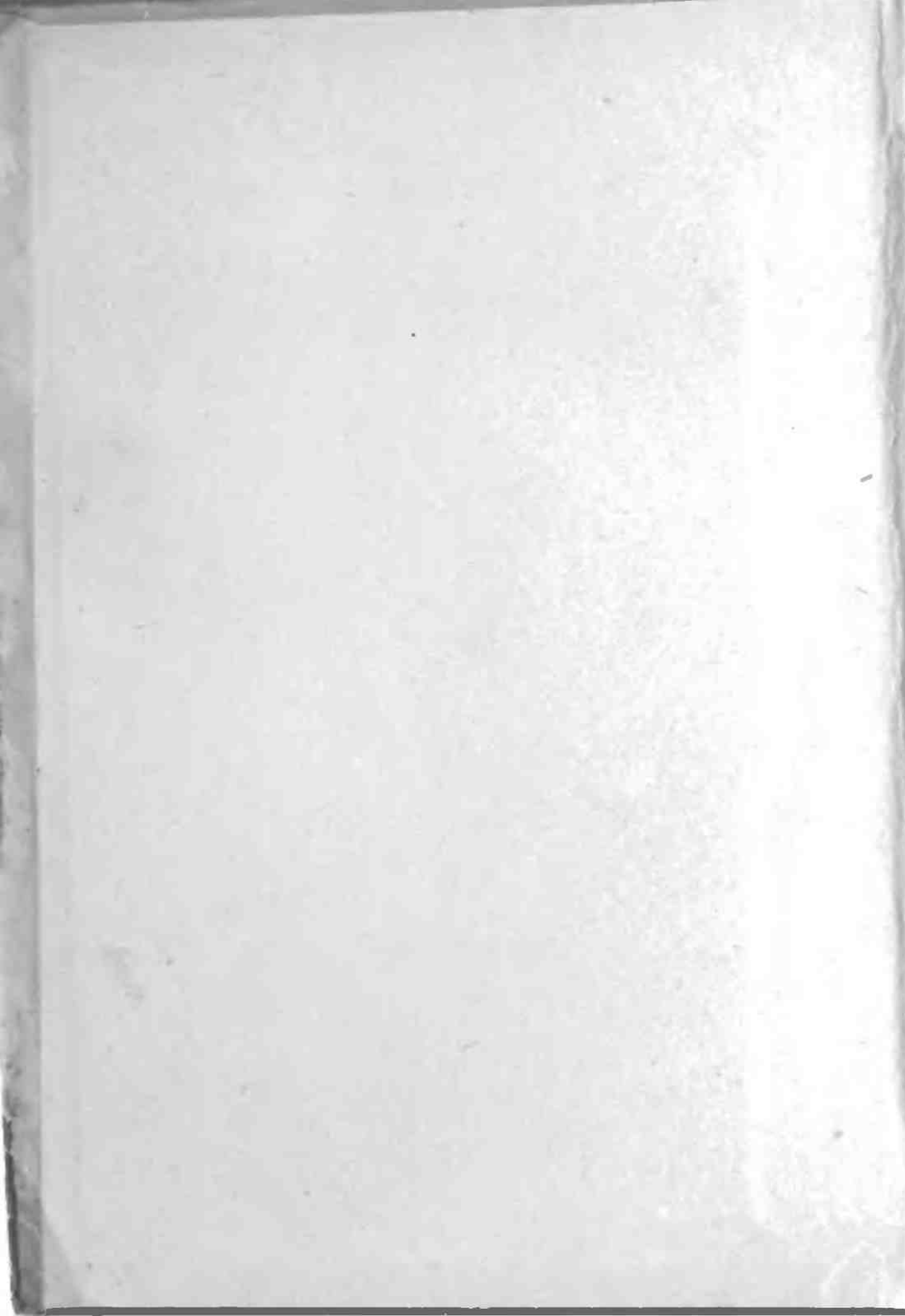

СКРАЙН

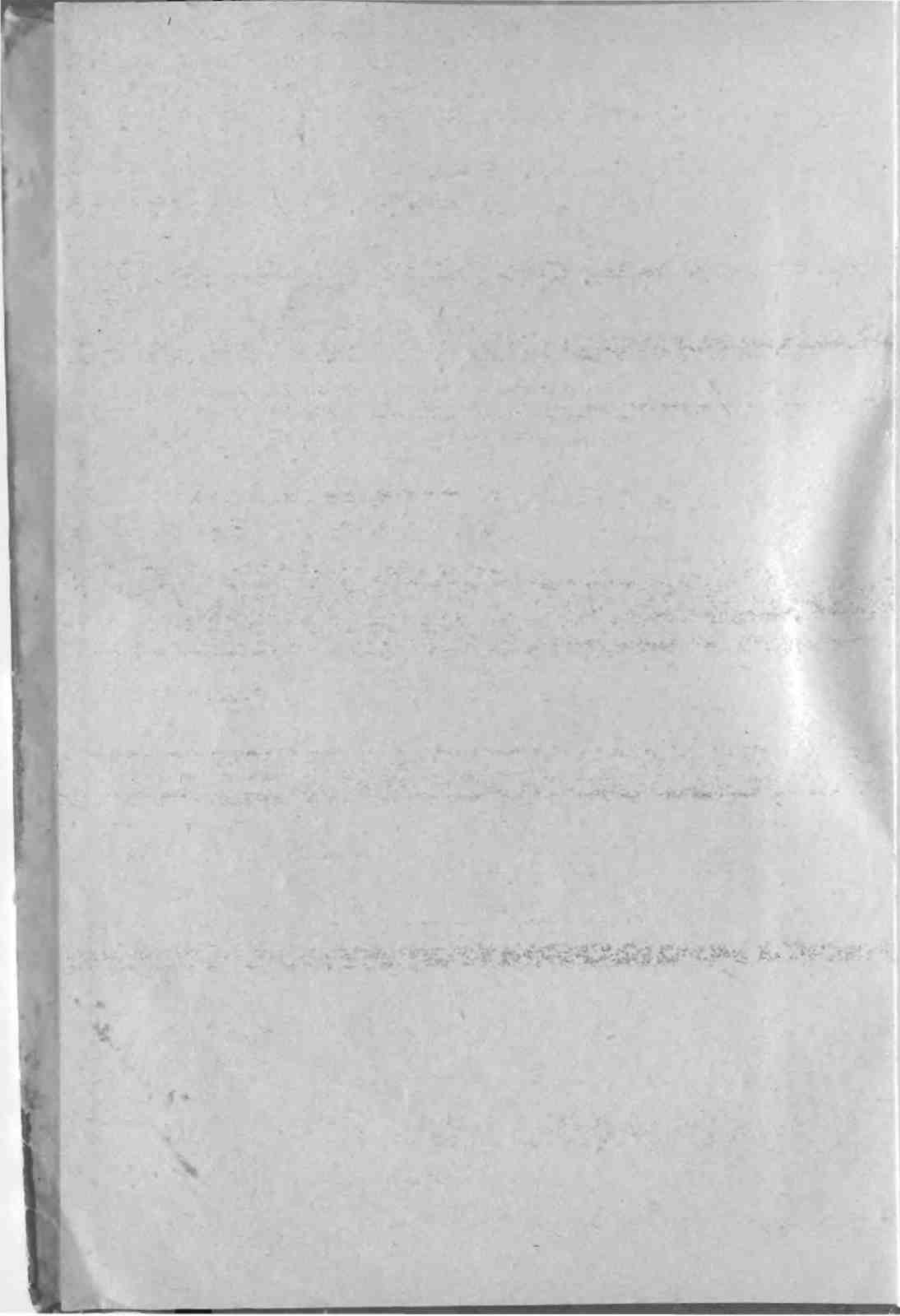
КИТАЙСКАЯ
центральная
АЗИЯ

Молодая гвардия · 1935

Nauljammis.

**CHINESE
CENTRAL ASIA**

By

C. P. SKRINE

СКРАЙН

КИТАЙСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

(СИНЬ-ЦЗЯН)

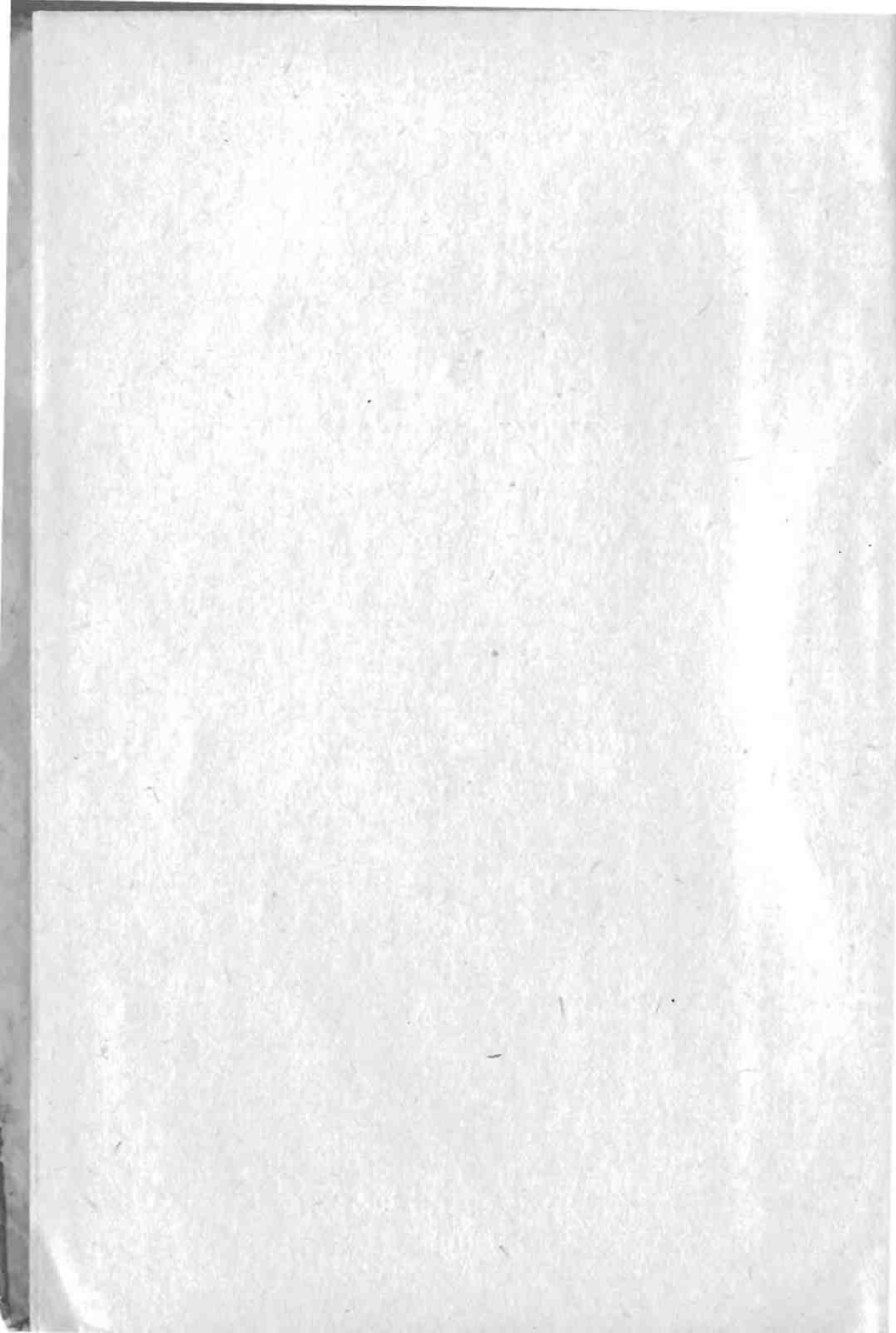
*

*ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО,
ПРЕДИСЛОВИЕ, ПРИМЕЧАНИЯ
И РЕДАКЦИЯ АЗИЗА НИАДЛО*

*

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1935

Книга Скрайна «Китайская Центральная Азия» знакомит с наиболее обширной провинцией Китая — Синь-Цзяном, граничащей с СССР, Монгольской народной республикой, Тибетом, Индией и Афганистаном.

В географическом отношении Синь-Цзян представляет большой интерес, ибо здесь сходятся величайшие горные хребты — Гиндукуш, Тянь-Шань, Каракорум и Куэи-Лунь. С запада вплотную к Синь-Цзяну подступает Памир, а с юга — Тибет.

Путешествуя неоднократно по Синь-Цзяну, английский консул Скрайн имел возможность хорошо ознакомиться как с физическим обликом этой страны, так и с бытом и фольклором населяющих ее народностей.

Предисловие

На восток от наших Среднеазиатских республик, за мощным барьером Тянь-Шаньского хребта, раскинулась огромная китайская провинция Синь-Цзян.

По величине она является самой обширной провинцией Китая, занимая около полутора миллионов квадратных километров. На ее территории свободно уместятся Япония, Германия, Франция, Дания, Бельгия и Голландия. Однако населения в этой необъятной стране меньше, чем в одной Москве: по официальной статистике там живет всего 3 053 тыс. человек.

Синь-Цзян окончательно покорен китайцами в конце семидесятых годов прошлого столетия, и ядро китайцев-колонистов там численно небольшое: они насчитывают всего 355 тыс. человек (11,6 проц.), включая в это число солдат, жандармерию и многочисленную армию чиновников.

Основным населением является тюркская народность — уйгуры, — родственная нашим узбекам. Всего их в провинции 1 779 тыс. человек (58,8 проц.). Вторую коренную группу составляют казаки и киргизы — 309 тыс. человек (10,1 проц.). За ними идут последовательно монголы — 231 тыс. человек (7,6 проц.), дунгане — 151 тыс. человек (5,4 проц.), индусы — 60 тыс. человек (2 проц.), манчжуры-сибо — 50 тыс. человек (1,6 проц.), долоны — 36 тыс. человек (1,2 проц.), тибетцы — 30 тыс. человек (1 проц.), таджики, шихпу, чипан и прочие горцы — 19 тыс. человек (0,7 проц.).

Если присмотреться к составу населения по отдельным районам, картина резко меняется. Синь-Цзян распадается на две основные части. Северную половину (Бей-Лу) образуют округа Урумчинский, Алтайский, Тарбагатайский и Илийский, занимающие 512 000 кв. километров. Там живет 36 проц. всего населения. Южную часть провинции (Нань-Лу) составляют округа Кашгарский, Аксуйский, Карашарский и Хотанский, где на площади в 913 000 кв. километров сосредоточено 64 проц. всего населения. Эта часть провинции очень часто называется Кашгарией.

В северной половине провинции наиболее значительной группой на-

селения являются китайцы (30,8 проц.), в то время как на юге их только 1,1 проц. Вторую основную группу составляют казаки и киргизы (23 проц.). На третьем месте идут монголы (15 проц.) и уйгуры (15 проц.), а затем следуют дунгане (11 проц.) и манчжуры (3,5 проц.).

В южных округах преобладают уйгуры, составляющие 83,5 проц. 54 проц. всей поверхности Кашгарии занято пустыней Такла-Макаң. Горные хребты составляют 36 проц. общей площади и только 10 проц. остается для оазисов.

На севере провинции пустыня Цзосотын-Элисун (западная окраина Гоби) тоже захватывает большие пространства, но площадь земли, годной для использования, составляет уже 21 проц.

В северных районах, богатых пастбищами, кочевое население составляет 38 проц., сельское — 48,5 проц. и городское — 13,5 проц. (значительная доля этой цифры идет за счет китайцев).

На юге Синь-Цзяна кочевников только 7,4 проц., сельского населения 81,6 проц. и городского 12 проц.

Со времен глубокой древности Синь-Цзян играл большую роль в торговле Запада с Востоком. Через эту страну пролегал знаменитый «шелковый путь», по которому китайские товары попадали в далекую «страну Та-Цин» — Рим. Во II веке до нашей эры китайцы впервые завоевали Синь-Цзян, чтобы через эту страну вести торговлю с западным миром. Богатства страны привлекали к себе все новых завоевателей, и в течение двух тысячелетий Синь-Цзян кипел в котле величайших потрясений и войн. Одна волна народов растворялась в другой, древние обитатели этого края оттеснялись в неприступные горы и подчас должны были искать убежище в соседних странах.

Политическая история Синь-Цзяна за последнее столетие складывалась под сильным влиянием России и Англии, соперничавших между собою на Среднем Востоке. Англия, завершая завоевание Индии, вплотную подошла к южным границам Синь-Цзяна, а в это время Россия наступала с севера и запада. Природные условия в этой империалистической игре помогали России. Естественные торговые пути прочно связывали Синь-Цзян с Семиречьем и Ферганой. Товарооборот непрерывно рос. В 1882 г. из Кашгара было вывезено товаров в Россию на 800 343 руб., а ввезено туда из русского Туркестана на 560 213 руб. Уже в 1906 г. цифры непомерно возросли. Вывоз равнялся 3 379 101 руб., а ввоз 2 123 287 руб.

Консульский отчет за 1904 г. так обрисовал положение, которое заняла Россия в торговле с этой провинцией Китая:

«В настоящее время можно без большой ошибки сказать, что две трети торговли в Восточном Туркестане находятся в руках андижанцев¹.

¹ Андижанцами в Синь-Цзяне называли всех ферганских купцов.

В Кашгаре купцов-андижанцев больше, чем природных кашгарцев, и торговые обороты их далеко превосходят обороты кашгарских купцов. То же самое можно сказать отчасти и о других городах Китайского Туркестана» («Сборник консульских донесений», вып. III, стр. 169).

В 1913 г. баланс русской торговли становится активным. В этом году вывоз равнялся 4 154 717 руб., а ввоз — 4 167 420 руб. Русский капитал занял в Синь-Цзяне господствующее положение. Торговля с Индией была затруднена естественными географическими препятствиями. На пути, продолжавшемся 50 дней, приходилось преодолевать перевалы, наиболее высокий из которых доходит до 5 650 метров.

Однако англичане всемерно поощряли торговлю Индии с Синь-Цзяном, о чем рассказывает нам Скрайн в первой главе своей книги. Что же привлекало и Россию и Англию в эту страну? Для ответа дадим слово царскому консулу Сокову, писавшему в своем отчете за 1913 г.:

«Эксплоатация горных богатств Кашгарии, примыкающей с одной стороны к предгорьям Тянь-Шаня, а с другой к цепи Гималайского хребта, несомненно должна была бы приносить как населению, так равно и администрации края весьма хороший доход, но, принимая во внимание всю инертность и косность местного населения, все горные богатства находятся до самого последнего времени в неведомом, скрытом состоянии. Из полезных ископаемых, добываемых здесь, можно отметить металлы: золото, серебро, медь, свинец, железо; минералы: квасцы, сера, селитра, соль, нашатырь, каменный уголь, алебастр, асфальт, озокерит и разные сорта мрамора; из драгоценных камней можно отметить большие залежи нефрита, небольшое количество яхонтов и изумрудов, собираемых в окрестностях Хотана. Золото в южной Кашгарии встречается почти повсюду, но особенно богатые россыпи находятся в горах от Карангутага до Лоб-Нора¹. Большая часть добываемого золота идет в Индию... Каменный уголь встречается тоже почти повсюду в Кашгаре... Медных месторождений также значительное количество... Из прочих горных богатств необходимо отметить нефть, каковой в Кашгарии значительное количество... В местностях близ Иркештама, Хотана, Кучара и в Куруктаге в нескольких местах открыты месторождения свинца... Горные богатства края, как я уже выше упомянул, находятся в скрытом состоянии и ждут своих исследователей. Без преувеличения можно сказать, что горных богатств здесь огромное количество, и если бы сюда явились энергичные предприниматели, имея у себя известные капиталы для первоначального оборудования дела, то они извлекли бы из недр земли такие богатства, которые своим количеством удивили бы весь мир».

¹ Эти места обследовал Скрайн (см. главу XV «У северной границы Тибета»).

Россия чувствовала себя в Синь-Цзяне хозяином. Офицеры разведки, разъезжавшие по всей стране, занимались попутно изучением месторождений полезных ископаемых, предвкушая будущие барыши и заявляя: «Такие страны, как Кашгария, Памир, Бадахшан, представляют для нас естественный рынок»¹.

Англия была очень встревожена успехами российского «ситцевого» империализма, грозившего захватить страну. Еще 17 ноября 1869 г. Энгельс писал Марксу о соперничестве России и Англии в Синь-Цзяне:

«Дела у русских в Азии успешно продвигаются вперед... Если они покорят его (Якуб-бека, правителя Кашгарии, отделившейся в то время от Китая. — А. Н.), то продвинулся вплотную к странам, находящимся под английским протекторатом (Ладак, Кашмир) и отстоящим миль на 200 от английской границы»².

Для борьбы с русским влиянием англо-индийское правительство командировало в Кашгар в 1873—1874 гг. миссию Форсайта, о которой мельком в первой главе упоминает Скрайн. Форсайт проложил путь в Синь-Цзян и по его следам стали отправляться многочисленные экспедиции.

«Англичане очень интересуются торговыми оборотами и минеральными богатствами Притяньшаньского края... В 1886 г. большая экспедиция... простояв там около месяца, собрала самые точные сведения о состоянии нашей ввозной торговли, и, исследовав в прилегающих богдасских горах нефтяные источники и богатые залежи каменного угля, серы, меди, серебра и золота, через Токсун (направилась далее к городу Карашару»³.

Октябрьская революция положила конец существованию российского империализма, но зато Англия, не имевшая больше конкурента, получила свободу действий. Одновременно с возникновением закаспийской авантюры и посылкой английских войск для поддержки белогвардейских отрядов на закаспийском фронте, в Кашгар была направлена миссия полковника Чарльза Бэйли, имевшая своей задачей выяснить вопрос о присоединении южного Синь-Цзяна к индийским владениям с тем, чтобы твердо стать на подступах к молодой советской стране. От Советской республики хотели оторвать всю Среднюю Азию, организовав там автономный туркестанский султанат под протекторатом Англии. Чарльз Бэйли пробрался в Ташкент и создал там подпольную контр-революционную организацию, возглавленную Павлом Назаровым, кото-

¹ Субботин, Россия и Англия, СПб, 1885, стр. 43.

² Собрание сочинений Маркса и Энгельса, т. XXIV, стр. 248.

³ Абаковский, Краткий исторический очерк торговли России с Северо-Западным Китаем, Омск, 1886 г.

рый впоследствии бежал в Кашгар, сделался другом Скрайна и принял участие в его экспедициях (см. главу VII).

Английская авантюра на Среднем Востоке провалилась. Советы упрочились по всей территории Туркестана, выбросив басмачей и белогвардейцев за пределы нашей страны. Часть из них осела в Кашгаре, установив теснейший контакт с автором книги, английским генеральным консулом Скрайном, который так вспоминает дружбу и поддержку белогвардейцев:

«Руководящие семьи среди шведских миссионеров и русской колонии... олицетворяли доброту и гостеприимство. Часто по вечерам мы принимали участие в многочисленных, но приятных (!) собраниях».

Еще более откровенно рассказывает о своей антисоветской работе предшественник Скрайна, полковник Эссертон в своей книге «В сердце Азии». Однако планы сторонников интервенции и новых захватов в Азии потерпели фиаско. Неудачная для англичан англо-афганская война, принесшая Афганистану независимость, широко разросшиеся восстания в самой Индии, крах белогвардейщины заставили круги британской военщины отказаться от политики прямых захватов и перейти к иным методам, которые матерый контрразведчик — генерал Перси Сайкс — просто окрестил «кашгарской работой».

Газета «Джапайн Адвертайзер» высказалась о пресловутой «кашгарской работе» еще прямей:

«Независимость Тибета и Синь-Цзяна является только вопросом времени. То, что Британия скрывается за спиной независимости в Тибете, является общеизвестным фактом. В то время как китайцы следовали бессмысленной политике сопротивления Японии (!), Тибет и Синь-Цзян проводили подготовку к отделению от Китая»¹.

Многочисленные английские экспедиции изучали страну под разными предлогами: то в Синь-Цзян прибыл «известный охотник на слонов» (!) генерал Пигот, то со «спортивными целями» совершает поездку лорд Айлесфорд, то на смену им выпускается маститый археолог — сэр Аурель Штейн. Китайским газетам надоела эта игра в жмурки и «Тянь-Шань Жи-бао» заявила открыто:

«Несколько месяцев назад англичане от имени своего правительства командировали в Синь-Цзян лорда Штейна, официальная цель приезда которого в провинцию — изучение памятников старины. Фактически же он ведет работу по исследованию состояния охраны границ, путей сообщения и наличия естественных богатств, ввиду чего наши власти принуждены были его выслать»².

¹ «Джапайн Адвертайзер» от 13 мая 1933 г.

² «Тянь-Шань Жи-бао» от 20 апреля 1933 г.

Штейн не успел произвести всех съемок и просил Скрайна помочь ему. Застрахованный дипломатическим паспортом от неприятностей, постигших позднее Штейна, Скрайн при помощи беглого белогвардейца Назарова произвел в течение трех поездок подробную съемку подступов к советскому Памиру. Откровенность, с какой рассказывает Скрайн о своей разведывательской работе и о дружбе с белогвардейцами («Мой друг Павел Назаров»), безусловно надо оценить.

Характерной особенностью книги Скрайна является то, что наряду с подробным и правдивым внешним описанием края он уделяет недостаточное внимание и дает извращенную характеристику его обитателям. Впрочем, эта особенность становится легко объяснимой, если прочесть предисловие к английскому изданию, написанное сэром Френсисом Юнгхесбендом. По тону оно вполне достойно «произведений» господина Геббельса и его молодчиков.

«Китайцы могут начать носить европейскую одежду, но кожа под одеждой останется все того же цвета» — и т. д. в том же духе.

Понятно, нельзя ждать от книги агента английского империализма сколько-нибудь правдивого изображения действительного положения населения колониальной страны. За голодной нищетой крестьянства Скрайн сумел разглядеть только «счастливую Аркадию»¹.

Несмотря на это, книга Скрайна заслуживает внимания советского читателя. Ценность ее заключается в живом описании горных хребтов Синь-Цзяна, еще не посещенных исследователями, в изображении природы и быта населения этой малоизвестной страны, по которой Скрайн в качестве английского консула много путешествовал.

¹ Вся VI глава названа Скрайном «Центральноазиатская Аркадия».

ГЛАВА I

На аванпосты

Это было в морозный ноябрьский вечер 1921 года в уютном уголке бара Кветтского клуба. Один из моих старших коллег по министерству иностранных дел и политическому департаменту, приехавший случайно в Кветту по делам, отвел меня в сторону и сделал соблазнительное предложение:

— Некоторое время тому назад я согласился поехать в Кашгар и проработать год генеральным консулом вместо Э.¹, который уезжает в отпуск. Теперь по семейным причинам я не хочу ехать. Вы не будете возражать, если я представлю правительству вас как своего заместителя?

Для того, чтобы оценить все значение этого предложения, мне понадобилось много времени. Подумав, я ответил:

— Что же, если бы мне представился такой случай, я, пожалуй, отправился бы и завтра, но я слишком неопытен и нет ни малейших шансов на то, что правительство предоставит мне эту работу.

— О, не думаю,— заявил полковник,— это только на один год и больших притязаний на это место не будет. Во всяком случае могу ли я им в Дели² предложить ваше имя?

— Конечно можете!

Шесть недель спустя, когда я и Д. (моя жена) были уже в отдаленном и малоизвестном округе Восточной Персии, Серхаде, туда пришла телеграмма, в которой я извещался о назначении на должность генерального консула в Китайском Туркестане. Эту телеграмму мне принес белудж из консульского конвоя, завернув ее в пояс своей одежды. Новость была слишком хорошей,

¹ Речь идет о полковнике Эссертоне, известном своей антисоветской деятельностью. (Примечание редакции, как и все последующие в книге.)

² Д е л и является резиденцией вице короля Индии.

чтобы казаться правдой. Четыре года тому назад в Кирмане, на юго-востоке Персии, сэр Перси Сайкс (бывший тогда генеральным инспектором южноперсидских стрелков) говорил мне с увлечением о «кашгарской работе», и я поклялся, что когда-нибудь позднее эта работа будет моей. И теперь, спустя только четыре года, мне представлялась возможность ехать туда!

Передо мной встал единственный вопрос — сможет ли Д. поехать со мной. С этого времени я бомбардировал телеграф запросами. Прошло три тревожных недели, в течение которых Д. с трудом могла спать, боясь, что ей придется остаться, пока от правительства не пришло разрешение. Торопиться особенно не приходилось. Кашмирские проходы должны были открыться спустя 4—5 месяцев. Надо сказать, что путь в Кашгарию через советскую территорию, т. е. по Закаспийской железной дороге до Андижана и дальше через Тянь-Шань лошадиным караваном, был теперь закрыт. Благодаря хаотическому состоянию Закаспия после революции и последующему закрытию границы между Россией и Китайским Туркестаном сравнительно легкое путешествие к месту нашего назначения стало невозможным.

Оставался единственный вариант — приходилось ехать по железной дороге и шоссе в Сринагар и оттуда в июле, после открытия перевалов, ехать верхом и итти пешком в течение семи недель через дикий горный пояс, который отделяет Кашмирскую долину от равнин Китайского Туркестана. Времени для приготовлений было достаточно и конец апреля застал нас трясущимися по долине Джелама в столицу Кашмира. Большинство едущих туда и спешащих поскорее добраться до места проделывает стодевяностомильный путь в два дня. Мы могли уделить этому шесть дней и испытать все прелести нашей первой поездки по знаменитой долине, отправившись в Сринагар на тонге¹.

Индию с Китайским Туркестаном соединяет несколько путей. До самых отдаленных индийских аванпостов доходят хорошие дороги, а дальше идут каменистые караванные пути. Огромный барьер, образуемый Гиндукушем и Каракорумом, можно преодолеть только в трех точках — через Чиртал, Лех и Гильгит. Первый из этих путей для обычных путешественников закрыт. Второй, идущий из Сринагара в Лех и отсюда через Каракорум в Яркенд, является путем, которым пользуются наиболее часто. Это — самый высокий и наиболее трудный путь в мире, не исключая даже дорог, ведущих через Анды.

¹ Тонга — почтовая повозка.

Со времени знаменитой миссии Форсайта в 1873—1874 годах, которая везла письмо и подарки от самой королевы Виктории «эмиру» Якуб-беку Бадаулету Кашгарскому, наша политика заключалась в стимулировании торговли с Китайским Туркестаном. Однако до 1891 года лехские караваны часто подвергались нападениям со стороны туземных жителей Хунзы и Нагара. Только после подавления этих незначительных горных племен полковником Дюрандом лехская дорога сделалась безопасной, и ею стали регулярно пользоваться для торговли. Кашмирское государство весьма заинтересовано в этом пути и тщательно поддерживает его в порядке. Почтово-транспортная дорога из Сринагара через перевал Зози-Ла в Лех — столицу Ладака или Малого Тибета¹ — содержится в превосходном состоянии. Специальный чиновник, известный под именем британского комиссара в Ладаке, защищает интересы торговцев в Лехе и Сринагаре. В различных пунктах по Яркендской дороге имеются правительственные склады, отпускающие фураж караванам по твердым ценам. Торговля поощряется также многими другими мерами.

Тем не менее, несмотря на все эти льготы, трудности, с которыми сталкивается торговля Индии с Центральной Азией, так велики, что просто удивительно, как этот путь может быть выгодно использован.

Во-первых, около Сринагара высится горный перевал Зози-Ла с его снежными бурями и обвалами. Дальше между Лехом и Яркендом необходимо преодолеть пять перевалов высотой более 4950 метров, из которых три трудны и опасны и только самый высокий из них, превышающий 5650 метров², — Каракорум — сравнительно легок.

В этом направлении в течение четырнадцати переходов все запасы фуража и продовольствия должны перевозиться караваном, потому что путь пролегает по совершенно мертвой каменистой пустыне.

Другим препятствием являются бесчисленные горные потоки и быстро вздувающиеся во время таяния снегов реки. Местные проводники — большей частью жители округов Каргалыка и Гумы — ежегодно теряют множество лошадей, падающих в пути. Животные не в состоянии переносить разреженный воздух горных высот, они гибнут от недостатка корма, при переправах через реки, во время обвалов. Тем не менее летом и осенью поддер-

¹ Автор путается в географических терминах. Малым Тибетом называется Бальтистан — страна, прилегающая к Ладаку. Столица ее Искардо,

² У автора по всей книге высоты указаны в футах.

живается оживленное движение. Из года в год караваны везут из Индии в Яркенд бумажные и шерстяные материи английского производства, английские и немецкие краски, индийский чай и парчу, пряности и сахар с Цейлона, а в обмен из Китайского Туркестана идут кошмы, гашиш, шелковые и ковровые изделия из Хотана, золотой песок и серебро.

Большинство европейских путешественников, спортсменов, миссионеров и др., направляющихся из Индии в Китайский Туркестан, едет этой дорогой. Но мне, как ехавшему по служебной надобности, был открыт еще третий путь, более короткий, удобный и интересный: через Гильгит, перевал Мын-Теке и Китайские Памиры. В силу целого ряда причин дорогой этой для обычных торговых сообщений не пользуются. Во-первых, путь по узкому ущелью реки Хунзы между Бальтитом и Мыскармом недоступен для вьючных лошадей, все грузы приходится перевьючивать на носильщиков, которые перетаскивают их небольшими ношами весом в 23 килограмма от деревни до деревни. Далее, эта дорога небезопасна ввиду возможных нападений со стороны обитателей Хунзы и Нагара. В-третьих, большие осложнения вызывает вопрос с продовольствием, неохотно отпускаемым со скудных правительственных складов. Для меня этих препятствий не существовало, а наоборот, власти на всем пути выказывали по отношению ко мне чрезвычайную предупредительность.

Открытие движения по этой дороге стоит в зависимости от состояния снегов на горных перевалах Трагбаль (3 642 метра)¹ и Берзиль (4 150 метров), которые становятся проходимыми обычно не ранее начала июня, хотя по ночам, когда снег подмерзает, переход становится возможным недели за три-четыре до обычного срока.

Ехало нас четыре человека: я, жена, мой приятель — чайный плантатор с Явы, для которого пришлось испрашивать отдельное разрешение, и мой слуга Ахмед.

Начались сборы. Прежде всего нужно было приобрести прочные, обшитые кожей или обитые жестью деревянные сундуки для вьюков (ягтаны) и обшитые кожей корзины для носильщиков. Заказ на них взялись выполнить местные ремесленники. Затем пришлось приобрести седла, палатки, теплое и летнее платье и т. д. Решено было захватить с собой также необходимые кухонные принадлежности. Для подарков в пути были закуплены часы, ножи и разные мелкие предметы домашнего обихода.

¹ Речь идет о перевале Хату-Пир близ села Трагбаль-Чоки.

Вопрос о транспортных средствах был решен таким образом, что мы наняли двадцать пять выючных лошадей, которые должны были ждать нас в Бандипуре, куда мы намеревались добраться из Сринагара водой на барке.

Оставалось еще разрешить вопрос о переводчиках. Мои трудности в этом отношении поймет всякий, если сказать, что на пути от Сринагара до Кашгара местное население говорит на семи различных языках, не считая наречий. Однако переводчика, который мог бы изъясняться на всех этих языках, найти не удалось.

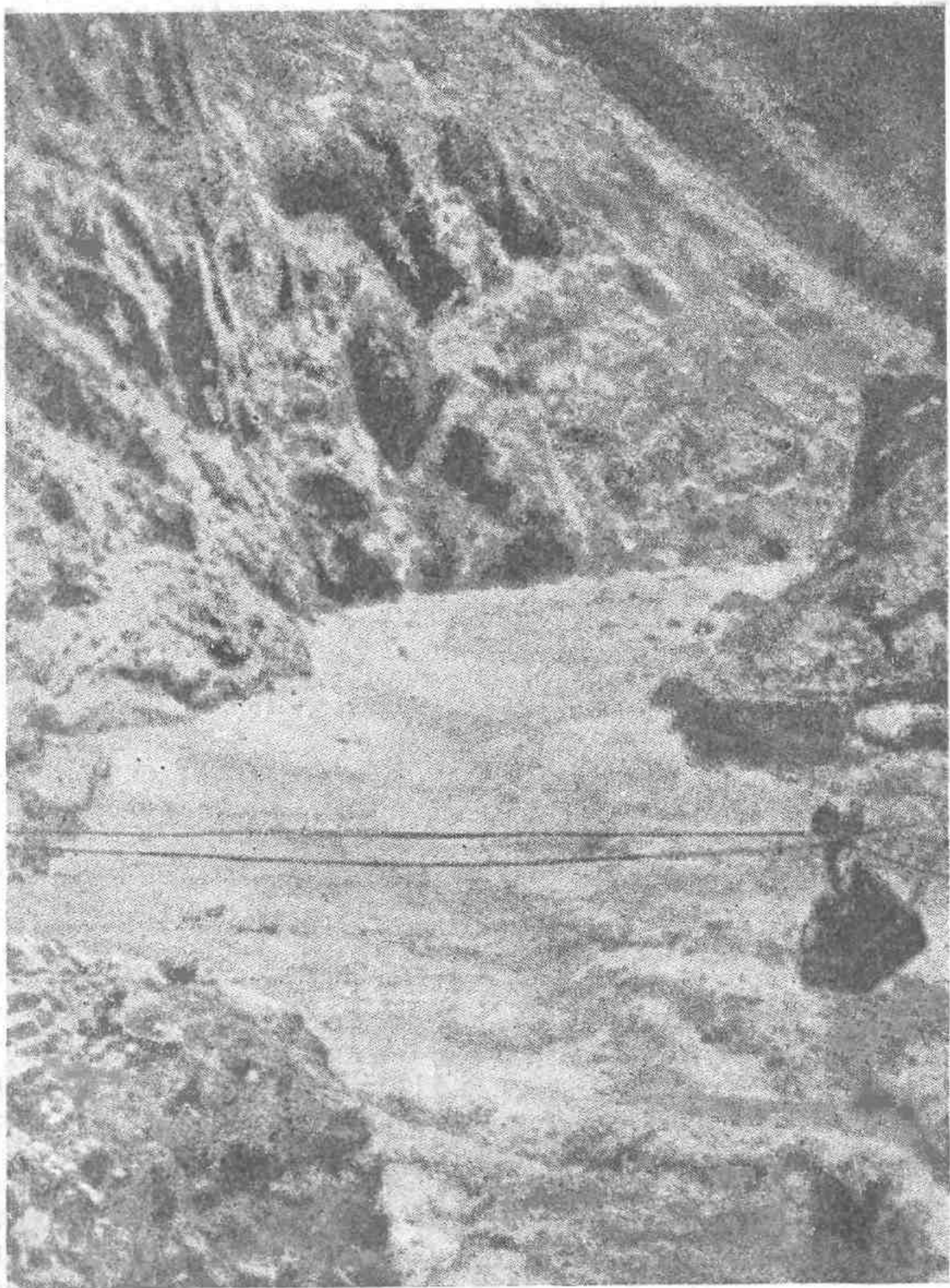
Наконец 3 июня 1922 года все было готово. Мы двинулись в путь на нашей барке по реке Джелам до Бандипура¹. Там мы высадились на берег и дальше поехали по дороге среди гор, покрытых хвойным лесом и перемежающихся с долинами, на которых располагались хлебные поля, тутовые и каштановые рощи.

Ехали пока мы со всеми удобствами, останавливаясь на ночлег в небольших стационарных помещениях, имевших по две-четыре комнаты, и дорога, за исключением перевалов, пока не представляла никаких трудностей. Нам по необходимости пришлось обращаться за перевозочными средствами к местным жителям. Население после двух голодных годов было сильно истощено. Причиной голода была гибель урожая, вызванная чрезвычайно сильными ливнями, уничтожившими все хлебные поля. Больные жители горных сел наряду с остальным населением вынуждены были питаться дикими растениями и разными отбросами. Они обращались к нам по дороге за помощью, но мы мало могли уделить им из своих скудных запасов.

Переход через высокогорный перевал — всегда крупное событие для горного путника или туриста. Таким перевалом явился для нас Берзиль. Трагбаль в счет итти не мог, так как он едва достигал 3 642 метров высоты и скорее напоминал горное плато, по которому несколько километров тропинка тянулась зигзагами, пока не спускалась круто вниз в поросшую лесом долину. Зато высота Берзильского перевала доходила до 4 150 метров, и подъем на него занял два перехода. Подъем все время шел по местности с красивыми горными видами.

Под палящим солнцем Кашмира в июне снег тает даже на высоте 4 тысяч метров, и перевалы, подобные Берзильскому, рекомендуется поэтому проходить ночью или рано утром, когда снежный покров крепче. Мы также поднялись рано утром и, одев-

¹ Селение Бандипур лежит на северном берегу озера Вулар, в которое впадает река Джелам.

Переправа через реку в Рамете (Сев.-Зап. Индия).

шись во все теплое, принялись карабкаться по каменистому крутому подъему кверху.

Брезжил рассвет, когда мы вышли на обширное снежное поле и увидели сторожку на высоких двенадцатиметровых столбах-сваях, представлявшую приют для служащих индийского телеграфа. Нам объяснили, что снежный покров зимой достигает высоты дверей сторожки. Когда солнце стало припекать, я понял, почему нам нужно было переходить перевал ночью: снег растаял, и в нем беспомощно вязли люди и лошади.

На северной стороне перевала нас поджидали три всадника, посланные нам навстречу из Кашгара; из них Гафиз, кашгарский уроженец, был потом взят мною на службу.

Ущелье реки Астор, по которому нам затем пришлось ехать, очень узкое, в некоторых местах тропинка подходит к самому потоку, бурному и стремительному.

В Рамгете нас ожидала необычайная переправа через реку Астор в деревянном висячем ящике, передвигавшемся на блоке по стальному канату, перекинутому через реку. В ящике могло поместиться только два человека. Лошадей с поклажей пришлось, понятно, отправить в обход до ближайшего моста через реку Инд, а самим двое суток брести 70 километров до Гильгита. Это была самая неприятная часть всей дороги от Сринагара до Кашгара благодаря невероятной жаре и надоедливому насекомым. Приходилось двигаться по раскаленным камням, и лишь изредка попадались тенистые и прохладные места. Некоторым вознаграждением для нас был чудный вид на гору Нанга-Парбат, почти в 8 007 метров высоты.

Наконец 15 июня мы прибыли в Гильгит, где провели три дня в доме английского политического агента, окруженные всеми удобствами. Гильгит является важным узловым центром для целого ряда дорог, расходящихся от него во все стороны по направлению к Кашмиру, Бальтистану, Канжуту (Хунзе), Читралу и т. д. Всего за двенадцать дней от Бандипура мы прошли и проехали 365 километров.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

Синь-Цзян (Китайский Туркестан) соединяется с Индией несколькими дорогами. Читральская группа путей доходит до Афганистана двумя вариантами — через перевал Барогиль и через перевал Сухсарават. Это наиболее легкая дорога, но несколько переходов совершается по афганской территории. Канжутское направление, которым ехал Скрайн, делится выше пограничного урочища Муркши на две ветви: одна из них (маршрут Скрайна) пересекает перевал Мын-Теке, а вторая — перевал Килик.

Есть крайне тяжелая для путников пешеходная тропа из Бальтистана (Малый Тибет). Она пролегает среди величайших в мире ледников, подходя близко к пику Годвин-Аустен, возвышающемуся на 8 600 метров. Миновав огромные снежные поля перевала Музтаг («Ледяная гора»), тропа спускается к реке Сипар. Перевал этот сейчас почти закрыт, редкий охотник рискнет проходить по нему.

Ладакское направление, о котором пишет Скрайн, имеет две дороги — летнюю и зимнюю. Движение по ним поддерживается почти круглый год, несмотря на то, что приходится преодолевать перевал Каракорум, имеющий 5 650 метров высоты. Только в марте, когда с гор обрушиваются снежные лавины, движение замирает целиком. Дорога эта чрезвычайно трудна, потому что пролегает по совершенно пустынной местности, где на протяжении двухсот с лишним километров совершенно не попадает человека жилая.

Здесь можно встретить единственные в своем роде караваны — большие стада завьюченных баранов. В Кашмире и Ладаке водится порода высокорослых овец — «гуния», славящаяся своей шерстью, из которой ткуются знаменитые кашмирские шали. Крупные партии этих баранов перегоняются на продажу в Синь-Цзян и, извлекая двойную пользу, погонщики завьючивают их, чтобы перебросить грузы по тому участку пути, где погибает почти не менее трети караванных лошадей и мулов. В среднем бараний вьюк весит от 8 до 16 килограммов. Другое вьючное животное, употребляемое для преодоления наиболее тяжелых высокогорных участков, — это як, тибетский бык, разведение которого чрезвычайно поощряется англичанами и в Ладаке и в Канжуте. Яки наиболее часто встречаются на последней дороге, соединяющей Синь-Цзян с Индией и проходящей от Керии через Рудокский округ Западного Тибета. Этот путь наиболее длинный и трудный, но англичане им весьма интересуются, ибо он выводит прямо к наиболее богатым месторождениям золота в южном Синь-Цзяне, лежащим у подножия Куэн-Лунского хребта, где, повидимому, также имеются выходы нефти. Англичане вообще уделяют большое внимание изучению подступов к Синь-Цзяну и Советскому Памиру, произведя за последние годы ряд разведок и топографических съемок (работы сэра Ауреля Штейна, лорда Айлесфорда, Шомберга, доктора Шмидта, полковника Гиллана).

ГЛАВА II

В сердце Каракорума

Наша трехдневная остановка в Гильгите¹ дала нам возможность возобновить дорожные запасы; в этом нам помогли приобретенный по дороге опыт и советы гильгитских друзей, хорошо знакомых с особенностями путешествия в этих местах.

У нас даже нашлось время узнать кое-что относительно тех диких районов, по которым мы должны были ехать следующие две недели.

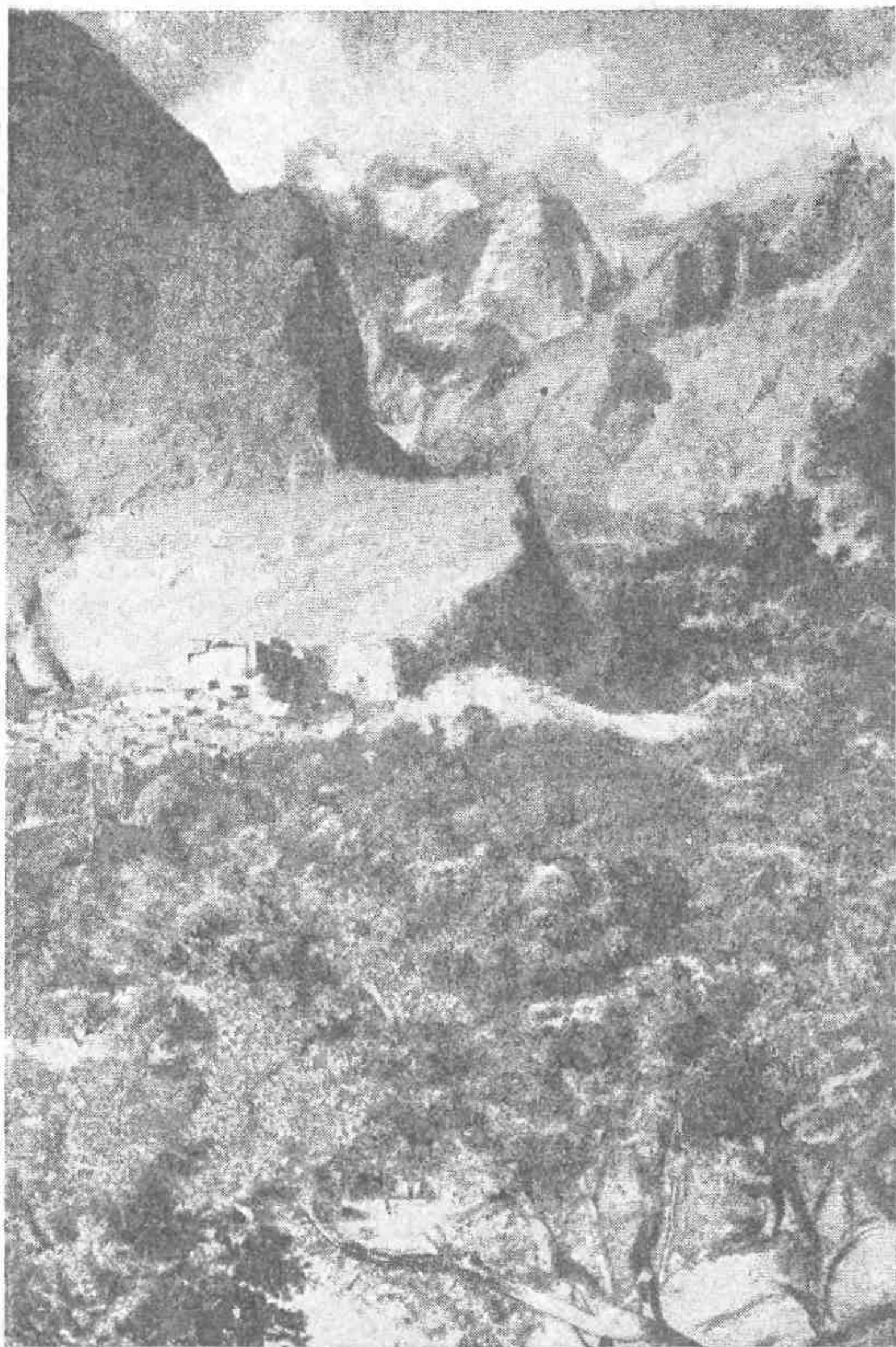
Страны Хунзы и Нагара² знакомы тем, кто интересуется этой частью Азии, по вышедшим недавно книгам Э. Ф. Найта «Там, где встречаются три империи» и сэра Ауреля Штейна «Погребенные песками развалины Хотана». Страна эта представляет такой интерес, что не лишним будет сделать относительно нее несколько замечаний. Штейн так говорит о долине Хунзы, которую он пересек в 1900 году во время своей первой поездки в Китайский Туркестан:

«Нет никакого сомнения, что эта замкнутая долина, так долго бывшая недоступной постороннему, внешнему влиянию, с ее немногочисленным населением, совершенно изолированным и в смысле языковом и в смысле этническом, содержит многое, что заслуживает тщательного изучения этнографов и историков» (А. Штейн, «Археологические изыскания в Китайском Туркестане», стр. 8).

Гильгитский округ является частью района, давно известного под туманным названием Дардистана, он населен двумя различными расами. Племя иешикун, к которому принадлежат обитатели Хунзы и Нагара, является, повидимому, остатком народа юэ-чжи или

¹ Г и л ь г и т — центр крайнего северного округа индийского княжества Кашмир.

² Х у н з а и Н а г а р — полунезависимые горные ханства, граничащие с Китайским Туркестаном.

Бальтид.

индо-скифов. Есть предположение, что они прошли вверх по долине Инда в очень давние времена, а позже за ними последовало индийское племя низших каст, называемое шинами. Последние силой вытеснили иешикунов в более дикие недоступные твердыни Каракорума.

Хорошо сложенные, крепкие, бесстрашные мужчины Хунзы и в меньшей степени нагарцы представляют резкий контраст со своими соседями — темной, низкорослой расой, живущей ниже по долине Инда.

Язык Хунзы — «буришаски» — совершенно отличен не только от гильгитского наречия шина, но и от всех других известных языков. Штейн называет этот язык «блуждающим осколком, оставленным здесь какой-то прошлой волной завоевателей» (А. Штейн, «Погребенные песками развалины Хотана», стр. 34).

Правящие семьи этих двух небольших княжеств ведут свою родословную от Александра Македонского. Если иешикуны действительно происходят от остатков юэ-чжи, как думает Биддельф¹, то весьма возможно, что это есть отдаленное воспоминание народа о Бактриане, которую Александр Македонский покорил в 349—327 годах до нашей эры.

Как бы то ни было, нет никакого сомнения, что раса, заселяющая долину Хунзы, находится там, в центре величайших на земле горных массивов, весьма давно.

Как память о своем далеком прошлом канжутцы сохранили некоторые древние спортивные игры в роде примитивного поло древних персов или стрельбы из лука в цель верхом на всем скаку.

Согласно китайским хроникам, в VII столетии нашей эры район теперешнего Гильгитского округа находился в руках китайцев, которым таким образом удалось вбить мощный клин между арабами в верховьях Аму-Дарьи и тибетцами в Ладаке. Между 722 и 742 годами тибетцы в стремлении утвердиться на Памирах, чтобы потом двинуться на Кашгар, захватили сначала Бальтистан, а затем овладели районом Гильгита. Это придало решимости китайцам. Они двинули десятитысячную армию из Кашгара на Памиры, которая разбила тибетцев, прошла необыкновенно трудный Даркотский перевал (высотой 4793 метра) и заняла всю Гильгитскую область, включая долину Хунзы. В присоединенном округе был оставлен гарнизон в тысячу человек, для которого продовольствие доставлялось из отдаленного Кашгара.

¹ Биддельф — автор книги «Народы, населяющие Гиндукуш». Есть русский перевод.

Однако китайцы не долго удержали власть, тибетцы скоро прогнали их, и только спустя тысячу лет они утвердили снова свою власть, и еще до середины XIX столетия правитель Хунзы ежегодно посылал кашгарскому губернатору номинальную дань в виде золотого песка и шерстяных материй.

Край этот очень беден. Незначительное количество годной для обработки земли едва дает возможность населению поддерживать свое существование. Не удивительно поэтому, что с давних пор и до прихода англичан жители Хунзы и Нагара занимались грабежами караванов на путях, ведущих к Леху и Яркенду, набегами на Гильгит и торговлей невольниками, которых продавали киргизам.

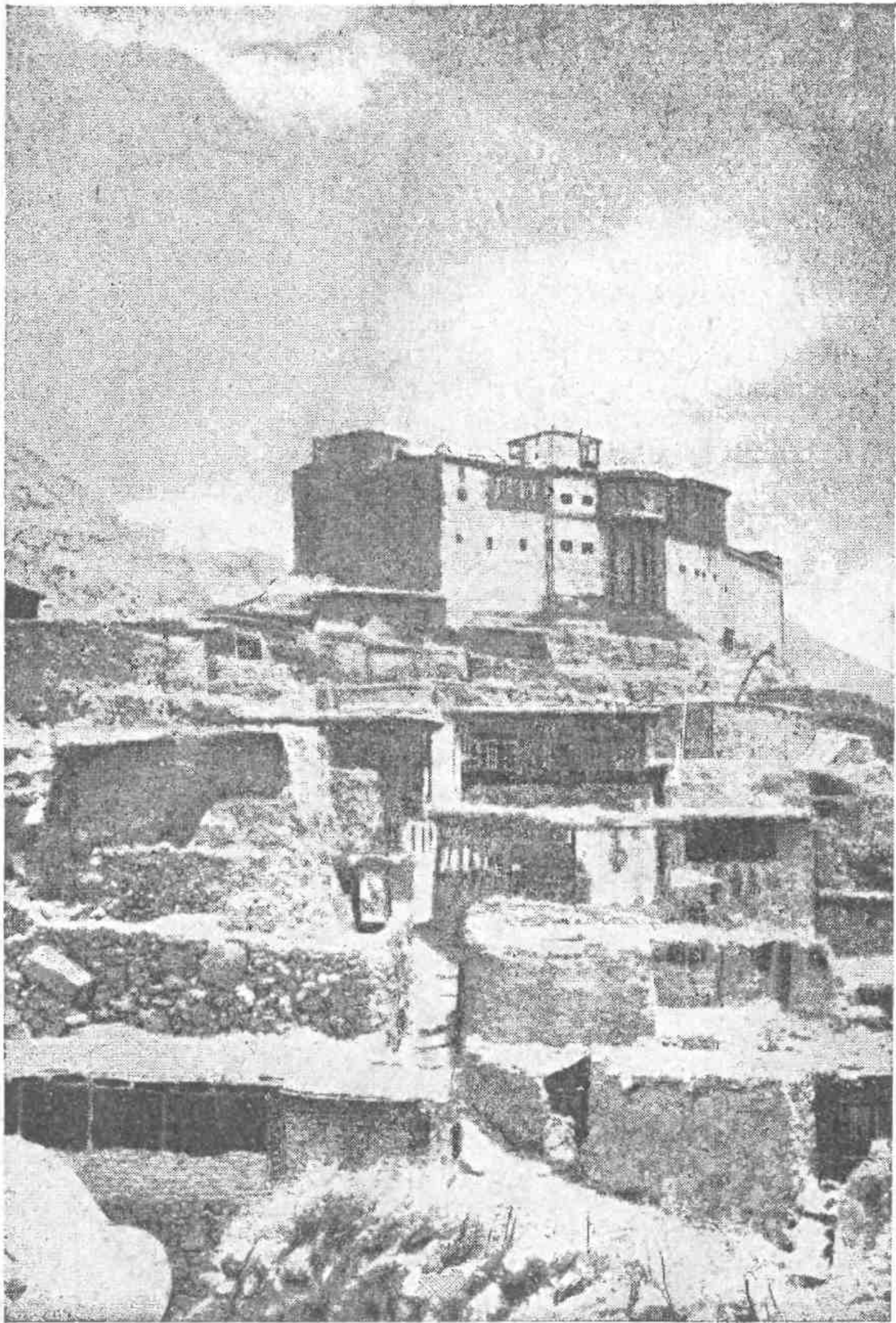
Между населением Хунзы и Нагара, отделенными друг от друга рекой Хунзой, сохранились еще следы прежнего соперничества, которое проявляется, правда, теперь только в мирной области спортивных состязаний. Различие религиозных верований (хунзийцы — последователи Ага-хана, исмаилиты, нагарцы — сунниты) еще более усиливает это соперничество.

Переход от Гильгита до Бальтида (столицы Хунзы) занял четыре дня. Первые два перехода, до Чальта, были очень скучны. Дорога шла по дну узкого ущелья реки Хунзы, закрывавшего весь кругозор. Местами она была высечена в скале. Ширина ее не превышала 120—180 сантиметров.

Затем путь стал интереснее и разнообразнее. Ущелье постепенно расширилось. Стали появляться деревушки, утопающие в садах и расположенные террасами по склонам гор поля, над которыми виднелись ледники, сползающие с горных высот. В двух километрах от Бальтида нас встретил правитель Хунзы и пригласил в свой дворец. В честь нас он организовал разнообразные игры и увеселения и предоставил в наше распоряжение двух своих людей, которые затем поступили ко мне на службу: один в качестве конного ординарца, а другой — повара.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

Скрайн. описывая население Канжута, приводит цитату из книги Штейна, утверждающего, что канжутцы в этническом и языковом отношении являются замкнутой, изолированной расой. Фактически дело обстоит совсем не так. Академик Н. Я. Марр еще в 1918 году обнаружил чрезвычайно интересный для историков Центральной Азии факт принадлежности языка канжутцев к яфетической системе. Академик Бартольд писал по этому поводу: «Из областей Англо-Индийской империи, пограничные с Тибетом, особое значение в настоящее время приобрел Канжут; язык местного племени вершиков (в другом произношении «буришаски»,

Замок правителей Бальтида.

«буришки». — А. Н.), до сих пор признававшийся загадочным, является по исследованиям Н. Я. Марра единственным в Средней Азии остатком яфетических языков» (В. Бартольд, «История изучения Востока в Европе и России», Л., 1925, стр. 139).

В 1930 году со слов одного сарыкольца нами записана легенда о происхождении канжутцев. Предание говорит, что они обитали раньше в районе теперешнего Хотанского округа, где сейчас найдены следы былой высокой культуры. Затем туда нахлынули народы с востока, от Лоб-Нора, и с северо-запада, из современной Ферганы. Эти два потока завоевателей столкнулись в Хотанском оазисе, бывшем несравненно более обширным в те века, и оттеснили прежних обитателей страны в дикие предгорья Куэн-Луня и в отдаленный от Хотана Канжут. В отрогах Куэн-Луня, описанных этой легендой, живет сейчас мало исследованное племя шихпу. Есть предположение о возможном родстве канжутцев и шихпу, но разрешить вопрос о их лингвистической связи не удалось из-за отсутствия соответствующего материала о языке шихпу.

ГЛАВА III

Через великий водораздел

От Бальтида до следующего населенного пункта Гильмита путь наш шел дальше по ущелью реки Хунзы, по дну которого с бешеным ревом мчался поток. Горная тропа здесь суживалась до 45 сантиметров. Местами для устройства дороги пришлось вбить в карнизы скал бревна и покрыть их настилом из веток. В других местах, где образовались расселины, через них были переброшены со скалы на скалу связанные вместе деревянные балки. Переход этот оказался трудным и утомительным.

Гильмит, где мы остановились, представлял красивую, всю в зелени, деревушку, население которой составляли выходцы из Вахана, говорящие на древнем персидском наречии вахи.

На следующий день, 27 июня, мы пересекли один ледник, обошли подножие другого, а затем пересекли третий и к восьми часам вечера остановились на ночлег в небольшой деревушке Хайбар. Из ледников представлял интерес только громадный ледник Батура длиной в 60 километров; остальные были покрыты камнями и грязью. Переход через Батурский ледник был особенно утомителен для полсотни наших носильщиков, местных жителей, которые несли на спине каждый установленный груз в двадцать два с половиной килограмма: поверхность ледника постоянно меняется, проторенной тропы нет, и приходилось с особенным вниманием выбирать дорогу среди трещин и наполненных водой впадин.

Из-за дождя мы на другой день прошли только тринадцать километров. Дорога пролегла среди живописных гор, отдельные вершины которых достигали шести километров высоты. Устроились мы на ночлег вблизи красиво расположенной деревушки Герчи.

На другой день мы миновали всю заросшую садами деревушку Соз и переправились через реку Килик. Несколько раз мы взбира-

лись и спускались по головокружительной тропе, шириной не более шестидесяти сантиметров, проложенной на искусственных подпорках, пока не достигли черного каменистого плоскогорья Мыскар, расположенного на высоте 3 080 метров, где летом проживало до тридцати семейств канжутцев. Там и сям виднелись их крохотные полевые участки, засаженные ячменем и заботливо огороженные. Ночь мы провели в помещении телеграфной станции, вся работа которой заключалась только в приеме поступавших из Кашгара или передававшихся туда депеш. От станции до Кашгара телеграммы через Памир доставляются особыми курьерами, на что зимой и летом уходит двенадцать дней.

На следующий день, миновав красивые альпийские луга, мы подошли к подножию ледника, расположенного близ перевала Мын-Теке, и остановились на ночлег в дорожной будке, устроенной на высоте 4 150 метров. Компанию нам составили два яка, предупредительно присланных миром¹ Хунзы. Поражала легкость, с какой эти тяжелые животные с большим грузом взбираются по крутой и каменистой тропе.

Со свежими силами наутро мы приступили к подъему на самый перевал, достигающий высоты 4 739 метров над уровнем моря. Погода нам благоприятствовала, но разреженный воздух сильно затруднял подъем.

Наконец мы достигли вершины перевала. Мы находились на «крыше мира», на границе Индии и Китая, у водораздела рек Аму-Дарьи, Инда и Яркенд-Дарьи. С вершины перевала открывался вид на весь ледник Мын-Теке и на многочисленные причудливой формы горные пики, обступившие его. Но мы не стали задерживаться и поспешили вперед, чтобы взглянуть по другую сторону перевала. Еще несколько шагов по грязному талому снегу, и мы находились уже в Китае, стояли на китайской территории. Перед нами на севере развевалась обширная панорама Памира. Поражали нас мощные вершины, какая-то особенная закругленность их форм, чистота их снегов. Все это представляло резкий контраст с беспорядочным нагромождением мрачных гор, которые мы оставили позади себя. Высота «крыши мира» колеблется в пределах 3 000—4 360 метров, но даже отдельные вершины в 5 580—5 790 метров не выделялись из общей массы, подавлявшей их своими размерами.

Всего от Гильгита до вершины перевала мы прошли за четырнадцать дней расстояние, примерно, в триста километров.

¹ Мир, или тум, — титул правителя Хунзы.

На северной стороне перевала нас ожидали Шериф-бек, киргиз по происхождению, представитель амбана¹ Сарыкольского уезда, и другие местные жители. Остановились мы на ночлег в специально разбитых для нас палатках.

Когда на другой день (3 июля) мы двинулись в дальнейший путь, караван наш состоял целиком из яков: шести верховых и восемнадцати вьючных. Передвижение наше пошло быстрее. Переход до Беика (43 километра) мы сделали в десять с половиной часов. По дороге мы встретили становище одного из киргизских беков, которого угощали накануне. В свою очередь он пригласил нас к себе и поднес нам угощение, состоявшее из круглых хлебных лепешек, сухих абрикосов, слив и творога из молока яка. Все было очень вкусно. Хозяева, по восточному обычаю, угощали нас стоя и сами ничего не ели. Особенное наше внимание привлекли женщины в своих живописных нарядах с оригинальными головными уборами в виде высокого белого тюрбана. Своих лиц женщины не закрывали.

С трудом отпустили нас радушные хозяева. Но через каких-нибудь один-два километра мы дошли до становища другого бека, еще более богатого, также зазвавшего нас к себе и предложившего угощение, которое мы вынуждены были принять, чтобы не обидеть радушного хозяина. С облегчением мы вздохнули, узнав, что до Беика уже больше никому будет предлагать нам угощение. Затем мы проследовали мимо устья реки Мын-Теке. В нескольких километрах отсюда проходят границы Афганистана и Советского союза, так что мы находились вблизи рубежа четырех государств. Местность здесь была покрыта кругом зелеными лугами, на которых мирно паслись киргизские стада. Поражало обилие сурков, при нашем проезде поспешно прятавшихся в свои норы.

На ночлег мы остановились в Беике, представлявшем собой небольшой военный пост на высоте 3 856 метров, в скорости после нашего проезда упраздненный. Здесь дуют постоянные ветры.

На перегоне от Беика до Дафдара (35 километров) много хлопот доставил нам наш караван из-за неумения погонщиков правильно закреплять вьюки, которые постоянно сваливались со спин животных.

По дороге мы обратили внимание на развалины старинной крепости на высокой горе. Название крепости Кыз-Курган — «замок девицы». Замок этот, по народному преданию, в древние времена принадлежал одной персидской царевне, правительнице Сарыкола,

¹ Амбань, или синь-чжан, — начальник уезда.

которая жила в нем, окруженная стражей из амазонок. По записям китайских путешественников уже в VII столетии нашей эры замок этот представлял одни развалины.

От Дафдара, где находится колония выходцев из Афганистана, сумевших превратить пустынную местность в цветущий край, дорога на протяжении 55 километров до Таш-Кургана становится ровной и вместе с тем однообразной. Только слева порой в ясную погоду на значительном расстоянии показываются остроконечные пики Сарыкольского хребта, да впереди мелькнет снежная вершина Музтаг-Ата.

В нескольких километрах от Таш-Кургана нас встретили аксакал, или старшина британских поданных, и «пир»¹, местный глава мусульманской секты последователей Ага-хана (исмаилитов). Опять нам пришлось принимать неизбежное угощение от того и другого. В мебели, повидимому, у хозяев ощущался недостаток. По крайней мере мы видели, как служивший нам у аксакала стол и три стула поспешно перевозились верховыми всадниками к «пиру», и к нашему приходу стол уже был заставлен кушаньями.

Местный амбань через своего секретаря послал мне свою визитную карточку огромных размеров на красной бумаге. Выехать навстречу сам он, очевидно, не счел нужным.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

В смежной с индийскими владениями районе Синь-Цзяна основную массу населения составляют сарыкольцы (которых нередко ошибочно называют таджиками). Они исповедуют исмаилизм, религию, возникшую в Персии и занесенную в девятом столетии нашей эры в Пригиндукушские страны. Исмаилизм считается одной из шиитских мусульманских сект, но фактически он является осколком древних религиозных систем Персии и переднего Востока, формально принявших мусульманскую терминологию. Идеи исмаилизма в общих чертах таковы: высшее существо породило Мировой Разум (акликуль) и Мировую Душу, которые настолько оттесняют это высшее существо (Бори-Субхона — «Великое-Чистое»), что оно совершенно не встречается в обрядовой молитвенной практике.

Мировой Разум временами воплощается в пророках (Адам, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед), но эти пророки должны иметь разъясните-

¹ Пир в дословном переводе «старец» — обиходное название ишана, руководителя отдельной исмаилитской общины. Об исмаилитах см. в конце главы.

лей божественного учения. Эти разъяснители, носящие имя Асас-Фундамент, более могущественны, чем сами пророки. Асасом Адама был Сиф, Авраама — его сын Исмаил, считающийся родоначальником арабов, Моисея — Аарон, Иисуса — Симон-Петр и наконец разъяснителем учения пророка Мухаммеда был Али, который в народных верованиях исмаилитов почитается как непосредственное божество. Али перевоплощался в шиитских имамах, при шестом из которых Джафар-ас-Садыке произошел раскол ввиду разногласий по вопросу о наследовании имамата. Часть шиитов признала имамом младшего сына Джафара — Мусо-и-Казима, а часть старшего — Исмаила, по имени которого была названа вся эта система, имеющая с шиизмом и вообще с мусульманством очень мало общего. Али продолжает, по верованиям исмаилитов, перевоплощаться в потомков Исмаила, руководящих сектой и известных теперь под именем «ага-ханов». С сороковых годов прошлого столетия Ага-хан бежал из Персии, переселившись в Индию, и включился в империалистическую игру англичан на Среднем Востоке, получив наследственно титул «его высочества» и крупную субсидию. Современный Ага-хан, султан Мухаммед-Шо, так охарактеризован знатоком Индии, сэром Морисоном:

«Нет сомнения, что Ага-хан может быть сильным оплотом британского правительства при помощи своих верных последователей, и необходимость облечь такого народного трибуна полным доверием правительства представляется совершенно ясной... Последователи его высочества теперь постоянно держат сторону англичан, доставляют секретные сведения британским властям¹ и всячески стараются охранять британские интересы» (предисловие Морисона к биографии Ага-хана).

После замечания Морисона о доставлении исмаилитами секретных сведений англичанам становится понятным, почему Скрайн поспешил посетить ишана Имам-Дода. В Синь-Цзяне имеется до 20 тысяч хозяйств исмаилитов, которыми управляют восемь ишанов. Среди них наиболее крупные Сеид-Хасан-Шо, живущий в Яркенде и имеющий до 4500 дворов муридов (учеников), Сеид-Мавляви-Бахш, живущий в Каргалыке (тысяча дворов муридов) и приятель Скрайна — Сеид-Имам-Дод, руководящий 2 тысячами дворов муридов. Основная масса исмаилитов живет в Индии, на Памире, в Персии, Сирии и Северной Африке.

¹ Подчеркнуто нами. — А. Н.

ГЛАВА IV

Горная дорога в Китай

Название Таш-Курган по-тюркски означает «Каменная крепость». В настоящее время город является местопребыванием амбана, или начальника Сарыкольского уезда, растянувшегося узкой лентой вдоль восточного края памирского плато.

Сарыкольский округ образован в начале текущего столетия с водворением на Памирах русских, которые соорудили в Таш-Кургане укрепление и держали в нем с 1901 года казачий пост, эвакуированный лишь в 1920 году. Население округа — таджики и киргизы.

От Таш-Кургана к Кашгару ведут две разные дороги. Одна из них, которой пользуются обычно летом, называется Восточной или Чичикликской. Дорога эта пересекает четыре перевала высотой 3 650—4 870 метров и три долины, слабо заселенных киргизами, чтобы в конце концов выйти на большую Центральноазиатскую равнину вблизи цветущего города Янги-Гиссара. Зимняя дорога от Таш-Кургана проходит через легкий для подъема перевал Улуг-Рабат (4 134 метра) на Памирах, минуя красивые озера Малый Кара-Куль и Басык-Куль, и вступает в ущелье реки Гез, пересекающее ледяные массивы Кунгура (7 664 метра) и Чакрагиля (6 760 метров). Вблизи Ташмалика дорога выходит на кашгарскую равнину, откуда можно добраться до Кашгара в два перехода.

Сарыкольский уезд пользуется самой дурной славой у китайских чиновников Китайского Туркестана. Главный город его — Таш-Курган — расположен на высоте 3 124 метра над уровнем моря, и про климат его можно только сказать, что там девять месяцев длится зима. До ближайшего культурного центра приходится ехать не менее десяти суток верхом вместо излюбленного китайцами способа передвижения — в экипаже. Затем также и население округа невыгодно отличается в глазах чиновников своим беспокойным и

строптивым характером от мирных и робких жителей равнин. После этого не покажется удивительным, что генерал-губернатор Китайского Туркестана, проживающий в Урумчи, с трудом находит сюда подходящего кандидата на пост амбана, и если он, тем не менее, такового находит и даже ухитряется сместить и заменить другим в случае злоупотреблений, то это надо приписать его выдающимся административным способностям.

В летнее время пребывание в Таш-Кургане может скорее показаться привлекательным: кругом чистый горный воздух, масса зелени, красивые виды на сверкающие снегами отдаленные горы, среди которых выделяется своими размерами Музтаг-Ата («Отец ледяных гор») высотой 7 433 метра. По обширной Сарыкольской долине видны повсюду маленькие рощицы с хуторами. Почва здесь очень плодородная. В мае сеют на полях пшеницу, овес, ячмень, а в октябре снимают урожай. Люцерну обычно косят два раза. Везде много диких цветущих растений.

Я решил отдать визит местному амбаню, который встретил меня не очень любезно. По всем признакам он, видимо, незадолго до моего приезда принял большую дозу опиума, курением которого злоупотреблял.

На другой день амбань отдал мне визит. На сей раз он был вежлив, и я решил пригласить его к себе с местным начальником гарнизона и адъютантом последнего. Ввиду незнания мною китайского языка разговор происходил в очень курьезной форме. Амбань задавал вопрос адъютанту по-китайски, тот повторял моему переводчику по-тюркски, а последний переводил по-персидски мне.

Последняя часть нашего длинного пути, переход от Таш-Кургана до Кашгара, была во многих отношениях самой интересной. Ночевали мы в киргизских юртах. Обязанность приготовления их по специальному приказу из Кашгара была возложена на местных киргизских беков. Не было также недостатка во вьючных животных. В смежном уезде, Янги-Гиссарском, мы встретили также предупредительное отношение со стороны местных властей.

Из Таш-Кургана мы выступили 9 июля. Избрали для себя мы чичикликское направление. Караван наш состоял из семнадцати лошадей и одного осла. На прощанье амбань устроил в нашу честь парад местного гарнизона, состоявшего из тридцати человек, и проводил нас со всякими церемониями.

В шестнадцати километрах от города Сарыкольская долина кончалась, и мы вступили в горы. Переночевав в Даршатской лощине на высоте 3 749 метров, мы на другой день прошли через перевал Кок-Муйнак (высота 4 584 метра), совершенно свободный от снега,

и расположились для ночлега на чичикликском плато (высота 4 420 метров).

От Чичиклика ввиду опасности передвижения по более короткой дороге через Тангитарское ущелье мы избрали обходное направление по Ямбулакской долине. По пути мы пересекли Янги-Даван («Новый перевал»), самый высокий перевал на всем нашем пути от Сринагара до Кашгара, высотой 4 907 метров. Несколько ниже перевала мы заметили красивое горное озеро в 750 метров ширины, частью еще покрытое льдом.

За перевалом, в Ямбулакской долине, мы впервые встретились с кочевыми киргизами, которые встретили нас с большой предупредительностью и радушием и угостили соленым — за отсутствием сахара — чаем. Впоследствии нам неоднократно приходилось сталкиваться с кочевыми киргизами, которые оставили о себе хорошую память.

После перехода через перевал мы сделали однодневную остановку, чтобы изучить подступы к перевалу Мерки-Даван и попробовать через него пробраться в Верхнюю Караташскую долину, не нанесенную на карте. Попытка эта кончилась неудачей, так как необычайно высокий перевал (5 030 метров) был весь занесен снегом и подниматься к нему пришлось бы по крутому ледяному склону.

Нас поразило необычайное обилие разнообразных и ярких цветов в Ямбулакской долине. Тут росли первоцветы, ветреницы, лютики, колокольчики и многие другие.

14 июля мы переночевали на зимнем становище киргизов в Тюя-Булюнга и на другой день прошли два последних своих перевала — Тер-Арт (3 794 метра) и Кашка-Су (3 934 метра), на котором несколько задержались. После долгих странствований по горам почти не верилось, что это — наши последние перевалы.

С вершины перевала мы тщетно пытались увидеть Кашгарскую равнину. Перед нами расстилались одни зеленые хребты гор с разбросанными пятнами снега и бегущими по склонам светлыми речками, шум которых слабо доносился до нас.

По крутой тропе среди цветущих лугов мы спустились на полкилометра и увидели палатку, в которой нас спясть ждало угощение, предложенное одним киргизским беком, состоявшее из необыкновенно жесткой жареной баранины, твердого, как подошва, хлеба, маслянистого несъедобного печенья и соленого чая. Мы решили есть свои бутерброды, которые предложили и хозяину, а его угощение, как бы взамен, взяли к себе в мешок, чтобы потом отделаться от него при первой возможности. Свой стол нам удалось

разнообразить дичью, куропатками и зайцами, которых мы встречали на пути. Попадались порой и грибы.

Долина затем приняла опять дикий и суровый характер. Несколько раз нам пришлось переправляться через ледяные потоки, текущие с гор Кзыл-Таг.

После остановки в Тукой-Баши мы встретили впервые после Таш-Кургана деревья сначала низкорослые, затем, по мере того как долина снижалась, более крупные. Среди них преобладал встречающийся только в Центральной Азии тополь разнолистный — по-местному туграк, иногда образующий целые леса.

Наконец мы достигли первой кашгарской деревушки Кичик-Караул («Маленькая крепость»), где после долгого перерыва могли снова полакомиться вволю душистыми дынями и персиками.

18 июля исчезли последние холмы по обе стороны дороги, и мы достигли внушительной стены, воздвигнутой китайцами с оборонительной целью в древние времена поперек всей долины. Курьезно, что концы стены никуда не упирались, и поэтому она с самого начала не могла служить для защиты. Возле стены было устроено маленькое укрепление со сторожевым постом.

Дальше за стеной расстилалась обширная равнина с желтоватой поверхностью, местами коричневого цвета там, где находились оазисы. Одним словом, это была Великая равнина Центральной Азии, окаймленная широким поясом оазисов и простиравшаяся от Кашгара на 3 200 километров до гор Внутренней Монголии.

Стоянку мы сделали в Игиз-Яре, устроившись в небольшом глинобитном домике на конце оазиса. Если бы не желтый лёсс, из которого состояла почва, можно было бы подумать, что мы находимся в персидской деревушке.

На другой день мы двинулись к Янги-Гиссару. Я с женой с половины дороги ехал в экипаже, любезно высланном навстречу британским аксакалом¹.

В предместьи Янги-Гиссара нас встретили местный амбань и начальник гарнизона. Амбань был высокий, представительный китаец, весьма интеллигентный. По его словам, он получил юридическое образование в Пекине и был потом назначен судьей.

В сопровождении почетного кавалерийского конвоя мы медленной процессией двинулись в город. Особенное облегчение испытали мы при проезде по тенистым, прохладным улицам базара. Обращали внимание китайские лавки, очень чисто и опрятно содержимые.

¹ А к с а к а л — в дословном переводе «седобородый» — старшина.

Остановились мы в саду пустующего летнего помещения шведской христианской миссии. Немедленно сюда же прибыли с визитом амбань и начальник гарнизона. За отсутствием ключей от помещения миссии для ночлега нам был предоставлен небольшой домик на окраине города.

Вечером я отправился с ответным визитом к амбаню и начальнику гарнизона, а также нанес визит бывшему амбаню, который еще оставался в городе. Впоследствии при наших странствованиях мы почти в каждом городе заставали одного, а то и двух бывших амбаней. Повидимому, на сдачу ими должности требовались целые месяцы, а то и годы, вероятно, в связи с путаницей в делах, особенно поскольку дело касалось денежной стороны.

Выехали мы в коляске, высланной кашгарским даоинем¹. Дорога шла то меж обработанных полей, то по совершенно дикой местности, как это обычно бывает в Центральной Азии. Проехав тридцать шесть километров, мы остановились на ночлег на грязном постоялом дворе в деревне Япчан.

На другой день, 21 июля, мы проехали последние тридцать семь километров, отделявшие нас от Кашгара. В пяти километрах от города нас встретили оставивший службу британский вице-консул, аксакал и несколько британских подданных, проживавших в Кашгаре. Через полтора километра — новая встреча: в устроенной близ дороги беседке нас поджидали китайские власти, представители шведских миссионеров и другие лица. Начался обмен взаимными приветствиями на разных языках, и после неизбежного угощения, приготовленного на сей раз почти на европейский лад, мы длинной процессией направились к городу.

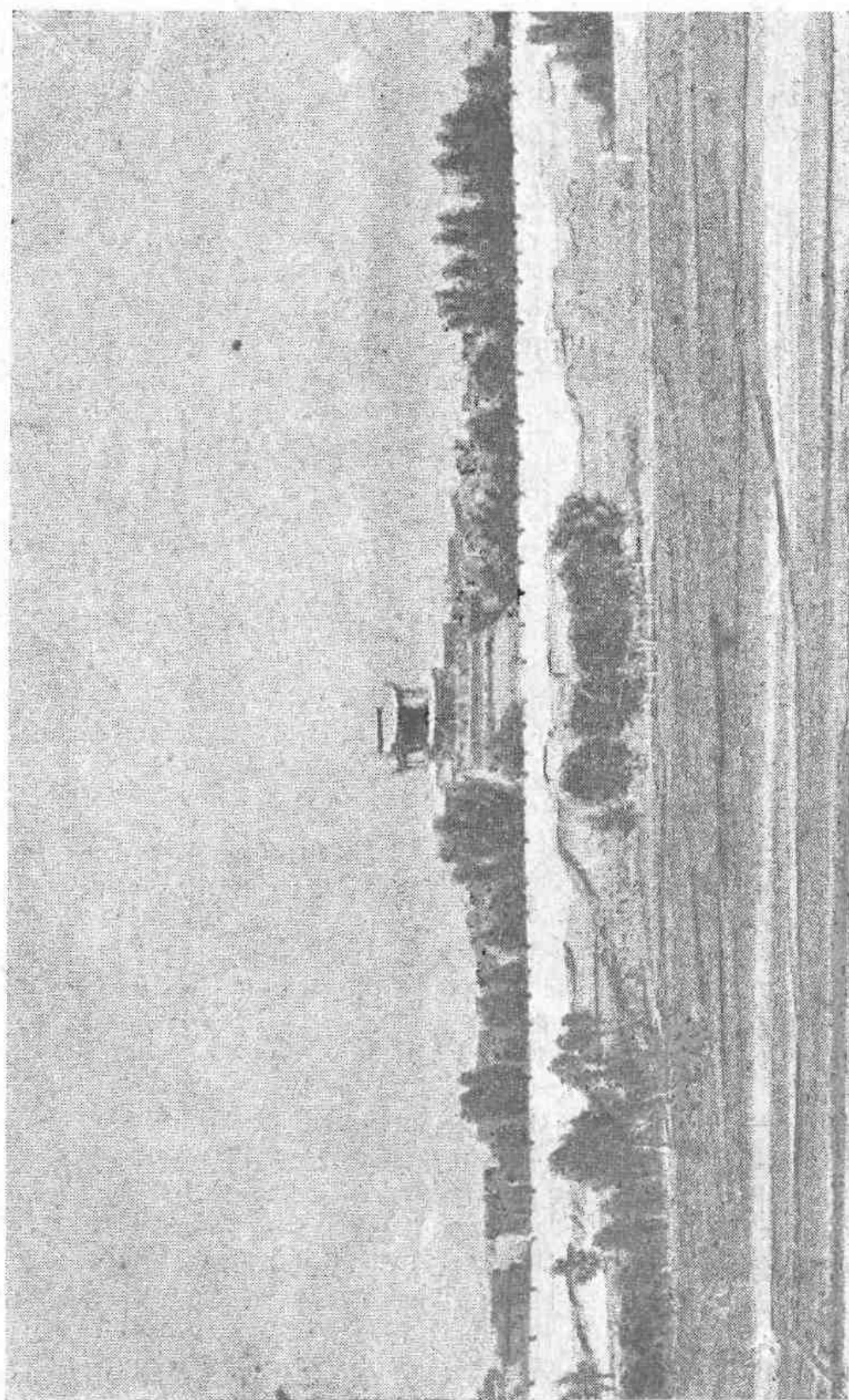
Весь наш переезд от Сринагара до Кашгара занял сорок девять дней, из них восемь было потрачено на остановки в дороге. При желании мы могли бы проделать весь путь в сорок два дня. Путевые расходы, включая продовольствие, составляли около тысячи двухсот рублей.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

Дорога из Индии в Кашгар, вступив в пределы Синь-Цзяна, пролегает вдоль Советского Памира. Население здесь распадается на две основные группы. В Ташкурганской долине живут сарыкольцы, а с юга и севера их окружают киргизы.

Сарыкольцы являются восточной ветвью шугнанцев, народа, обитающего на нашем Западном Памире (по долинам рек Шах-Дары, Гунда,

¹ Даоинь — начальник округа.

Кашгар. Стена старого города.

Бартанга и частью Пянджа), а также в прилегающих к нему районах афганского Бадахшана.

Разделение шугнанцев и сарыкольцев произошло очень давно. В VII веке буддийский миссионер, китаец Суань Цзян, совершивший путешествие почти до пределов современной Туркмении и оставивший нам описание пройденных им стран, так говорит о Сарыколе: «Горы тянутся в нем непрерывными цепями; долины — плоские пространства, весьма узкие. Лесная растительность не густа, цветы и плоды редки, но овощи произрастают обильно, населения мало, жители грубы, книжным делом занимаются немногие. Характера они сурового и горячего, смелы, мужественны и откровенны. Усердно чтут закон Будды и три драгоценности: самого Будду, его учение и духовенство, проповедывающее его».

В эпоху Суань Цзяня Восточный Памир заселен не был, и последние поселения заходили на запад за озеро Яшиль-Куль. Отсюда до Сарыкола тянулось пространство километров в 200, никем не заселенное. Причины такого расселения в разные стороны двух ветвей одного народа не ясны, но связь между ними была крепкой, ибо по описаниям Суань Цзяня письменность (следов которой сейчас найти нельзя) употреблялась одинаковая (см. С. Жюльен, «История жизни Суань Цзяня», 1855 г., стр. 20 и дальше).

Очевидно в XII веке шугнанцы и сарыкольцы были раз'единены киргизскими ордами, хлынувшими вследствие сдвига ряда азиатских народов с Алтая и докатившимися до Гиндукушского хребта. В эту эпоху судьба киргизов и сарыкольцев переплетается. Киргизы через Восточный Памир проходят на Тагдумбаш-Памир (лежащий ныне в китайских пределах) и захватывают постепенно долины Малого Кара-Куля, Тагармы и Геза, вытеснив оттуда сарыкольцев, которые были принуждены двинуться на восток, найдя однако и здесь встречную волну народов, затопивших Таримскую низменность. В результате сарыкольцы оказались зажатыми в суровых горах и неприступных ущельях.

В районах, пройденных Скрайном во время поездки из Индии в Кашгар, сейчас около 2500 хозяйств (всего в Кашгарском округе их около 6 тысяч). Киргизы-кочевники до сих пор сохранили родовое устройство. В долинах горных рек от Тагдумбаш-Памира до Кашгара в основном живет три рода: теиты (около 900 хозяйств), кипчаки (700 хозяйств) и найманы (600 хозяйств). Роды в свою очередь делятся на колена. Родоначальники обычно бывают наиболее крупными баями. Беднота находится у них в полной зависимости. Основное занятие киргизов — скотоводство, но многие кочевники совершенно не имеют скота. Тут им своеобразную «помощь» оказывает бай, дающий подобному бедняку десяток-другой баранов. Известную долю молочных продуктов и мизерную часть стриженной шерсти бай за выпас дает такому пастуху,

который отвечает всем несложным скарбом за каждого барана. В результате родоначальник пасет свой скот, стрижет шерсть, заготавливает продукты, не неся никаких расходов на оплату этих батраков, называемых «саанчи».

Из поколения в поколение не может беднота выбиться из байской неволи. У киргизов, кочующих в районе Тагармы, есть несколько метких пословиц и присказок.

«Орел летает, — ишак ходит по дорогам; бай ест плов, а саанчи пасет его баранов»; «Делал крут (сыр), а ем траву»; «Мой дед был саанчи, а ты хочешь, чтобы я стал беком».

Правда, часто на летовках можно услышать и другое: сказку о том, как честный и правдивый саанчи много трудился на своего хозяина, умножал его доходы, ревниво следя за стадами, и когда тот умирал, то перед смертью созвал старейшин и завещал все свое богатство верному, преданному слуге. Сразу стал баем саанчи, двух жен взял к себе в юрту и, целый день отдыхая, слушал блеяние своих стад.

Сказку о неожиданном счастье в бесконечных вариантах рассказывают пастухи, собираясь вечерами около костров. Поправляют друг друга, жадно слушают о привольной жизни, наставшей для вчерашнего бедняка. Когда вслушиваешься в эту сказку, не поймешь, кто выдумал ее: саанчи, загнанный нищетой в тупик подневольной работы и мечтающий о чуде, которое мгновенно изменит его жизнь, или же бай, покупающий покорность раба сказкой-мечтой о прекрасном будущем.

ГЛАВА V

К а ш г а р

Первое, что поражает по прибытии в британское консульство в Кашгаре, по-местному Чины-Баг,— это обилие зелени и тени. Повсюду, куда ни взглянешь, растут деревья: акации, платаны, тополи, ивы, высокие кустарники. Тут же в ограде консульства находятся фруктовый сад, виноградник, огород, небольшая лужайка, рощица плакучих ив, пруд с лотосами, китайская беседка, и повсюду — цветы. Самый сад был разбит на трех террасах уступами, одна над другой. Помещение консульства могло показаться комфортабельным после долгого странствования по горам и пустыням, хотя жилые комнаты значительно уступали по своему убранству и отделке приемным залам.

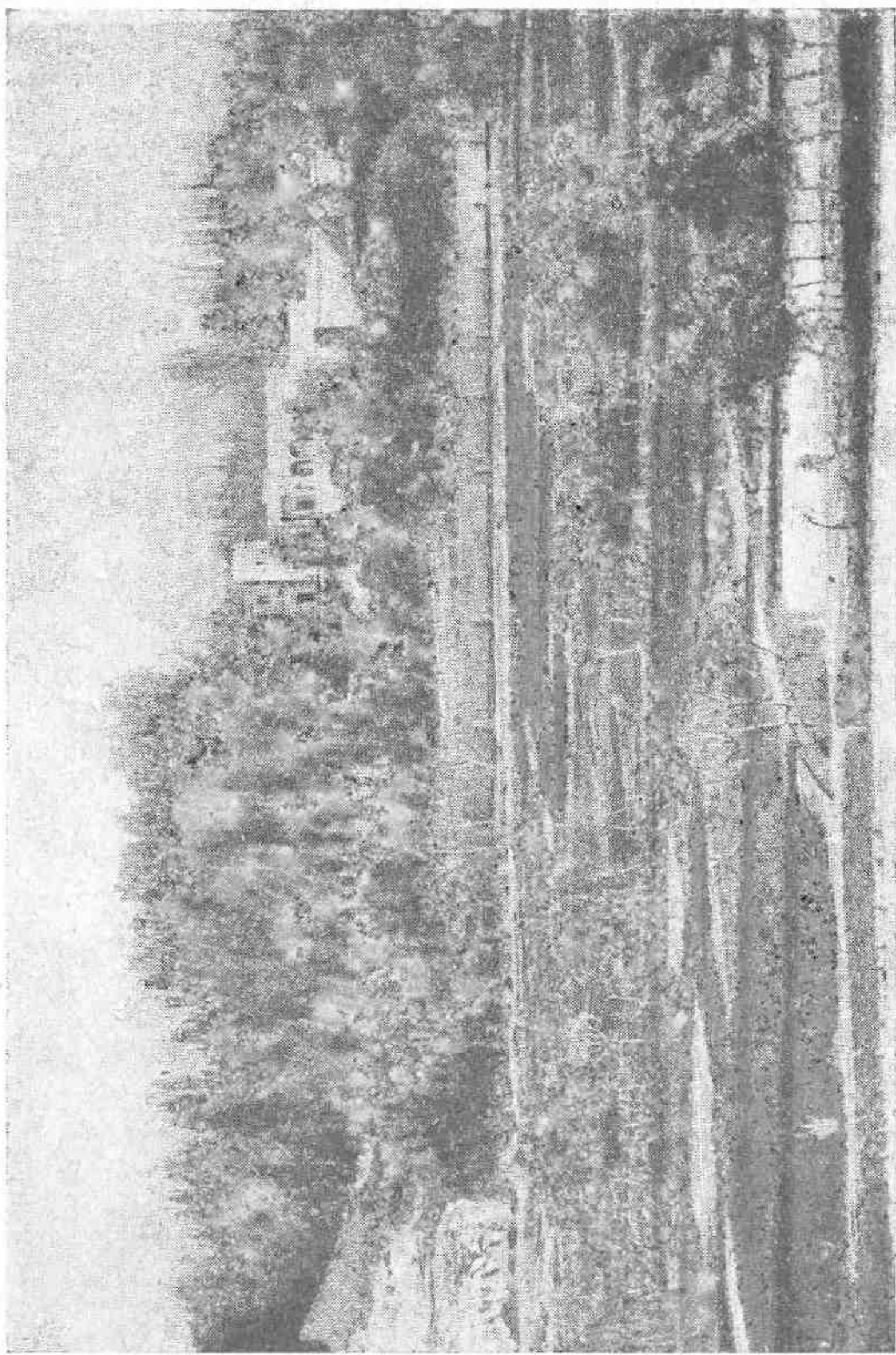
Особенную гордость консульства составляла большая терраса, устроенная с северо-западной стороны дома, откуда открывался обширный вид на изменчивость реки Тюмени. Непосредственно от террасы начинался наш сад, обнесенный оградой. Еще ниже проходила неширокая дорога, по которой направлялось непрерывное движение из города и в город. За дорогой тянулись полосы дынных бахчей и рисовых полей, а далее протекала самая река.

На другом берегу опять виднелись рисовые поля, и за линией прибрежных утесов из лёсса мелькали маленькие домики и мельницы, окруженные ивовыми рощицами. Оазис тянулся еще далее, километров на восемь к северу, где к нему вплотную подступали голые холмы, которыми заканчивались отроги Тянь-Шаня.

С террасы этой мы наблюдали восход и закат солнца и уличную жизнь со всем ее шумом и движением.

Особенно памятливы остались нам звуки сигнальных рожков, которыми мельники приглашали своих заказчиков везти к ним зерно на помол.

С крыши башни консульства открывался еще более широкий вид.

Английское консульство в Кашгаре.

К сожалению, атмосфера в Кашгаре благодаря присутствию мелкой лёссовой пыли в воздухе не отличается прозрачностью. Только ранним летом и поздней осенью по утрам отчетливо бывают видны самые отдаленные горы. Белоснежные отроги Тянь-Шаня на севере не производят особенного впечатления. Зато на юго-западе, на расстоянии 90—160 километров при благоприятных условиях можно видеть огромный снежный массив Кашгарского хребта, растянувшегося на 160 километров, с отдельными вершинами, достигающими 7500 метров высоты, мощный барьер, которым Памирское плато отделяется от пустынь и оазисов бассейна реки Тарима.

Одну из особенностей кашгарского ландшафта составляет лёсс, тончайшая пыль, приносимая ветром пустыни и отлагающаяся плотными слоями различной толщины. Лёссовая почва обладает двумя особенностями: необычайным плодородием и склонностью выветриваться не в горизонтальном, а в вертикальном направлении. В результате повсюду, где можно бывает провести воду и устроить искусственное орошение (климат Кашгарской равнины вообще отличается засушливостью), почва, состоящая из лёсса, дает исключительно богатые урожаи. С другой стороны, берега рек, протекающих среди лёссовых отложений, отличаются причудливостью своих форм. Они состоят как бы из отдельных утесов, высотой девять-двенадцать метров, желтого цвета, на верху которых нередко можно видеть дома, а внизу у самой реки — мельницы.

Населенные, возделанные оазисы Кашгарии производят впечатление безмятежного мира и спокойствия, хотя Кашгария пережила не менее бурную историю, чем любая другая страна мира. Достаточно сказать, что в течение двух тысяч лет китайцы пять раз овладевали ею и четыре раза оставляли ее. Весь период китайской оккупации, считая до настоящего времени, длился около четырехсот двадцати пяти лет. Остальное время Кашгария была добычей разных народов: гуннов, юэ-чжи или индо-скифов, арабов, тибетцев, уйгуров, кара-киданей, монголов, предводимых Чингиз-ханом, чжунгарских калмыков и кокандцев. Независимо от этого, на протяжении веков страна понесла немало опустошений от гражданских войн, которые велись целыми годами между ее главными городами: Кашгаром, Яркендом, Хотаном и Аксу. Население, несмотря на все эти войны и смуты, продолжало сеять и собирать пшеницу, ячмень, рис, просо, хлопок, кукурузу. Жадность завоевателей нередко приводила их к гибели. Разительный пример — история Якуб-бека, кокандского выходца-авантюриста, организовавшего восстание против китайцев. Он правил двенадцать лет страной, как настоящий деспот. Население плодородных оазисов сокра-

тилось при нем наполовину, как равно уменьшилась и площадь возделываемой земли. Результат был тот, что когда китайцы, собравшись с силами, вернулись в 1877 году, они были встречены населением с ликованием, и власть эмира рухнула, как карточный домик.

Поражает настойчивость, с какой китайцы отстаивали на протяжении веков свое право на Восточный Туркестан. Несмотря на огромную дальность расстояния (путь от Пекина до Кашгара и в настоящее время занимает около пяти месяцев), целые китайские армии посылались в случае необходимости к западным границам.

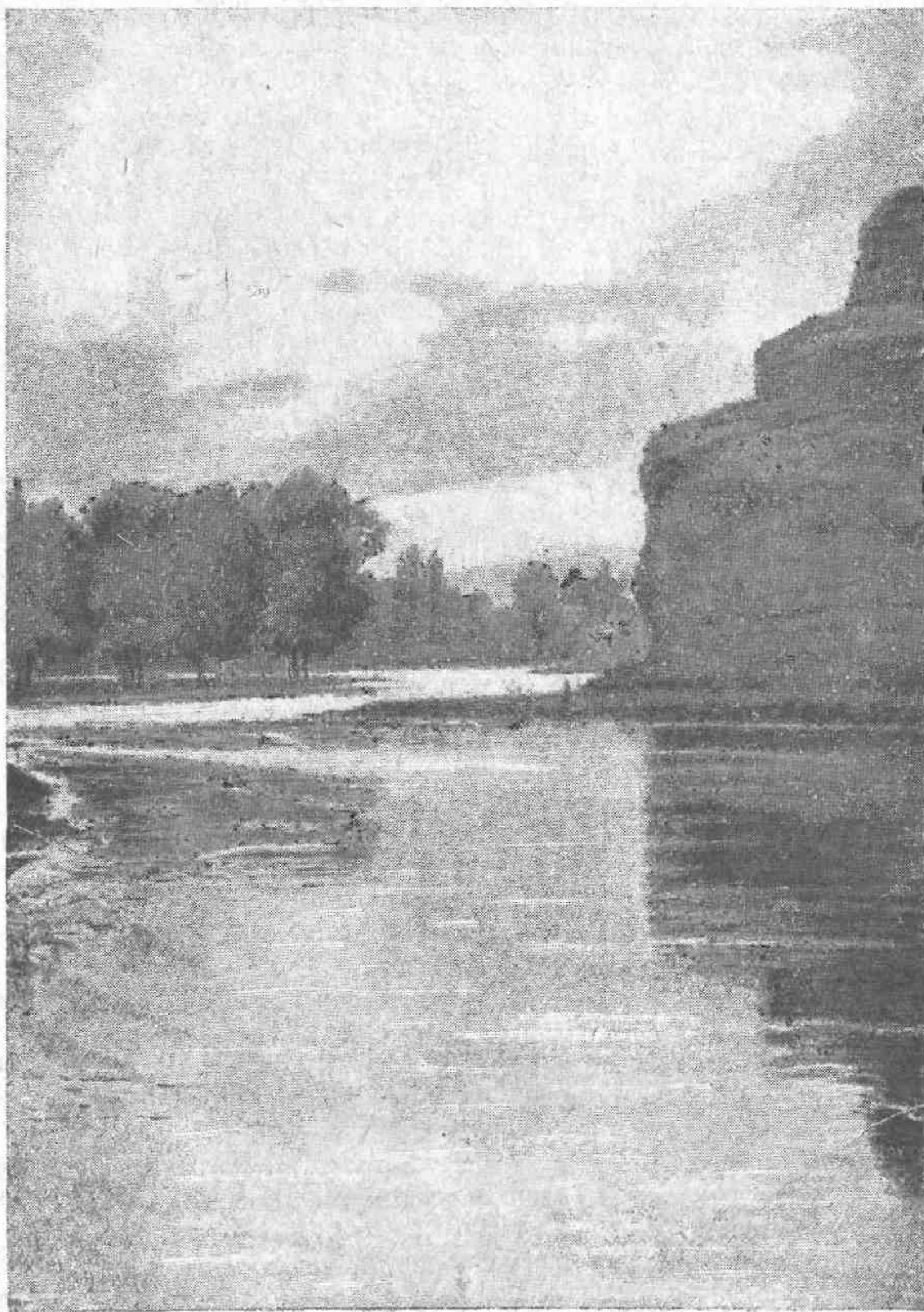
По завоевании в 1877 году обратно Восточного Туркестана, который вошел в состав провинции Синь-Цзян, китайцы сосредоточили управление им в Урумчи, расположенном в пятидесяти переходах к северо-востоку от Кашгара. Урумчи является головным пунктом важнейшей дороги, проходящей через провинции Ганьсун, Шэньси и связывающей Центральную Азию с Внутренним Китаем. Соединенная только этим единственным путем с остальным Китаем и отделенная от него великой монгольской пустыней, по которой можно странствовать пятьдесят дней, не встретив ни одного человека, провинция Синь-Цзян осталась в стороне от гражданской войны, охватившей остальную Китай. Революция 1911 года и ослабление власти центрального правительства дали энергичному генерал-губернатору провинции Янь Цзен-синю возможность стать фактически независимым правителем провинции. Благодаря его энергичным мероприятиям было прекращено разбойничество, столь обычное прежде в западных провинциях, и европеец теперь может без помех и с полной безопасностью путешествовать из конца в конец провинции. Население также не терпит таких притеснений, как в других провинциях. Налоги взимаются умеренные при явном преобладании системы косвенного обложения. Конечно злоупотребления со стороны местных властей существуют, но они не являются общим правилом.

В результате население провинции увеличилось, и площадь обрабатываемой земли возросла. Поселенцы на новых землях, как правило, в первые три года освобождаются от поземельного налога и в последующие три платят половину.

В области культурно-просветительной зато никакого прогресса в Кашгарии не замечается. Школ нет никаких, исключая устроенных при мечетях, где муллы учат чтению, письму и закону божью по корану. На печатные и письменные произведения, излагающие текущие события, введена строгая цензура, и принимаются все

меры против распространения подобной литературы среди мусульманского или китайского населения.

Любимейшим времяпровождением моим и жены были экскурсии. Я убедился, что, несмотря на все трудности сообщения, между Индией и Китайским Туркестаном ведется довольно бойкая торговля по длинной и трудной дороге через Лех. В оазисах Таримского бассейна постоянно или временно проживает значительное число индийских жителей. В одном Яркенде проживает от ста до полутора ста индусских торговцев. Большею частью это — представители фирм двух пенджабских городов: Амритсара и Хошарпура. В Янги-Гиссаре, Каргальке и в других местах можно всегда встретить менял-ростовщиков из Шикарпура, столь ненавидимых населением. Кроме того, колонии британских подданных мусульман можно встретить почти во всех округах. Одни из них, выходцы из Кашмира и Читрала, занимаются исключительно земледелием, другие (самые зажиточные) ведут торговлю с Индией. Многие из них обзавелись женами-туземками и прочно обосновались в стране, заведя дом и собственное хозяйство. Все они ревниво отстаивают свое право в качестве британских подданных в нужных случаях прибегать к защите консула.хлопот с ними бывает порядочно. Приходится разрешать гражданские споры, возникающие между ними, рассматривать предъявленные к ним китайскими подданными иски, помогать им обжаловать решения китайских судов и вообще всячески ограждать их интересы. Из дел только наиболее важные разрешаются в Кашгаре. В округах провинции генеральный консул или непосредственно решает спорное дело совместно с представителями китайских властей или через посредство британского агента (аксакала). Так как большинство британских подданных проживает только на расстоянии пяти-двадцати дней пути от Кашгара, то самым действительным и удобным способом было бы объезжать округа, где они проживают, и разрешать все дела на месте. Я так и поступал. Чтобы держать связь с индийскими колониями, я дважды в год предпринимал поездку по двум главным дорогам: Яркенд — Хотан — Керия и Марал — Баши — Аксу — Куча, задерживаясь от одного до пятнадцати дней в главном городе округа и делая также заезды в Яркенд. В результате за два с половиной года пребывания в Кашгарии я тринадцать месяцев провел в поездках, проехав вместе с женой около пяти с половиной тысяч километров почти исключительно верхом. Почти повсеместно нас сопровождал конвой, — просили мы об этом или нет. В каждом городе, исключая немногих в северных округах, власти нас встречали по дороге, предлагая угощение, устраивали в нашу

Река Тюмень в окрестностях Кашара.

честь обеда. Такие излишние знаки внимания скорее склонны были поставить нас в затруднительное положение.

Моя повседневная консульская работа в самом Кашгаре требовала от меня меньше физического напряжения, чем поездки, но все же отнимала много времени. О разнообразии ее можно судить по тому, что мне приходилось объясняться с своими посетителями и вести текущую переписку на шести языках: английском, китайском, тюркском, персидском, урду и русском, в зависимости от того, какие языки знали обращающиеся в консульство просители.

В штате консульства числилось шесть постоянных служащих. В качестве конвоя при консульстве до 1922 года состоял взвод индийской пехоты под командой офицера. На смену им явилось восемь юрдинарцев под командой унтер-офицера, набранных из местных жителей и вооруженных саблями и револьверами. К ним надо прибавить посыльных и наших слуг. Общее число лиц, проживавших в ограде консульства, включая и членов их семей, доходило до восьмидесяти. Получалось как бы маленькое поселение, обнесенное оградой, с собственным водопроводом; при каждом доме был свой двор и даже маленький сад.

Служебные телеграммы шли до меня от одиннадцати до девятнадцати дней. Китайская телеграфная линия, соединявшая Пекин с Кашгаром, в расчет идти не могла, так как телеграммы, передаваемые по ней, приходили в искаженном виде, запаздывая на неделю, а то и больше, так что для официальной корреспонденции можно было пользоваться только ближайшей индийской станцией, которая находилась в Мыскаре. Индийское правительство организовало регулярную почту, доставлявшую корреспонденцию из Гильгита в пятнадцать-семнадцать дней, а телеграммы из Мыскара — в одиннадцать-тринадцать дней. Канжутцы перетаскивали почтовые баулы на себе или доставляли на лошадях до Таш-Кургана, откуда консульские курьеры довозили корреспонденцию до самого места назначения. Исключая одну-две недели ранней весной, когда перевалы бывают покрыты снегом и телеграфная линия через Берзиль бездействует, почта идет весьма регулярно, и несчастные случаи с курьерами бывают редко.

Корреспонденция из Внутреннего Китая доставлялась по китайской почте. Письмо из Пекина шло до Кашгара два месяца, посылки — пять-шесть месяцев. Наши письма доходили до Керии в десять дней, несмотря на расстояние в 640 километров, из них 240 километров по песчаной пустыне. Дорога от Керии до ближайшей железнодорожной китайской станции, проходящая через Яркенд, Марал-Баши, Хами и провинцию Ганьсу, протяжением свыше

4 800 километров, является самым длинным почтовым трактом в мире. Во главе почты в Синь-Цзяне во время нашего пребывания в Кашгаре находился итальянец, и вообще всегда этот пост занимают европейцы.

Так называемое «общество» в Кашгаре составляли китайские военные и чиновники, члены шведской христианской миссии и персонал британского консульства. Из китайских властей нам чаще всего приходилось иметь дело с местным даоинем или даотаем Чу — начальником округа, губернатором, его секретарем по иностранным делам, местными судьями, начальником гарнизона Старого города, почтмейстером и начальником монетного двора. Шведская миссия, отрезанная ввиду революционных событий в России от родины, численно сильно сократилась и состояла только из двух мужчин и трех женщин. До 1917 года Россия имела в Кашгаре генеральное консульство, при котором находились сотня казаков и многочисленный штат. Окончательно царское консульство было упразднено в 1920 году¹.

Несмотря на затруднения, вызываемые незнанием языка, официальные и служебные сношения между генеральным консульством, с одной стороны, и местными властями и туземцами, с другой, — поддерживались самые оживленные. Нередко устраивались званые обеды, иногда в загородных поместьях богатых местных купцов, куда мы неизменно приглашались. По разным поводам отдавались и официальные визиты, как-то: по случаю приездов и отъездов, в дни национальных праздников и т. п.

Весной, летом и осенью мы обычно пребывали в разъездах, а зимой находились в Кашгаре, все свободное время уделяя спорту и прогулкам: катались на коньках, ездили на охоту на дальние озера. В зимнее время лед держался отлично с 20 ноября по 10 февраля.

Недостатка в дичи для охоты никогда не было. Не только на окрестных озерах, но также на реке Тюмени и других речках возле самого города с октября по март можно было найти всегда массу перелетной дикой птицы, уток, гусей, направлявшихся из холодных стран севера к озерам Афганистана, Восточной Персии, северо-западной Индии или обратно. В консульстве у себя мы развели целый птичий двор. К сожалению, полудикие бродячие собаки, которых масса в Кашгаре, забирались к нам, перелезая с необыкновенной ловкостью через ограду, и перевели в короткое время всех наших кур.

¹ С осени 1925 года в Кашгаре существует советское консульство.

Климат Кашгара для того, кто любит солнце, не оставляет желать ничего лучшего. За все время нашего пребывания в Кашгаре не было ни одного дня пасмурного; самое большее — солнце иногда скрывалось на какой-нибудь час, обычно же из пяти дней четыре бывали сплошь солнечными. Правда, пыль, носившаяся в воздухе, мешала прозрачности атмосферы.

Что касается дождевых осадков, то количество их весьма незначительное. За год в Кашгаре выпадает 5 сантиметров дождя, не больше. Дожди обычно бывают между мартом и концом июля. Крестьяне скорее боятся излишка дождя. Как-то, несколько лет назад, крестьяне во время сильной засухи попросили популярного муллу помолиться о ниспослании дождя. Тот с усердием помолился, дождь хлынул потоками и погубил весь урожай. Тогда разгневанные крестьяне обратились с жалобами к местному амбаню, который распорядился наказать муллу кнутом.

Благодаря своему континентальному положению (Китайский Туркестан лежит дальше от моря, чем какая-либо другая страна в мире) климат этой провинции может называться континентальным. Средняя годовая температура Кашгара составляет $+11^{\circ}$ Ц., минимальная температура наблюдается в январе около -18° , высшая — в августе, когда она 'доходит' в тени до $+40$ — 41° . Благодаря континентальному климату апрель, например, теплее октября.

Зимой почва промерзает на глубину сорока пяти сантиметров, и вся система искусственного орошения в связи с этим между 15 ноября и концом февраля бездействует. Зима однако не кажется суровой, так как солнце светит почти все время и сильные ветры отсутствуют благодаря тому, что с трех сторон Кашгар закрыт высокими горными хребтами. Снега зимой выпадает очень мало, и он быстро тает на солнце. Весной и ранним летом изредка бывают сильные грозы, очищающие воздух от пыли. В июле и августе на некоторое время погода становится весьма жаркой, если мерить на европейский масштаб, но ночи редко бывают душными, разве только перед грозой. Летом бич Кашгара — насекомые, из которых выделяются москиты и песчаные блохи.

Несмотря на отсутствие всяких гигиенических и санитарных мероприятий, несмотря на то, что население пользуется питьевой водой из небольших речек, оросительных каналов (арыков), а то и из прудов, иногда сильно загрязненных, болезни в Кашгарии почти отсутствуют. Из серьезных заразных болезней встречаются тиф, оспа, которые носят характер местной (эндемической) болезни. Европейцу больше всего может грозить опасность забо-

левания малярией в легкой форме в сырых местностях, где есть рисовые поля.

Кашгарию вообще можно назвать одной из самых здоровых стран в мире.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

Скрайн приехал в Кашгар, огляделся вокруг: акации, фруктовые сады, плакучие ивы, лотосы и китайские беседочки. С террасы он наблюдает городскую жизнь и видит, что «оазисы Кашгарии производят впечатление безмятежного мира и спокойствия», а «население также не терпит притеснения, как в других провинциях. Налоги взимаются умеренные».

Так повествует английский консул. Нам вспоминается другое — рассказ старика Суфи, караульщика почтовой юрты у голубого озера Сасык-Куль.

«Давно это было, больше полутора ста лет прошло с тех времен. Восстал в Кашгаре народ против китайцев и прогнал их за лобнорские степи. Но вскоре пошел по всей земле слух о том, что несметные полчища идут с востока, разрушая мятежные города. Передовые отряды вторглись в Кашгарию, разоряя деревни, и тогда в смятении бежали многие жители на запад, в земли Бадахшана. Но китайский военачальник настиг их на берегу Яшиль-Куля и приказал своим солдатам истребить беглецов. Воды озера покраснели от пролитой крови, волки были сыты от человеческого мяса, а военачальник велел в этом месте поставить обломок скалы, на которой высекли надпись о том, что победили китайские войска кашгарцев, убив всех непокорных. С той поры зовется урочище над озером — Сумэ-Таш — «Писанный камень».

Так бесхитростными словами рассказал старый киргиз о том, как маршал Фу Де упрочил в Кашгаре власть императора Цянь Луна в XVIII веке.

Царский полковник Федоров спокойно писал о том, что было тогда на севере Синь-Цзяна:

«В 1758 году китайцы вследствие нового возмущения калмыков снова отправили в страну войско, которое произвело страшное истребление калмыков. Убивали мужчин, женщин, детей, даже стариков и увечных и, таким образом истребив до миллиона людей, уничтожили целое государство, название которого сохранилось только в истории¹. Так кончилось существование последней кочевой империи в Средней Азии» (Федоров, «Илийский край», стр. 22).

Шли годы. В 1765 году со страшными жестокостями был подавлен

¹ Речь идет о Чжунгарии.

мятеж в Учъ-Турфане, в 1827 году — восстание Джангир-Ходжи, в 1847 году — «бунт семи ходжей», в 1857 году — восстание Валихан-Тюри. С 1864 по 1878 год Синь-Цзян кипел в южных восстания Якуббека, организовавшего самостоятельное государство. В 1911 году вспыхнули мятежи в Яркенде, Чире, Хотане и Аксу. В 1921 году — восстание в Карашаре, а с 1930 года Синь-Цзян до последнего времени раздирался внутренней войной.

Теперь посмотрим, как взимаются «умеренные налоги» в «безмятежных» кишлаках. Возьмем одно типичное хозяйство в кишлаке Таш-Малик, где бывал Скрайн. Вот крестьянин, имеющий семью в 7 человек, из которых малолетних четверо. Земельный надел этого хозяйства 8 му (полгектара). В 1932 г. было засеяно 7,5 му хлопка, 2 му пшеницы, 2,5 му риса и 0,5 под огородом. Собрал: 120 килограммов хлопка, 72 килограмма пшеницы, 88 килограммов риса. После снятия пшеницы посеял кукурузу, собрав 122 килограмма урожая. Налога уплатил: пшеницей 2 килограмма, кукурузой — 2,6 килограмма, дровами 12 харваров (харвар равен ишачьему вьюку), соломой 4 тагара (тагар — большой шестипудовый мешок). Кроме того он отработал 1 день беку, 5 дней юзбаши (сотнику); онбаши (старшине) уплатил 2,4 килограмма пшеницы, мирабу (водному старосте) — 2,4 килограмма риса; работал по очистке арыков 1 день. Могиле святого Аптак-Ходжи уплатил 9,6 килограммов пшеницы. Имаму сельской мечети — 4 теньги (80 коп.) и по 3 джина зерна с человека, за исключением грудного ребенка (всего 10,8 килограмма). Кроме того в мечеть поступило в виде зякета (религиозной подати): 3 килограмма хлопка, 2 килограмма пшеницы, 2,2 килограмма риса, 3,5 килограмма кукурузы. На полевые работы брал плуг и быков у богатого соседа, заплатив ему при сборе хлебов 8 килограммов риса, 6 килограммов отрубей, 7 килограммов хлопка и 12 килограммов кукурузы. Всего для уплаты налогов пошло, кроме натуральной отработки, 17,5 килограмма пшеницы, 22 килограмма кукурузы, 18 килограммов риса и 10 килограммов хлопка. На душу в хозяйстве осталось на целый год по 8 килограммов пшеницы, по 14 килограммов кукурузы и по 8 килограммов риса. Из хлопка жена сучила нитки, продавая на базаре.

Питание семьи: 20 кукурузно-пшеничных лепешек в день, вечером болтушка из пшеничной муки, сдобренная молоком, или кукурузная похлебка, раз в неделю мясо, плов раз в два месяца. Сахара никогда не употребляли.

Одежда: часть ссученных ниток отдает соседу-кустарю в обмен на домотканную мату. На всю семью три теплых ватных халата. Сапоги новые покупал двадцать три года тому назад во время свадьбы, а с тех пор приобретает старую рвань у ростовщика. Дети обуви не имеют совсем.

До 1930 года крестьянин был в долговой кабале у ростовщика, забравшего для погашения долга корову, двух коз и омач (первобытный плуг). В 1930 году ушел на отходные работы в Советскую Фергану и заработал за сезон 300 рублей и 160 метров мануфактуры в совхозе «Савай». Вернувшись в Таш-Малик, он расплатился с ростовщиком и с тех пор немного стал на ноги, купив козу и корову.

Есть в Таш-Малике и другие хозяйства, правда немногочисленные. Посмотрим на хозяйство бая Сулейман Казы. Ему принадлежит 2 000 му земли, 2 мельницы, около 200 лавочных помещений (фактически весь базар), 5 му фруктового сада, 200 баранов, 50 коров, 20 ишаков, 4 лошади. Коров выпасывают дехкане за часть молока и навоз. Пастух баранов получает халат, сапоги, штаны, обычно из старья, купленного у ростовщика. Кроме того он может пользоваться для своих нужд молоком. Сулейман Казы сдает в аренду 1 700 му, засевая сам 300. Для обработки земли он использует купцов, снимающих у него базарные помещения, которые должны либо сами отработать десять дней, либо выставить по одному рабочему с каждой взятой в аренду лавки (кроме этого они должны уплатить за закрытую лавку 1 тагар — шестипудовый мешок зерна за полгода, за открытую — 1 руб. 50 коп., а продающие с рук продукты сельского хозяйства — по 8—10 коп. в день за место). Помимо арендаторов лавок на полях Сулеймана Казы работают ипольщики-уртакчи. С весны хозяин определяет возможный урожай (до 96 килограммов с одного му), и уртакчи обязаны заплатить ему не менее 3 пудов, даже если урожай совсем собран не был, попадая в таком случае в долговое рабство.

Вот два социальных полюса южной части Синь-Цзяна: с одной стороны, численно очень небольшая группа баев, полуфеодалов-купцов и духовенства, а с другой стороны, 60—65 проц. всего населения составляет крайне нищее, систематически голодающее дехканство, закабаленное байством и купечеством.

ГЛАВА VI

Центральноазиатская Аркадия

Приятно в Кашгаре чистым майским утром перед завтраком, облокотившись на парапет плоской крыши консульства, окидывать взглядом обширный горизонт оазиса, пустыни, долины и горные хребты. Легко представить себе за горизонтом залитые солнечным светом пространства Высокой Азии, которые, постепенно опускаясь, тянутся по земному шару. Как удалена и изолирована древняя страна, в которую мы приехали! Иногда я задавал себе вопрос — неужели когда-нибудь железная дорога или даже шоссе пробьют себе путь через эти ледяные твердыни? Неужели будет перекинут мост через огромные пустыни, лежащие между нами и Дальним Востоком?

На севере, за Небесными горами, находится прекрасная Семиреченская провинция, бывшая когда-то богатейшим краем царской Центральной Азии и являющаяся убежищем многих тысяч колонистов из Европейской России — самая настоящая «земля белого человека».

Одно время казалось, что Кашгар более доступен из Европы через Семиречье, нежели по какому-либо другому пути. Царское правительство быстро протягивало Чимкент-Верненскую ветку своей Закаспийской железной дороги по направлению к Чжунгарской границе, а на юг из Пишпека оно построило колесную дорогу до форта Нарын в Тянь-Шане. Русские даже провели проезжую дорогу через перевал Туругарт, а со стороны Кашгара они всяческими ухищрениями в те дни, когда русское генеральное консульство было очень влиятельно, завершили постройку прекрасного моста через реку Тюмень.

Несколько лет тому назад мост был снесен водой, и довольно любопытно то, что китайцы его не восстановили.

Какие же страны еще окружают Кашгарию, кроме Семиречья?

На западе лежит Фергана, край еще более древний и богатый, чем Семиречье. Культура ислама проникла в Кашгарию из древних городов Ферганы. Еще поныне поют народные певцы Кашгара о Маргелане — «Серебряном городе», а в былинах рассказывают о временах кокандских ханов. Перед войной русские довели железную дорогу до Андижана, и в течение нескольких лет караванный путь через перевал Терек¹ считался самым удобным из всех дорог, ведущих в Кашгар. В результате из всех иностранных государств наибольшее влияние здесь оказывала Россия. Затем торговая связь между русским Туркестаном и Кашгарией прервалась.

К югу от Ферганы лежит горная область Южной Бухары, другого древнего ханства. Когда-то через Бухару шли караваны из Персии в древний Китай. Андижанская дорога, проложенная русскими, отвлекла караваны с этого пути, но память о Бухаре и Самарканде долго еще сохранялась.

К юго-западу за Памирами лежит Афганистан. Еще южнее высятся горные хребты Дардистана и Балтистана, где мы проезжали, и наконец идет Тибет — подлинная «Крыша мира».

Неосведомленность кашгарцев о внешнем мире поразительная. Иностранцы, особенно афганцы, к которым, впрочем, одинаково причисляют жителей Индии, персов и бухарцев, наряду с настоящими афганцами известны под общим именем «музафир» (путешественники, путники) или «даван-ашти», то есть люди, прошедшие через перевалы, потому что дорога между Лехом и Индией известна с давних пор под именем «Дороги семи перевалов». Сведения об Индии и Англии у населения, за исключением, может быть, жителей Кашгара, Яркенда и нескольких южных оазисов, самые сбивчивые и туманные.

Такая неосведомленность вызывается изолированным положением провинции. Этой же неосведомленностью и невежественностью населения можно объяснить всевозможные нелепые рассказы об опасностях путешествия по некоторым дорогам, где будто на караваны нападают крылатые драконы, пожирающие людей, и т. д. в этом роде.

В некоторых отношениях Кашгария находится еще в периоде средневековья. Такая организация нищих, как в Яркенде, существовала в VIII столетии в Багдаде. Нищие образуют своего рода цех, признанный властями, и старшина этой организации —

¹ Перевал Терек-Даван лежит на естественном пути из Ферганы в Синь-Цзян в отрогах Алайского хребта.

Нищий-профессионал из Старого Аксу.

один из самых богатых людей в Яркенде. Он действует в тесном сотрудничестве с местной полицией, организуя кражи, причем добыча делится поровну. Отношение населения к нищим на мусульманском Востоке самое доброжелательное. Подача милостыни нищему считается богоугодным делом, даже когда тот не просит. Не удивительно поэтому, что нищенство получило большое развитие. Среди нищих вербуются соглядатаи и тайные сотрудники полиции. Со времени запрещения разведения опиума в Кашгарии и ввоза его из-за границы в широких размерах развилась контрабандная торговля опиумом, который идет главным образом через афганскую границу. Обычно полиция через шпионов-нищих заблаговременно узнает о прибывших партиях опиума, устраивает засады и потом за приличную взятку отпускает контрабандистов с товаром на свободу.

Кашгарию поистине можно назвать страной плодородия и изобилия. Осенью базары бывают буквально завалены разными продуктами сельского хозяйства. Целыми горами лежат мешки с кукурузой, рисом, пшеницей и просом. Тут же груды огородных овощей и фруктов всякого рода. Персики падают с прилавков, и уличные мальчишки не дают себе труда поднять их. Бойкая торговля фруктами идет и вразнос. Даже за городом постоянно можно встретить разносчиков с фруктами.

Стоимость жизни для европейца в Кашгаре поражает своей дешевизной. В соответствии с этим и жалованье служебному персоналу платится низкое. Своему повару мы платили тринадцать рублей в месяц, а помощнику его — меньше восьми рублей.

Вот стоимость некоторых продуктов на базаре в Кашгаре: баранина — 20 копеек кило, яйца — 8 копеек дюжина, утка — 30 копеек, молоко — 8 копеек литр, пшеничная мука и рис — 5 копеек кило, кочан капусты — 4 копейки, картофель и томаты — 20 копеек кило, абрикосы и персики — 6 копеек кило, виноград — 12 копеек кило, сушеные фрукты (абрикосы, персики, изюм) — 10 копеек кило, дикие утки, фазаны — по 25 копеек.

Свежую рыбу нам доставляли рыбаки по 40 копеек кило. Ловилась она в реке Тюмени и в каналах.

Одним из вкуснейших плодов Кашгарии считается дыня, известная под названием «бешек-ширин». Мясо ее белое или бледно-желтого цвета. В зрелом состоянии ее кожица делается до того тонкой, что пропускает сок. Достигает она веса семи кило и продается на базарах не дороже 12 копеек штука. Дыни этого сорта отвозились прежде ежегодно в подарок китайскому императору.

Что касается фруктов, в Кашгарии произрастают все, какие есть в Центральной Европе: фиги, виноград, персики, ренклоды, айва, гранаты. Некоторые, как например, фиги и виноградную лозу, приходится на зиму укрывать. Не было недостатка и в ягодах: клубнику, крыжовник, вишни мы имели в изобилии.

Одним из самых гостеприимных хозяев и интересных собеседников был Чу, даоинь Кашгарского округа, образованного в 1922 году. Чу впрочем был переведен скоро в Яркенд.

Я живо помню один из первых званых обедов у даоиня. За нами была выслана коляска, в которой мы в сопровождении двух конных ординарцев и четырех китайцев-конвойных помчались по улицам города, чуть не опрокидывая прилавки торговцев. Наконец мы подъехали к глинобитным воротам, над которыми висел пятицветный флаг Китайской республики.

Когда мы прошли в ограду ямыня, мы были встречены звуками барабанов и дудок, составлявших несложный оркестр и громкими возгласами «пао» (привет), за которыми последовали три оглушительных удара барабана. Затем мы прошли мимо почетного караула в мешкообразной синей форме, отдавшего нам честь. Навстречу вышел низко склонившийся дворецкий. В руках он держал наши огромные визитные карточки красного цвета, переданные даоиню перед визитом. Седобородые беки в халатах провели нас через внутренние ворота в красивый сад с массой фруктовых деревьев и цветов, где находились три пруда с цветущими розовыми лотосами.

В центре сада, под крышей, напоминавшей кровлю пагоды, возвышался помост, на котором были расставлены столы с фруктами и разнообразными сладостями. Немного поодаль находилась деревянная расписная беседка с верандой над прудом. Хозяин и его секретарь по иностранным делам встретили нас у ворот и после продолжительного обмена любезностями провели в беседку, где уже были собраны другие гости, включая китайских должностных лиц и представителей иностранных колоний.

Полтора часа мы провели за разговорами и чаепитием, для обеда перешли на декорированную растениями веранду, которая была разукрашена китайской живописью.

Даоинь всегда считался с европейскими вкусами гостей, и потому обед был далеко не столь обильным, как обычно бывает на парадных обедах у китайцев. Он состоял всего только из двадцати пяти перемен блюд. Вместо обычных палочек на столе на европейский лад лежали ножи, вилки и ложки.

Среди блюд преобладали мясные в разных видах — баранина,

Базар в Кашгаре.

телятина, свинина — и сладкие. Из необычайных для европейского вкуса блюд тут были акульи плавники, ростки бамбука, семена лотоса в сиропе, суп из трепангов, суп из морской капусты. Помимо того было много добавочных закусок, включая ломтики совершенно позеленевших яиц, которые долгое время держали закрытыми в земле. Начался и закончился обед чаем и десертом.

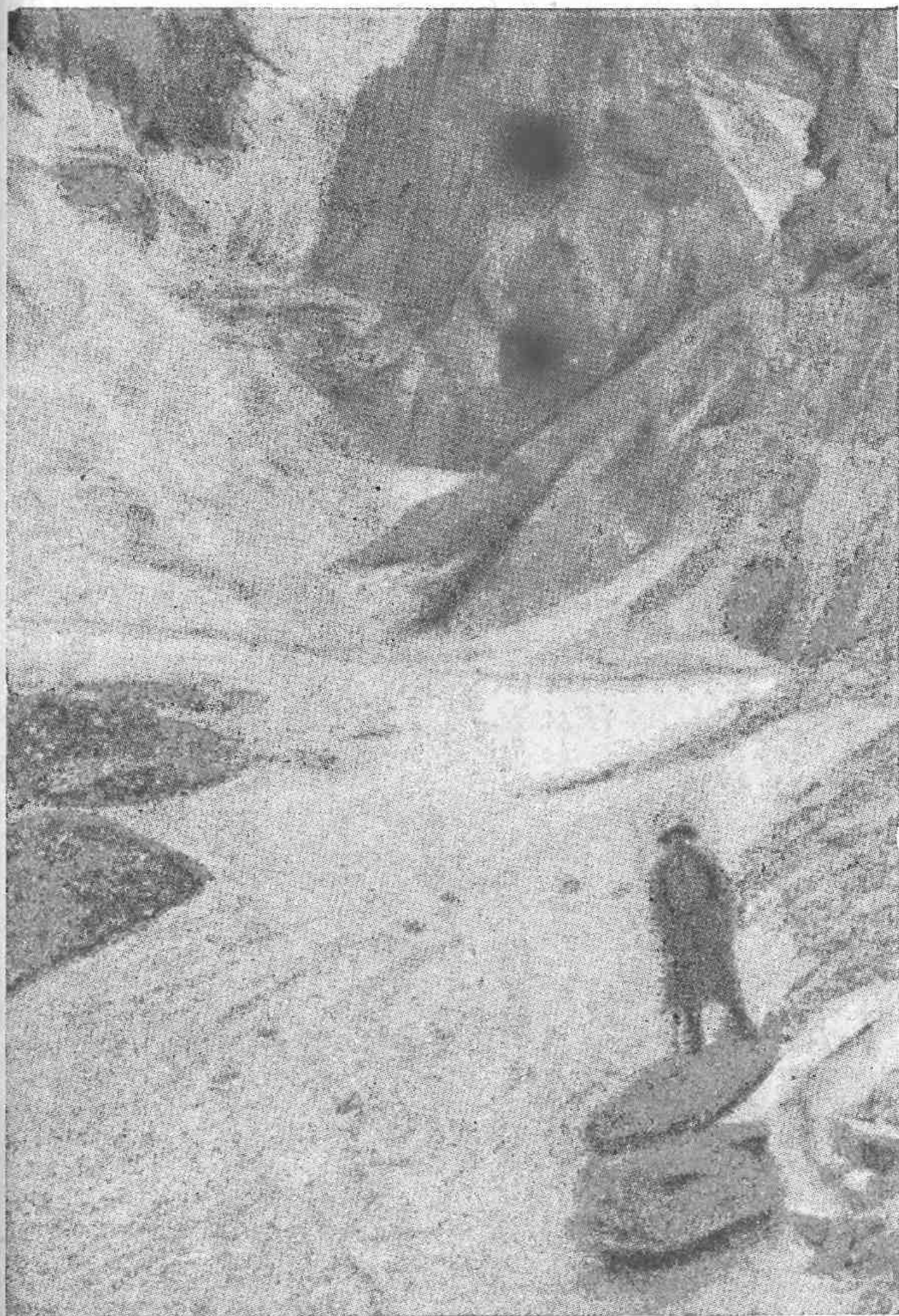
Мне пришлось присутствовать в течение первой недели пребывания в Кашгаре еще на другом официальном завтраке, совершенно не похожем на описанный мною, который был дан генералом Ма, титаям кашгарской армии¹, человеком очень неприятных личных качеств.

Ему было за семьдесят лет, но он был полон здоровья и, занимая в течение семи-восьми лет пост командующего войсками, использовал выгоды своего положения для бесчестного обогащения за счет мирного населения путем самых жестоких и бесчеловечных средств. Он заставлял под страхом казни именовать себя падишахом. В Кашгаре у себя он завел целый гарем красавиц-тюрчанок. Единственно, кого он боялся, это даотая Чу. После перевода последнего его притеснения и вымогательства усилились. Он придумал для пытки особого рода машину, в роде соломорезки, и тем, кто отказывался дать ему взятку, палач по его приказанию отрезал машиной по суставу палец за пальцем на руках и ногах, пока пытаемый не соглашался выплатить все, что от него требовали.

Штаб титая находился в Новом, или Китайском городе, в десяти километрах от Старого города. У стен города нас встретил небольшой отряд неопрятно одетых, недисциплинированных кавалеристов. Они сопровождали нас по грязному базару под сумрачными взглядами прохожих до главной цитадели. За воротами ее мы проехали еще ряд улиц, храмов и зданий, частью полуразрушенных, частью хорошо сохранившихся, расписанных живописью и украшенных символическими деревянными фигурами птиц и зверей. Наконец мы подъехали к самому ямыню² титая и очутились на просторной площади с большой аркой посредине и огромными фигурами драконов по бокам. Солдаты на площади отдали обычные почести, прогремел пушечный салют, и солдаты удалились. Пройдя ворота, мы попали во внутренний двор, где нас встретил маленький, похожий на обезьяну, седой старик со свирепым выражением лица в пышной форме китайского маршала, скорее напоминавшей опереточную. Это и был титай.

¹ Т и т а й — генерал.

² Я м ы н ь — резиденция крупных китайских чиновников.

Морена ледника Кепек.

Когда нас пригласили за стол, я увидел, что он был сервирован так же, как в ямыне даотая Чу; очевидно сервировка была сделана по указанию последнего. Далее всякое сходство прекращалось.

Прежде всего наш хозяин снял с себя в присутствии всех свой пышный мундир под предлогом, что ему жарко, и очутился в легком костюме из голубой шелковой материи. Затем он палочкой стал накладывать нам на тарелки какую-то мешанину из стоявшего по середине стола блюда. После того он распорядился подать нам вина и, предложив мне бокал, заявил, что это лучшее вино в Китае и настоено на разных веществах, счетом семьдесят одно, в число которых входили истертые в порошок мясо карака-тицы и когти тигра. По запаху, может быть, это и было так, но по вкусу напиток этот скорее напоминал водку, а не вино. Затем последовали акульи плавники и прочие деликатесы, после чего на стол было подано блюдо с целым зажаренным бараном, которого титай собственноручно стал резать, отрывая левой рукой куски мяса и раздавая нам. Скоро титай захмелел, предложил мне дружбу с ним, понес всякую чепуху в роде того, что его просят стать генерал-губернатором провинции и т. п. Я поспешил откланяться и удалился.

Через неделю после того я устроил у себя прием в консульстве и пригласил даотая и титая.

Даотай, приехавший на паре лошадей, был с небольшой свитой, зато второй принесся галопом на тройке, сопровождаемый сотней вооруженных до зубов солдат и собственным духовым оркестром, который успел несколько опередить его, чтобы грянуть на дворе торжественную встречу.

Старик, бывший опять в форме китайского маршала, попросил меня снять с него фотографию, чтобы послать ее президенту республики.

За столом, когда титай сел, слуги подали ему захваченную им с собой водку; других напитков он не признавал. Скоро он основательно выпил, но долго не задержался и удалился затем так же быстро и с такими же церемониями, как и приехал.

Бывали в гостях мы также в шведской и русской колониях.

Руководящие семьи среди шведских миссионеров и русской колонии, каждая на манер своей нации, олицетворяли доброту и гостеприимство. Часто мы отправлялись в сгущающихся сумерках, чтобы принять участие в многочисленных, но приятных собраниях вокруг столов, заставленных продуктами скандинавской и московской кухни.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

Скрайн назвал шестую главу своей книги «Центральноазиатская Аркадия».

В какой мере позволительно называть Аркадией (т. е. страной счастливых жителей) Синь-Цзянь с его разоренными кишлаками и нищим населением городов, показывают следующие факты: рабочий высшей квалификации на шелкомоталке Абдур Рахима Ахунбаева в Каргалыке зарабатывает в месяц 7 рублей; казанбаши (распаривание коконов в котлах) зарабатывают восемнадцать копеек в день, размотчица — семь копеек. Ковровое производство Худай Берды-бая в Хотане: за 50 дней трое мастеров ткут ковер в 11 кв. метров, получая за него 30 — 35 руб., — в месяц каждый из них получит по 7—7 руб. 50 коп.

Теперь присмотримся к быту отдельного ремесленника, работающего по очистке кожеры тутовника на бумажном производстве в кишлаке Каса в 6 километрах от Каракаша. Он получает рубль в месяц на хозяйских харчах. Кормят его не слишком обильно: раз в день дают кукурузную похлебку да три лепешки. Понятно, этого нехватает. Рабочий задолжал своему хозяину 4 руб., истратив их на еду. Для погашения долга работал бесплатно до зимы, а когда на зимний сезон стало бумажное производство, ушел в хлебопекарню, где работал за четыре лепешки в день. Имущества у него немного — одна кошма, которая служит ему и одеялом и подстилкой. С одеждой тоже очень плохо: поношенные сапоги, старый халат, две рубашки, штаны и шапка. Своей квартиры не имеет — живет в чужом доме, в углу, помогая за это владельцу дома работать на огороде.

Возьмем семью ремесленников. Муж и жена работают на шелкомоталке Бабакурбанова в Каракаше. Муж — квалифицированный мастер, стоит у большого размоточного колеса; зарабатывает 7 руб. в месяц. Жена на сортировке коконов получает 10 копеек в день. На питание тратят пять рублей в месяц, но жить приходится впроголодь: на двоих десять лепешек (по 50—60 граммов) в день, под вечер кукурузная похлебка, мясо раз в неделю, сахар ели однажды на свадьбе богатого купца. 3 руб. в месяц расходуется на налоги и «пожертвования» в мечеть и полицейским, 2 руб. идет на поддержание дома и на одежду. У них на двоих три матовых халата, четверо штанов, трое женских шаровар, по три рубахи, две пары старых сапог да ветхая овчинная шапка. Убранство дома убогое: три кошмы, две подушки, вместо одеяла рваный ватный халат. Из утвари только кумган, котел и три чашки. Зимой, когда нет работы на шелкомоталке, муж портняжничает дома, зарабатывая рубль в неделю.

Так живут все ремесленники в городах Синь-Цзяня. Про кашгарских ткачей говорят, что они сами ткнут себе погребальный саван.

Жизнь целого большого квартала отражает лицо всего города. Присмотримся к кварталу, тянущемуся в Кашгаре сразу от Иорбагских ворот. 37,3 проц. его обитателей составляют торговцы и комиссионеры крупных купцов. В своем большинстве они мелкие розничники, обладающие в среднем оборотным капиталом, не превышающим 120 руб. 28,5 проц. жителей имеют пригородные участки земли; 18,7 проц.— неквалифицированные чернорабочие, крестьяне, бросившие свои поля и не имеющие определенного заработка. 12,5 проц.— кустари и ремесленники. Последней категорией является духовенство, составляющее 2,5 проц. Обработка пригородной земли ведется при помощи мардеко-ров (сезонных рабочих), зарабатывающих за все лето 12 копеек (1) и получающих от хозяина раз в день кукурузную похлебку и две лепешки.

Как не похожа настоящая жизнь Кашгара на ту идиллическую пастораль, которая представлялась Скрайну с уютной террасы английского консульства, окруженного плакучими ивами и прудами, в которых цветут лотосы!

ГЛАВА VII

Находка «Счастливой долины»

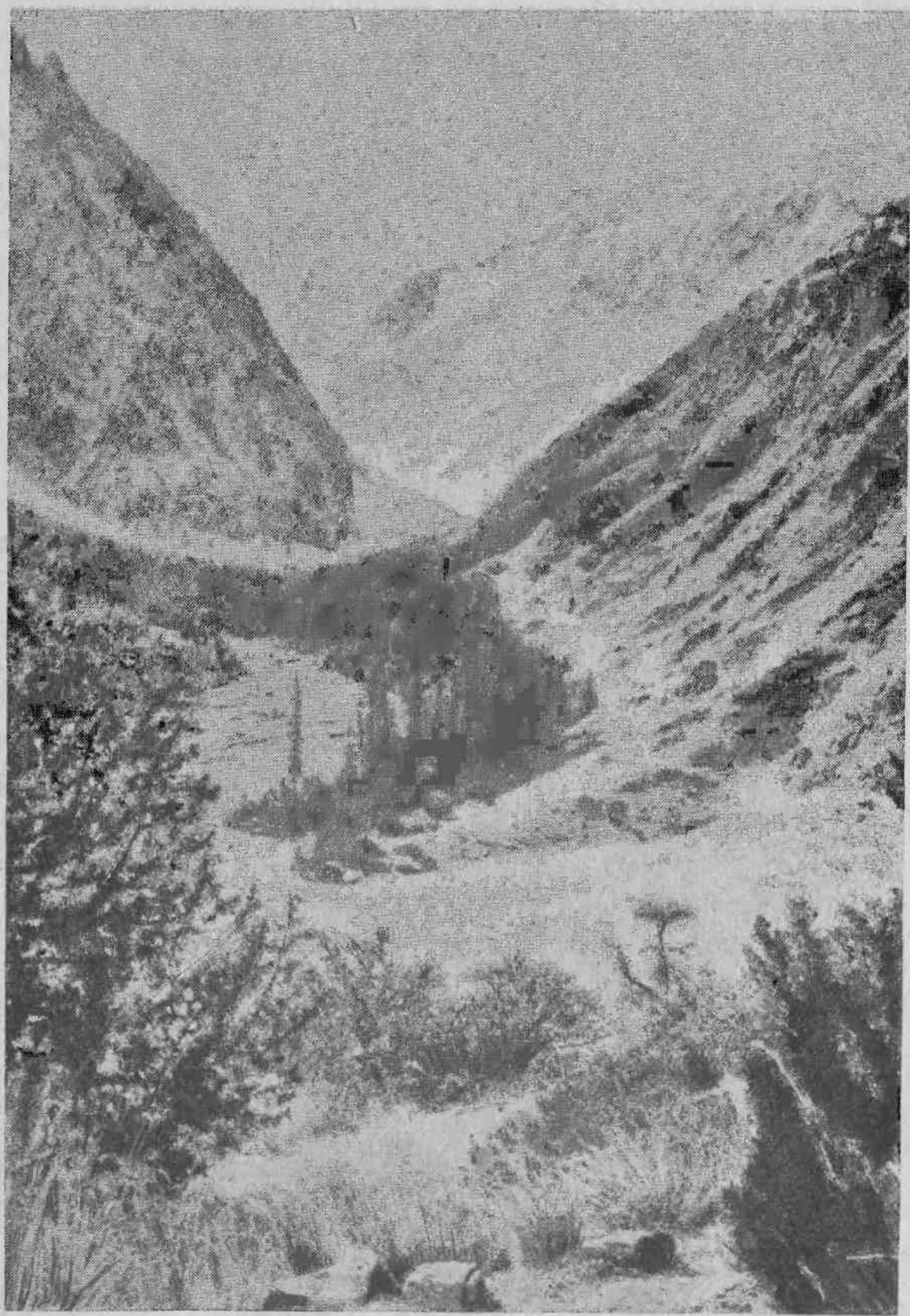
11 октября 1922 года мы предприняли большую поездку, занявшую у нас два с половиной месяца. Наш маршрут лежал по юго-восточной Хотанской дороге, вдоль которой проживает значительное большинство британских подданных в Кашгарии.

Наша первая продолжительная остановка намечалась в Яркенде, самом большом городе Синь-Цзяна и центре торговли с Индией и Афганистаном. Мы должны были посетить также другие важные пункты — Каргалык, Гуму, Хотан и Керию, где предстояло выполнить много судебной и консульской работы. Самым отдаленным пунктом, который я собирался посетить, являлась Керия, расположенная в 413 милях от Кашгара. Обратная поездка за исключением последних пяти переходов должна была совершиться по тому же маршруту из-за отсутствия иного пути.

По прямой дороге от Кашгара до Яркенда насчитывается 127 миль. Это расстояние можно было бы покрыть в течение пяти дней, однако вместо того, чтобы ехать прямо в Яркенд, я решил предпринять небольшое любительское исследование в горах к югу от Кашгара. Еще прошедшей зимой в Дели сэр Аурель Штейн посоветовал мне посетить некоторые небольшие «белые пятна», которые ему не удалось занести на карту Кашгарской горной страны. Для этой цели я решил исследовать восточные склоны Кунгурского массива.

Чтобы пробраться туда, надо было предварительно пройти Караташским ущельем. Этим путем я рассчитывал добраться до реки Чимган, главного притока реки Караташ, и произвести разведку восточного склона Большого Кунгурского массива. Попутно я думал обследовать расположенный к юго-востоку от него загадочный хребет Шевакта. Моя «походная канцелярия» с мир-мунши¹

¹ Мир-мунши называется «восточный секретарь» английского генерального консульства в Кашгаре.

Юг Синь-Цзяна — Счастливая долина,

должна была встретить нас 26 октября в Яркенде, где кончалась моя официальная поездка.

Для поездки в Караташ я нанял за один таэль (около 1 руб. 30 коп.) в день семь двугорбых косматых верблюдов вместе с одним молодым светловолосым проводником-андижанцем, который носил огромные штаны из овчины кожей наружу и мехом внутрь. Наша группа была усилена включением в нее одного из наших русских друзей — Павла Назарова, ташкентского геолога, который отличался тем, что был единственным русским в Кашгаре, знавшим английский язык.

Вся наша партия состояла из десяти человек.

Первая наша остановка была в Япчане, на главной Яркендской дороге, откуда мы свернули к югу, к горам. В Ахтыр-Базаре мы впервые переправились через реку Караташ, в этом месте широкую и мелкую. Отсюда наш путь восемь километров шел по возделанной, немного лесистой местности, а затем по песчаной пустыне из гравия, нанесенного рекой. Пройдя еще одиннадцать километров, мы достигли начала оазиса Алтынлык («Золотой»), где река Караташ вытекает из предгорий. Дальнейшее наше продвижение заняло девять дней.

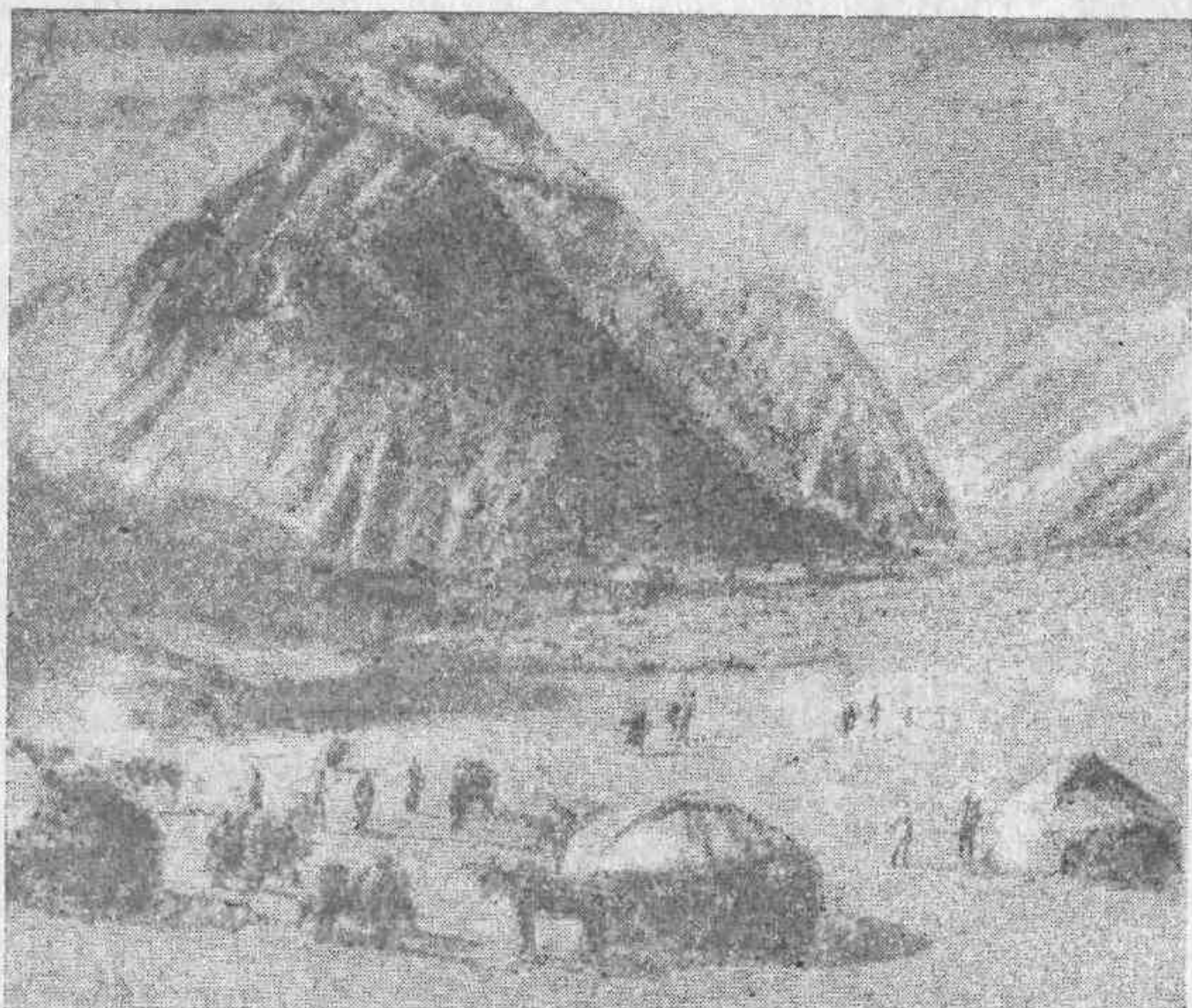
14 октября мы без всяких затруднений прошли за день тридцать пять километров по долине Караташа.

На другой день, продолжая свой путь по долине, мы несколько раз переправлялись через реку. В одном месте мы заметили каменноугольные ломки: уголь выбирался прямо с поверхности, работой было занято не более двенадцати человек.

Ночевали мы в Баш-Купрюк на высоте 2100 метров.

В последующие дни я произвел разведку в долине Каин-Джилга (джилга — ущелье), спускающейся с западной стороны в Караташское ущелье. Мы проехали по ней до высоты 3850 метров, затем принялись за обследование долины. Поднявшись по ней, мы обнаружили великолепный хвойный лес, выше которого шли летние пастбища киргизов (джейляу). Своих верблюдов мы по более удобной дороге отослали в Хантерек (в Караташской долине), а сами продолжали путь кверху. С удобных пунктов я непрерывно производил инструментальные съемки и делал фотографические снимки, причем мне удалось наконец увидеть и снять фотографию восточных склонов Кунгурского хребта.

Встретившиеся киргизы помогли нам своими указаниями разыскать перевал, соединяющий долину Каин-Джилга с долиной Чопкана-Джилга. Сначала они отнеслись к нам с недоверием и боязнью, даже пытались скрыться, затем успокоились и осталь-

Стойбище в Каин-Джилге.

ное время были весьма внимательны и предупредительны, предлагая нам разные припасы и свои палатки для отдыха. Вообще мы нашли этот народ очень гостеприимным, жизнерадостным и совершенно не тронутым культурой — настоящие дети природы.

По дороге мы охотились и, кроме зайцев, убили несколько горных куропаток.

Из Чопкана-Джилга мы уж легко добрались до Хантерека.

Заключительный наш маршрут был Кзыл-Базар (уже на главной дороге) и Кок-Рабат, в 35 километрах от Яркенда.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

Скрайн пишет в начале седьмой главы о своем друге Павле Назарове. Назарову везло на друзей, соприкасавшихся с пресловутой «политической службой Индийской империи». Среди них были полковники Чарльз Бэйли и Эссертон, известные своей антисоветской деятельностью. Павел Назаров выделялся из среды кашгарской белогвардей-

ской эмиграции. Его жизненный путь начался с первого похода русских отрядов на Памир. Когда полковник Ионов формировал отряд для захвата Памира, к нему явился доброволец Павел Назаров. Совершив поход на Памир, он разведдал о богатствах страны и вскоре в Ташкенте возникло Памирское золотопромышленное товарищество, инициаторами возникновения которого были Назаров и гвардейской кавалерии штаб-ротмистр в отставке Поклевский-Козелл. Назаров кроме того занялся нефтяным делом и сделался компаньоном фирмы Нобель. Октябрьская революция пришлась ему не по вкусу. Не нравилась она и многим твердолобым за рубежом. Подготавливалась интервенция. В апреле месяце 1918 года из Симлы (Индия) выехала чрезвычайная миссия с секретными заданиями. Полковник Бэйли должен был пробраться вместе с капитаном Бляккером и Джорджем Макартнеем в Ташкент, а полковник Эссертон ехал в Кашгар, чтобы из-за границы наладить басмаческие налеты на Советский Памир и Фергану.

Бэйли прибыл в Ташкент как дипломатический представитель и под этим удобным прикрытием создал контрреволюционную организацию, во главе которой встал Павел Назаров. Они подготавливали восстание в Ташкенте, встали на путь террористических убийств и инспирировали осиповский мятеж, во время которого предательски были убиты ташкентские комиссары. Когда организация была раскрыта, Бэйли и Назарову удалось бежать. Первый при помощи левых эсеров очутился в эмирской Бухаре, а Назаров пробрался в Кашгар, найдя приют у предшественника Скрайна — полковника Эссертона.

Там он продолжал антисоветскую деятельность, группируя вокруг себя выброшенных за кордоны Советской республики белогвардейцев. Эссертон уехал, но его заменил Скрайн, с теплотой вспоминающий то время, когда он принимал участие в собраниях русских эмигрантов.

Подготавливая плацдарм для возможного наступления на нашу страну, английская военщина посылала свою агентуру для изучения подступов советской Средней Азии. Урумчинская газета «Тянь-Шань Жи-бао» в номере от 20 апреля 1933 года писал о том, что сэр Аурель Штейн, ездивший по Синь-Цзяну под маркой археологических изысканий, фактически занимался шпионской работой, в силу чего китайские власти принуждены были его выслать. Скрайн без стеснения говорит о том, что, подобно Штейну, он производил по его просьбе съемки местностей, лежащих на подступах к нашему Памиру. Не случайно в этой поездке его сопровождал матерой белогвардеец Назаров — акционер-учредитель Памирского золотопромышленного товарищества, мечтавший вернуть то, что у него отняла революция. Но все же деятельность друга Скрайна дальше полицейской работы не пошла. История вспять не поворачивается.

ГЛАВА VIII

Яркенд, Хотан и Керия

28 октября мы прибыли в Яркенд. Встреча нам была устроена самая торжественная. В пяти километрах от города нас ожидала большая толпа, человек сто британских подданных — представителей тринадцати или четырнадцати народностей. Тут были индусы, афганцы, пенджабцы и даже один армянин. В числе присутствовавших находился британский аксакал. После обмена речами и чаепития вся процессия, кто в экипаже, кто верхом на лошади или осле, медленно двинулась к городу. Первое, на что мы обратили внимание, была толпа нищих в остроконечных шапках с меховой оторочкой в невероятно грязных лохмотьях, кричавшая: «Падша, зякет!» («Милостыню, о падишах!»).

В последующие дни я знакомился с городом. Яркенд много больше Кашгара, но он не так выгодно расположен, как последний. Построен он на совершенно ровной местности, реки никакой в нем нет. Снаружи город обнесен крепкой стеной, лучше сохранившейся в новом городе. Внутри города поражают большие крытые базары, людные улицы, живописные типы. Особенно много в Яркенде нищих, худых и оборванных. С июня по октябрь в Яркенде очень жарко, и пребывание в нем нездорово. Одолевают мухи и москиты, распространена малярия (правда, в слабой степени). Обращает внимание обилие зобатых: каждый четвертый встречный — с зобом. Без сомнения, болезнь эта вызвана отсутствием доброкачественной питьевой воды. Близко от города протекают с гор две больших реки, но до сих пор не было сделано никаких попыток провести к городу каналы, и население довольствуется водой из прудов, разбросанных по всему городу, которые наполняются во время половодья, т. е. раз в год, водой из реки Яркенд-Дарьи.

Местность вокруг Яркенда довольно красивая, хотя представ-

ляет совершенно плоскую равнину, изрезанную реками. Дома крестьян, мельницы, надгробные мавзолеи над могилами святых, базарные помещения — все крепко, прочно и солидно построено из дерева. Своими деревянными постройками, широкими полями, наполненными водой каналами, обилием всякого скота и домашней птицы, розовощекими ребятишками страна производит впечатление своего рода азиатской Голландии.

Племенной состав населения самый разнообразный. Кроме туземцев и китайцев, в Яркенде можно встретить представителей всевозможных народностей соприкасающихся с Кашгарией стран: выходцев и торговцев из Советского Туркестана, Афганистана, Индии и Тибета. Главную массу населения образуют тюрки (узбеки). Китайцев сравнительно мало, они занимают различные административные должности или ведут торговлю. Китайскими подданными состоят также дунгане, занимающиеся большей частью торговлей, киргизы, таджики и долоны.

11 ноября мы выехали из Яркенда в Хотан. Наш караван теперь состоял из тарантаса и четырех китайских экипажей, запряженных каждый парой лошадей, к которым мы, когда дорога становилась тяжелой, припрягали еще лошадей за дополнительную плату около пятидесяти копеек в день. Пароконный экипаж до Хотана стоил около тридцати рублей.

Дорога шла по равнинной местности. В нескольких километрах от Яркенда мы подъехали к реке Яркенд-Дарья, которая в нижнем своем течении носит название Тарим-Дарья. Река эта, берущая свое начало на главном хребте Каракорума, течет много сотен километров по пустыне Такла-Макан и впадает в озеро Лоб-Нор, представляющее последний остаток прежнего великого моря Центральной Азии. В ноябре рукава ее можно переезжать в брод на лошади, летом для переправы служат паромы.

Ближайшим этапом нашего пути был Каргальк. Амбань в Каргальке по происхождению манчжур, единственный манчжур, которого мы встретили в Кашгарии.

Гума, где мы остановились после Каргалька, — маленький город, весь в садах и рощах из тутовых деревьев. Деревья эти положили основание местной промышленности, ведущей начало с древних времен, заключающейся в приготовлении грубой бумаги из луба коры шелковицы. Другой знак связи с прошлым я наблюдал в местном ямыне, когда увидел человека с толстой деревянной доской на шее. Этот древний обычай расправы с неисправными должниками, официально повсеместно отмененный, также и в Китайском Туркестане, здесь еще удержался. Вес доски иногда бы-

Китайский колодник.

вадет от девяти до двадцати семи килограммов, даже больше. С такой доской на шее должник сидит и ходит в пределах ограды ямыня, пока не заплатит долга. Кормят его родственники.

Гума находится уже на краю пустыни Такла-Макан. За городом все чаще и чаще начинают встречаться пески, и деревни имеют вид подлинных оазисов среди пустыни. Нам даже попала деревня, дома которой, за исключением двух-трех, были засыпаны песком и брошены их владельцами. Лёсс, из которого здесь состоит местами почва, плодороден, когда бывает смочен влагой, но легче и светлее, чем в Кашгаре. Климат здесь теплый, жилые и хозяйственные постройки — глинобитные, население — подвижное и живое, как свойственно южанам. Жители южных оазисов — большие любители голубей и устраивают для них специальные голубятни. Голубей здесь масса.

Хотан — небольшой торговый город. Сначала приезжий попадает в Новый или Китайский город, в форме квадрата, каждая сторона которого равна 750 метрам. Город обнесен крепкой стеной с китайскими пагодами на ней. Внутри стен расположены ямыни чиновников, казармы, склады и несколько улиц с лавками. Затем через ворота в стене открывается проход на главный базар Старого города, где мы и остановились в одном из домов.

От Хотана до Керии — 165 километров (четыре дня пути). Поездка эта носила для меня деловой характер. Ввиду песчаного характера местности решено было отказаться от экипажей и ехать верхом.

Первую ночь мы провели на постоялом дворе среди песчаных дюн пустыни. Следующая остановка была в маленьком городке Чире.

На другой день близ Дамуки мы встретили толпу народа, развлекавшуюся травлей собак и разбежавшуюся при появлении неизвестных иностранцев. Лишь с трудом удалось их успокоить.

На пути после Дамуки нам удалось увидеть два высоких пика Золотых гор высотой в 6300 метров каждый, в 100 километрах от нас поднимавшихся над пустыней. На другое утро пыльная мгла скрыла их.

Особенностью этого района является жесткая трава, покрывающая на сотни километров поверхность. Так как дождь здесь выпадает очень редко, то присутствие травы можно объяснить лишь наличием подпочвенной воды, просачивающейся из отдаленного Куэн-Луны. Присутствию этой воды обязаны своим существованием и оазисы, расположенные вдоль дороги к Керии.

Керия образует крайний пункт Кашгарии в восточном направ-

лении. Далее на 1 400 километров к востоку до ближайшего города Дунь-Хуана (Са-Чжоу) в смежной китайской провинции Ганьсу тянется пустыня. На всем протяжении этого пути имеется только три незначительных поселения: Ния, Черчен и Чархлык. Караваны по этой дороге идут только зимой, когда можно взять с собой запас воды в замороженном состоянии в виде кусков льда для перехода через страшную пустыню Лоб, которая тянется на 720 километров между Чархлыком и Дунь-Хуаном. Два раза в течение года верблюжьи караваны провозят по этой дороге шелка, чай и фарфор из Китая в Хотан и Яркенд; а обратно везут в Китай хотанские ковры, изделия из нефрита и кашгарские бумажные ткани. В общем однако можно сказать, что регулярная торговля прекращается в Керии.

В обратный путь мы пустились 5 декабря и 27-го прибыли в Кашгар. Ввиду служебных дел времени для побочных экскурсий нам осталось мало, и мы едва имели возможность осмотреть древние развалины близ Дамуки и Йоткана, древней столицы Хотана.

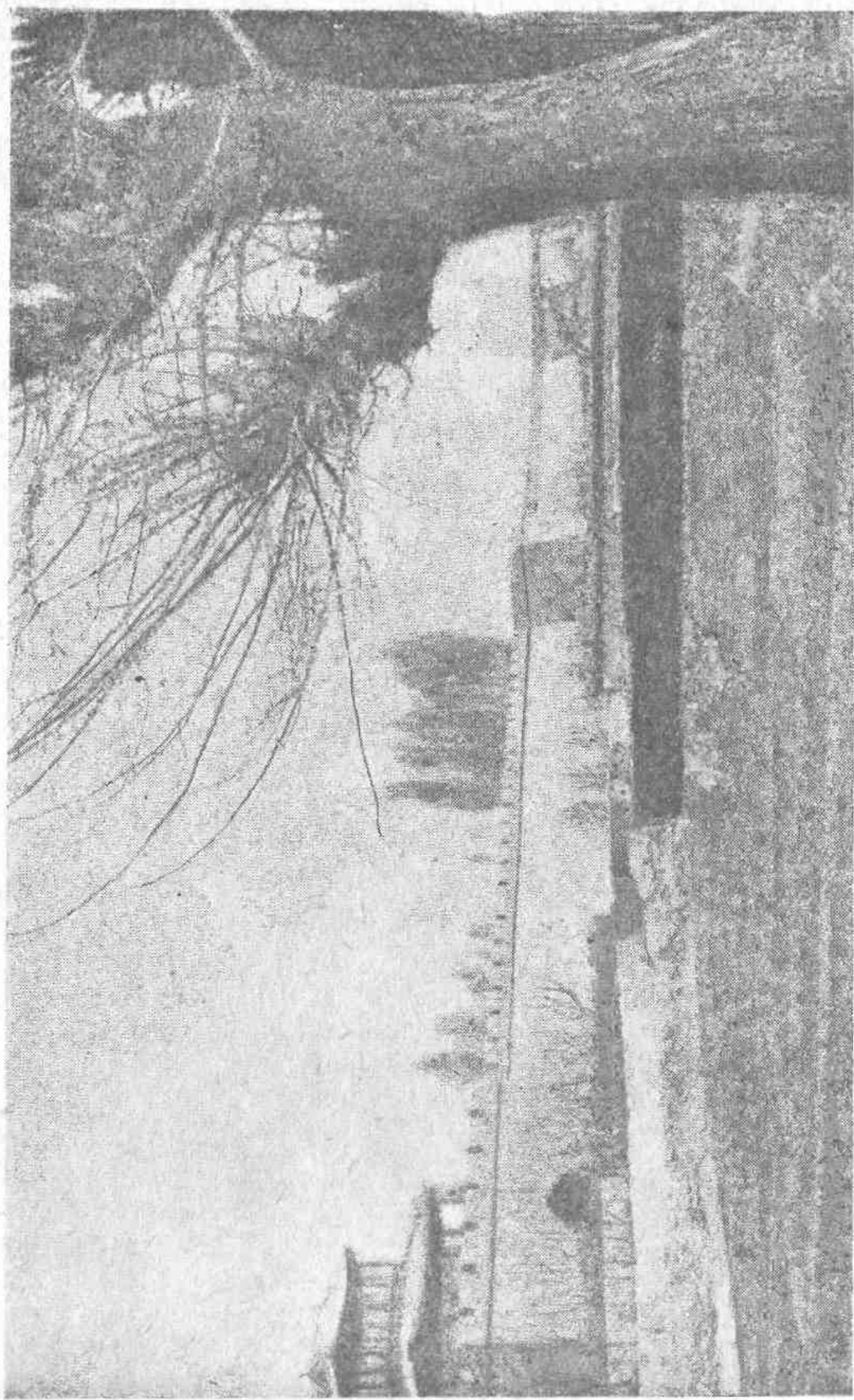
Останавливались мы в пути в частных или казенных китайских домах, устроенных для ночлега чиновников и содержимых довольно чисто, хотя пыльных и без мебели. Местные же постоянные дворы (лянгары) были очень грязны. Лянгар представляет собой ряд помещений, обнесенных оградой с воротами китайского стиля. По трем сторонам двора находятся службы: помещения для слуг, кухня, конюшни. Против ворот расположено главное помещение, состоящее из трех-пяти проходных комнат; все, за исключением средней, — с печами. Окна не застеклены, а заделаны решетками и заклеены белой бумагой, приготовленной из коры шелковицы.

На обратном пути из Яркенда различные дела надолго задержали мое возвращение. Через реку Яркенд нам пришлось переправляться на пароме в виду того, что вода значительно прибыла.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

«Местность вокруг Яркенда довольно красивая... Своими деревянными постройками, широкими полями, наполненными водой каналами, обилием всякого рода скота и домашней птицы, розовощекими ребятишками страна производит впечатление своего рода азиатской Голландии» — так пишет Скрайн.

А вот факты другого рода: в Яркенде 200 ломбардов, пропускающих в среднем ежемесячно по 250 человек, закладывающих преимущественно старую одежду и домашнюю рухлядь стоимостью от 20 ко-

Хотан. Городская стена.

пеек до 3 рублей. За выданную ссуду ломбардщик взимает 96 проц. годовых. В Янги-Гиссаре 20 ломбардов, в Поскаме 10, в Каракаше 20, в Хотане 15, часть из которых пропускает по 1 000 человек. Разорение крестьянских масс идет гигантскими темпами. Средний земельный надел колеблется от 2 до 10 му (1 му равно одной шестнадцатой гектара). На почве обнищания самых широких масс дехканства растет ростовщический капитал, который все шире охватывает синь-цзянскую деревню. Разорение крестьян идет настолько быстро, что ломбардщики не могут гибко маневрировать с финансовым покрытием вкладов. Они принуждены сами прибегать к финансовой помощи, и тут на сцену выступает администрация, ссужающая ростовщиков деньгами из 48 проц. в год.

Закабаленный ростовщиком бедняк лишается абсолютно всего, и в результате мы видим восстановление института рабства, когда людей продают, как рабочий скот, а эту запродажу оформляют юридическими документами. Кашгарский купец Ибрагим-Ахун Лозун в 1931 году купил у дехканина Рахим-Ахун Бурхтая его двух сыновей — Садыка и Курбана — за 6 долларов 25 центов; другой крупный кашгарский купец Мамад Ахун купил в 1932 году в окрестностях Аксу двух девушек за семь долларов.

Посевные площади уменьшаются. Крестьянство не может выдержать тяжести налогов и уходит со своих земель. Мы видим иногда почти катастрофические картины: в кишлаке Пиальма в 1932 году из 12 000 му было засеяно только 2 500 му. Арычная система должным образом не ремонтируется, ибо заинтересованности и средств у основной массы потребителя воды — беднейшего и среднего дехканства — совершенно нет.

В результате земледелие в стране идет к упадку. Хлопок уже не является культурой, превалирующей в хозяйстве. Чрезвычайно характерные цифры дает Хотанский округ. Первое место занимает кукуруза — 50 проц. всей посевной площади, затем идут последовательно пшеница — 30 проц., рис — 10 проц., хлопок — 5 проц., ячмень — 2,5 проц. и клевер — 2,5 проц.

Целье деревни пустеют, и пески Такла-Макан засыпают безводные поля и покинутые жилища.

ГЛАВА IX

Пустыня, реки и горы

В конце февраля стало таять, а в марте уже распустились деревья, запели птицы, и 21 марта мы предприняли свою первую в году продолжительную поездку в Меркет, к юго-востоку от Кашгара. Сначала мы ехали по густо заселенной местности среди возделанных полей, но уже на второй день, по мере приближения к пустыне Такла-Макан, местность начала становиться засушливее и безлюднее. Переночевав в маленькой деревушке Тарим-Базар, где находится могила чтимой в Кашгаре мусульманской святой, мы на другой день пересекли узкую полосу пустыни Такла-Макан в сорок километров шириной и подъехали к реке Яркенд, через которую на следующее утро переправились на пароме.

Меркет, находящийся в центре обширного оазиса,— бойкое торговое местечко, расположенное с подветренной стороны песчаных холмов, увенчанных надгробными мавзолеями. Население его составляет народ неизвестного происхождения — долоны. Некоторые исследователи считают их родственными киргизам, от которых они, на мой взгляд, отличаются внешностью, сложением, складом ума и привычками. Женщины у них, как у кочевых киргизов, пользуются полной свободой, ходят с открытыми лицами и наравне с мужчинами принимают участие в увеселениях, но зато большинство тяжелых работ выпадает также на их долю. Нам приходилось видеть их занятыми на полевых работах и в кузнице.

По одному делу об отцеубийстве (британский подданный был убит своим сыном) я вынужден был срочно выехать в Яркенд. Проезжая правым берегом Яркенд-Дарьи, я был поражен тем, какая масса водяной птицы гнездилась на реке в камышах: тут были утки, гуси, журавли, чайки, кormораны и др. Культурно-посевная площадь яркендского оазиса благодаря оросительным работам последних двадцати лет, предпринятым по распоряжению

местного амбана, значительно увеличилась, и население оазиса возросло.

Закончив свои дела в Яркенде ранее, чем рассчитывал, я собрался обратно в Кашгар. Выбрал я себе другую дорогу, через Караташское ущелье, для чего нужно было свернуть в сторону, к югу-западу, с дороги Яркенд — Кашгар.

Отправившись в путь 2 апреля, мы на другой день въехали в горную долину Чимган-Джилга, которая от Красных гор (Кзыл-Таг) тянется до Кзыл-Базара на Яркенд-Кашгарской дороге. Поднявшись кверху по долине, мы обнаружили небольшое поселение оседлых киргизов. Обращали внимание их дома, сложенные из грубо обтесанных камней. Жили эти киргизы очень бедно. Поля их в виде небольших возделанных клочков земли, расположенных террасами по горным склонам, дают ничтожный урожай, а отсутствие пастбищ позволяет держать в хозяйстве лишь немного коз и овец. В этот день мы поднялись до высоты 2100 метров.

Поднимаясь выше и выше и перебираясь из одной долины в другую, мы везде встречали небольшие киргизские поселения, состоявшие из каменных домов, и небольшие возделанные поля, засеянные главным образом ячменем. Пашут здесь на быках, лошадях и яках. Попадался и строевой лес высокого качества.

8 апреля мы пересекли самый высокий перевал Кзыл-Тага-Сарайдаван, расположенный на высоте 3450 метров, нетрудный для подъема. И, спустившись с него, очутились на дороге Таш-Курган — Кашгар, по которой ехали в июле прошлого года.

По дороге я убил несколько красных куропаток, по-тюркски «кеклик» (название, данное от крика их «кик-алик»). Несмотря на неблагоприятное время года, я заметил несколько стаяк куропаток, особенно много должно их быть здесь осенью.

Дальнейший наш путь лежал к Кысмакскому перевалу, через который можно было проникнуть в верхнюю часть Караташской долины. Вблизи перевала на отвесной площадке на высоте 3300 метров мы увидели палатки киргизов, разбитые под скалистыми выступами из красного песчаника, вокруг которых толпились взрослые и дети.

Подъем на Кысмакский перевал, расположенный на высоте 4200 метров, оказался чрезвычайно крутым, тем не менее яки, которых мы наняли у киргизов, уверенно втащили наверх наш багаж и спокойно спустились по не менее крутому склону по другую сторону перевала. С перевала открывался чудный вид на Верхний и Средний Караташ. Мы провели тут два часа. Другие горы были закрыты облаками.

Спустившись с перевала, мы прошли Караташской долиной до Чата, где встретили свой караван, посланный обходным путем. Продолжая путь по долине, все более суживавшейся, мы на расстоянии десяти километров вынуждены были семь раз переправляться через реку Караташ. По пути нам пришлось попасть на киргизскую свадьбу. На празднество собралось человек пятьдесят киргизов и прибывали все новые гости. Сами новобрачные по принятому обычаю на празднестве не присутствовали, находясь в своих палатках. Невесте было лет двадцать пять, она выходила замуж вторично. Ее новый муж был двоюродный брат первого ее мужа. По обычаю на вдове женится ближайший родственник мужа.

С трудом нас отпустили гостеприимные киргизы. Продолжая путь далее, мы дошли до слияния реки Караташа с рекою Чимган, после чего продолжали путь по ущелью реки Караташа, которую предстояло перейти тридцать один раз в брод, пока выберемся на равнину у Алтынлыка.

Перейдя последний из четырех рукавов реки Чимган, мы вступили в Караташское ущелье. С обеих сторон поднимались горы высотой до 3000 метров, причем местами были видны спускавшиеся с них ледники. Река крутыми извилами неслась среди каменных стен, а высоко над нею проходила тропа шириной всего в полметра. В некоторых местах тропа прерывалась, и здесь с выступа на выступ скалы были перекинута свежесрубленные деревья. При переправах в брод приходилось снимать часть грузов с лошадей и вследствие этого мы в течение двух часов едва могли пройти полтора километра.

Постепенно ущелье стало шире, и за Саманом путь по Караташу и до выхода на главную дорогу не представлял уже никаких трудностей.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

Кзылтагские киргизы стоят несколько особняком от своих синьцзянских соплеменников, хотя принадлежат к роду Кипчак, обитающему в Чимганской долине, описанной Скрайном. Эта обособленность имеет интересные исторические корни и находит объяснение в предании, записанном нами в 1933 году на Памире со слов Хайдар Шю, жителя Хорога. Приведем сокращенный текст записи:

«До воцарения Тимур Ленга Памиром владели китайцы, покорившие нашу страну во втором веке хиджры (VIII в. нашей эры). Потом Тимур изгнал китайцев, и в Шугнан прибыл его посланник Абдулла-хан, пришедший во главе кипчакских отрядов. В Бадахшане пастбищ для

их стад нехватало, и они сперва остались на Восточном Памире, а через несколько лет, прослышав, что на востоке живут их сородичи, почти все ушли в долину Тагармы и дальше, в ущелья Чимгана. Только небольшой отряд, не имевший скота, спустился с Абдулла-ханом в долину Гунда и здесь основал два своих ханства, называвшихся Гунд-хаин и Хицун-хаин. Сторожевая крепость на скалах Дузах-Дары в верховьях Гунда защищала их владения от набегов кочевников, захвативших еще при китайцах пастбища Восточного Памира. Соединившись с шахдарьинскими ханами, кипчаки покорили Шугнан, разорив Хорог, но вскоре Шо Ванджи-хан воцарившись установил порядок в Хороге и Поршневе. Его приемник Амир-бек разбил в 1150 году Хиджры (1737 год нашей эры) кипчаков и изгнал пришлых правителей с их дружиной за Сарыкольский хребет. Преследуя своих врагов, Амир-бек вступил в Сарыкол и Тагарму, отбирая богатства у кочевавших там киргизов. Затем он ушел обратно, получив большую дань от родовых старшин. Пришлых кипчаков, навлекших на страну бедствия, их соплеменники прогнали со своих пастбищ и они с остатками истощенных стад пошли дальше на восток, встречая на своем пути только вражду. Тогда они поселились в Кзылтагских горах и, не имея баранов в количестве, пригодном для кочевой жизни, должны были заняться земледелием, научившись этому еще в долине Гунда у шугнанцев. С той поры они покинули свои юрты и живут в каменных домах, трудясь на маленьких полях вокруг селений. С единоплеменниками, раньше пришедшими в сарыкольские земли, они живут недружно, испытывая нужду из-за их притеснений».

ГЛАВА X

Случай с убийством и трудная поездка

В начале лета в Кашгаре небо по утрам бывает кристально чистым, лишь к полудню набегают одиночные облака. Отсюда однако не следует, что погода все время держится прекрасная. Не проходит недели-двух, как в воздухе начинает ощущаться духота, атмосфера становится тяжелой, и вдруг разражается песчаный буран, за которым следует дождь. Небо принимает бледно-коричневый оттенок, сильный ветер засыпает глаза мельчайшей пылью. Такой буран длится несколько часов, иногда целый день и заканчивается теплым дождем, который в течение часа-двух очищает совершенно атмосферу. Особенной силой бураны в Кашгари впрочем не отличаются.

Летом в Кашгаре глаз поражает богатство и пестрота красок — настоящая мозаика цветов. Это относится не только к краскам, наблюдаемым в природе, представляющим сочетание зеленого, голубого и желтого цветов, но также и к разноцветным одежаниям населения. Впечатление это особенно усиливается по праздникам, когда мужчины, женщины и дети в своих новых костюмах самых ярких цветов наполняют базары и улицы Кашгара.

С наступлением жарких дней, когда даже по ночам становится душно, китайские чиновники, иностранцы и все, кто имеет возможность, перебираются из города на дачи или в свои загородные поместья. Решил выехать из города и я, но цель моя осталась прежняя — пробраться в Каин-Джилгу, названную мною «Счастливой долиной», через Хантерек на Караташе.

19 июня мы прибыли в Япчан, а на следующий день в Янги-Гиссар. Здесь мне предстояло совместно с китайским участковым судьей решить дело об убийстве одним киргизом с Кзыл-Тага индийского уроженца из Читрала, который являлся британским подданным.

Обстоятельства дела были следующие. В феврале 1923 года я получил сообщение от заместителя британского политического агента в Читрале, в северо-западной пограничной провинции, с приложением прошения родственников некоего Мухаммеда Шаха, в котором те заявляли, что названный Мухаммед Шах, торговец из Читрала, в декабре прошлого года выехал из Янги-Гиссара в провинции Синь-Цзянь на родину и с тех пор пропал без вести. Я обратился к даоиню с просьбой произвести необходимые розыски и в мае месяце получил от него сообщение, что, как удалось установить китайским властям, Мухаммед Шах был убит в двух переходах от Янги-Гиссара в довольно глухом месте на Ташкурганской дороге и что убийца его арестован и будет судиться в Янги-Гиссаре. Так как убитый был британский подданный, то дело об его убийстве подлежало рассмотрению китайского суда в моем присутствии в качестве британского генерального консула.

Согласно китайской судебной процедуре, судья округа, где произошло убийство, считается ответственным за такое нарушение закона и порядка, и это навлекает на него взыскание в большей или меньшей степени, в зависимости от того, как далеко место преступления находится от места его постоянного пребывания. Затем, в случае получения сообщения об убийстве он должен немедленно отправиться на место преступления, осмотреть труп, независимо от того, как давно он пролежал, и самолично произвести расследование. Понятно, тучным, отяжелевшим мандаринам совсем не улыбались такие поездки, и вот случалось, что если труп бывал обнаружен вблизи границы, разделяющей два судебных участка, то власти стремились перенести его украдкой на территорию соседнего судебного участка. Там, в свою очередь, поступали подобным же образом; и так дело продолжалось до тех пор, пока не вступались родственники. С другой стороны, подобная система заставляла властей принимать все меры к тому, чтобы сделать движение по дорогам безопасным, и действительно за два с половиной года пребывания моего в Кашгаре произошел только один упомянутый случай убийства на большой дороге, хотя за это время по дорогам проехали многие сотни торговцев и других лиц нередко с деньгами и ценными товарами.

Я условился с даоинем, что дело будет разбираться не в Кашгаре, а в Янги-Гиссаре, куда прибыл также и китайский судья Чанг. Разбирательство было короткое. Подсудимый (киргиз Якуб) сознался в преступлении, и оставалось только допросить местного бека (уездного старшину) и юзбаши (старшину долины).

По словам подсудимого, дело происходило так. Убитый Мухам-

мед Шах занимался контрабандой опиума и сбывал свой товар в Яркенде. В декабре он выехал на родину и предполагал успеть пройти через перевалы до того, как они будут занесены снегом и станут непроходимыми. Ехал он на маленькой лошадке и вез с собой две кипы шелка и немного денег. Большая часть его выручки перепала на взятки властям.

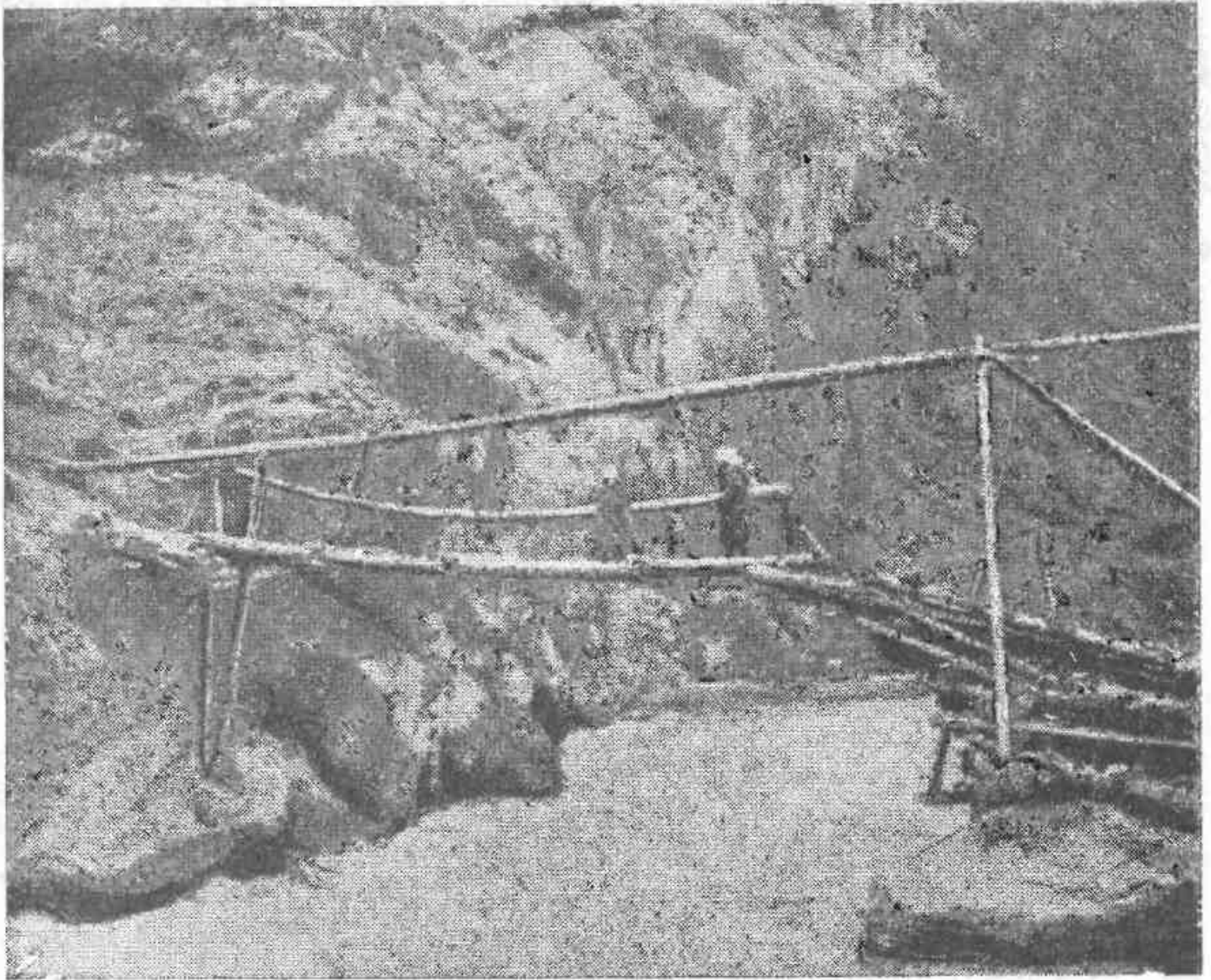
Подъехав на второй день пути вечером к кибитке Якуба, находившейся в довольно глухом месте, Мухаммед Шах попросил позволения переночевать. Якуб, ссылаясь на свою бедность и тесноту в кибитке, где, кроме него, находились больные жена и трое детей, предложил ему лечь снаружи близ кибитки, на что тот и согласился. Он завернулся в овчинную шубу, подложил под голову седло и заснул.

Якуб решил его убить и ограбить. Выждав часа два, он с тяжелым камнем подошел к спавшему и ударил его камнем по голове. Тот даже не вскрикнул. Труп убитого Якуб отвез на лошади далеко в сторону, в горы, бросил в высохшее русло ручья и засыпал сверху камнями. От лошади он решил тоже избавиться и, дождавшись ночи, столкнул ее в пропасть. Деньги он припрятал в укромном месте, а шелк отнес в кибитку, объяснив жене, что выменял его на меха каменных куниц.

Прошло несколько недель, и Якуб рискнул отправиться на базар в Янги-Гиссар, где стал тратить деньги убитого на покупки. Вскоре после того супруги присутствовали на одной киргизской свадьбе, и гости обратили внимание на дорогой наряд жены Якуба. Такое неожиданное обогащение возбудило всеобщее подозрение, и в результате, когда разнеслась весть об исчезновении индийского торговца, на Якуба пало подозрение в его убийстве. Якуб долго заперся перед допрашивавшим его беком, но не сумел дать удовлетворительных объяснений относительно своего неожиданного обогащения и в конце концов сознался. Какими средствами бек и подчиненные его добились признания, неизвестно, во всяком случае оно было необходимо, так как по старинному китайскому праву, действующему в Синь-Цзяне, никто не может быть осужден за преступление, несмотря ни на какую тяжесть улик против него, пока не сознается.

Китайский судья, разбиравший совместно со мной дело, признал Якуба виновным в убийстве и присудил его к смертной казни. Шесть недель спустя по утверждению приговора генерал-губернатором в Урумчи, Якуб был казнен через повешение в присутствии британского аксакала в Янги-Гиссаре.

По окончании судебного разбирательства мы продолжали пре-

Киргизский висячий мост на юге Синь-Цзяна.

рванный путь. Ближайшей нашею целью был Алтынлык у выхода из Караташской долины. В шести километрах выше мы проехали в полдень реку Караташ, когда вода в ней стала спадать, причем три рукава реки из семи оказались столь глубокими и вода в них текла столь стремительно, что наши животные могли переправиться через них лишь при помощи жителей ближней деревни.

Дорога по Караташскому ущелью дальше к югу оказалась размытой, и только благодаря помощи случайно попавшегося нам навстречу киргиза мы могли обходным путем западнее перебраться со своими животными через указанный им перевал, потом снова выше Самана вернуться к ущелью, и у Хантерека свернуть в Чопканскую долину. Попадавшиеся нам тут киргизы встречали нас очень приветливо, угощая гостеприимно чаем, хлебными лепешками и особым кушаньем, называемым умач (род супа из молока, ячменной муки и воды с добавлением небольшого количества мяса). Предлагались нам даже яйца, что представляло большую редкость,

так как киргизы здесь кур не разводят, и мы поэтому даже везли с собой двух несущихся кур.

Достигнув Каин-Джилга («Счастливой долины», как мы ее прозвали), мы разбили свои палатки на том самом месте, где останавливались в октябре прошлого года. В смысле удобства стоянка не оставляла желать ничего лучшего: топлива, травы для скота и воды было вволю. В этом месте среди леса, ледников, горных лугов, покрытых яркими альпийскими цветами, представленными сотнями видов, мы провели три недели, предпринимая частые прогулки в боковые долины и в горы. Я не оставил своего плана сделать фотографические снимки восточных склонов Кунгурского хребта и с этой целью неоднократно делал восхождения на горы, причем мне остались памятли два трудных подъема: один — до высоты 4 650 метров, а другой — до высоты 4 850 метров над уровнем моря, на вершину Зумуратского хребта, причем на сей раз мне удалось увидеть и заснять недосыгаемую Шевакту с ее четырьмя пиками высотой более 6 000 метров каждый, из-за которых выглядывала одна из вершин Кунгурского хребта высотой в 7 500 метров.

Некоторой помехой для прогулок были дожди, обычно выпадавшие к вечеру или ночью, но по утрам почти всегда было ясно. К концу нашего пребывания погода стала совсем хорошей.

ГЛАВА XI

Население «Счастливой долины»

Население долины Каин-Джилга составляют кочующие киргизы, которые, в зависимости от состояния пастбищ и времени года, перебираются с своими стадами и кибитками с места на место. Правда, во время своих кочевок им не приходится покрывать больших расстояний, как степным киргизам. Их джейляу, или летние пастбища, расположены у подножия ледников на высоте 3 250—3 600 метров от уровня моря. В апреле и мае, а также в октябре и ноябре, кочевья их находятся там, где мы первый раз застали их: на высоте 2 700—2 850 метров в самой широкой части долины. Зимнее их становище, или кишлак, расположено у выхода из долины при слиянии реки Каин с Караташем, т. е. на высоте 2 100 метров. Таким образом все расстояние, которое им приходится проходить во время кочевок, не превышает пятнадцати километров, а соседи их в смежных долинах проходят от зимних до летних становищ или обратно еще меньшее расстояние, — километров до восьми, не больше.

В административном отношении район этот входит в состав Караташского уезда, подчиненного янгигиссарскому амбаню, который взимает налоги через посредство караташского бека, несущего ответственность за исправное поступление налогов и поддержание порядка и законности. Бек в свою очередь распоряжается через посредство онбаши, или десятников, а сам лишь раз-два в год объезжает свой район. Всех хозяйств в районе насчитывается не более двухсот пятидесяти. Бек берет себе с каждого хозяйства по овце, так как не получает от казны никакого жалования.

Киргизы долины Каин-Джилга возделывают только ячмень и хлеба едят мало. Основной продукт их питания составляют молоко и молочные продукты: катык, или кислое молоко, и крут — род

сыра. Крут готовится путем створаживания сливок в козых шкурах, которые подвешиваются на высоте двух-трех метров от земли. Отправляясь куда-либо, киргиз берет с собой несколько кусков крута и дополняет еду диким ревенем и сельдереем, которые он рвет по дороге в известных ему местах. Хлеб печется в форме тяжелых ковриг (закваской служит кислое молоко). Бедные семьи редко употребляют его в пищу, может быть, к пользе для своего желудка. Иногда охотнику случается убить горного барана из своего кремневого ружья, тогда для всей общины наступает большой праздник.

Необходимые предметы домашнего обихода, в роде сапог, материи на платья, ножей и т. д., которые можно купить только на рынке, киргизы этого района приобретают в Янги-Гиссаре или покупают у бродячих торговцев, раз-два в год заглядывающих в долины. Деньги на покупку этих товаров идут из выручки от продажи излишков продуктов собственного хозяйства, в роде живого скота, веревок и ковров из верблюжьей шерсти или волоса яка, сыра, лисьих мехов и рогов горных баранов (рога входят в состав товаров, употребляемых в китайской медицине). Количество скота у семи семей киргизов, населяющих долину, составляет двадцать пять яков, десять лошадей, тридцать голов обыкновенного скота и полдюжины верблюдов. Число коз и овец в долине колебалось в пределах трех-четырёх тысяч.

Временное летнее жилье киргизов в долине представляет укрытие из ветвей, шалаш, устроенный под деревьями или под выступом скалы. Кибитки киргизов по размерам и прочности различаются между собою в зависимости от местности. На Китайских Памирах они просторней, на Тянь-Шане, к северовостоку от Кашгара, они меньше, но прочнее. Покрытые войлоком, они пропускают влагу и ветер; тем не менее жители в силу привычки держатся за них, отказываясь от каменных построек, в каких живут киргизы Кзыл-Тага. Посреди такой кибитки находится очаг, в котором почти всегда горит огонь, причем дым выходит в отверстие в середине крыши, прикрываемое во время дождя. Топливо, притом древесное, в долине всегда имеется в изобилии. Держатся кибитки очень прочно, хотя иногда для большей прочности деревянный остов кибитки веревками прикрепляется к тяжелому камню внутри кибитки.

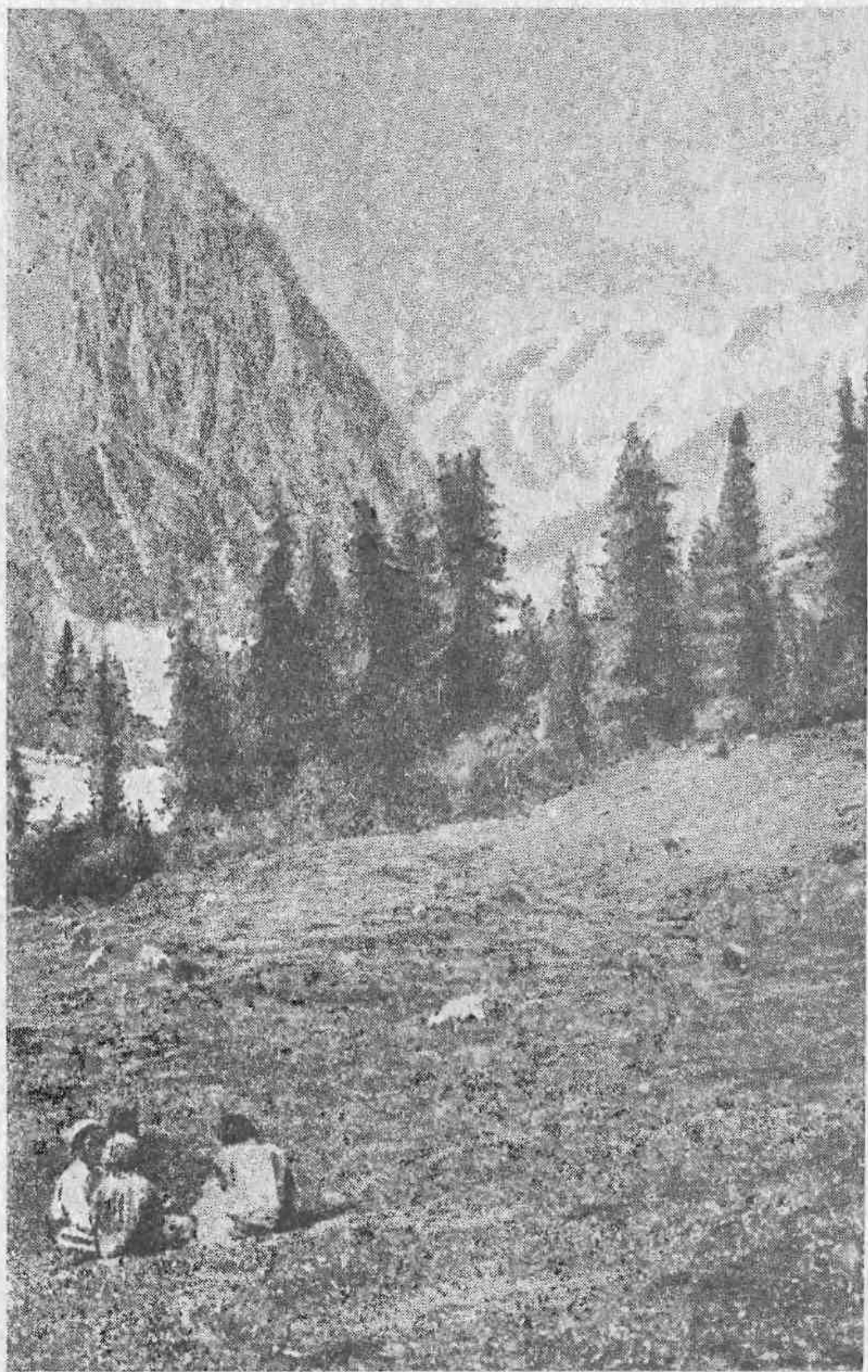
Установка кибитки производится всегда женщинами, которые выполняют эту работу очень быстро. Я сам видел, как две девушки в полчаса поставили довольно большую кибитку. Кибитку средних размеров можно перевезти на трех верблюдах или яках.

На короткие расстояния кибитку переносят в целом виде человек десять сильных мужчин, которые по данному сигналу сразу поднимают ее и устанавливают на указанное место.

Внутри кибитки посредине помещается очаг и над ним котел для варки пищи. Далее, в глубине, в особом отделении, закрытом камышевой циновкой, хранятся в деревянной посуде молочные продукты. В другом отделении содержатся молодые ягнята, привязанные почти вплотную к длинной веревке, протянутой по стенке. В дождливую погоду молодые ягнята большую часть времени находятся в кибитке. По стенке на крюках внутри кибитки висят разные предметы домашнего обихода: кожаные переметные сумы, решета, шапки с меховой оторочкой, большие круглые мотки шерсти, кожаные мешки с творогом, топоры, чапаны, или стеганные халаты, и т. д. Иногда тут можно еще увидеть дутар (род гитары из выдолбленной тыквы с длинным грифом) и старое кремневое ружье. До четверти всего места по стенкам занимает груда скатных войлочных кошм и ковров с подушками, по количеству которых определяется зажиточность хозяина.

По отзывам некоторых наблюдателей, киргизы на Китайских Памирах вымирают. Про кунгурских киргизов этого сказать было бы нельзя. Я заметил, что в редких семьях было менее двух детей, были даже семьи, имевшие от четырех до восьми детей. Детская смертность огромная, но население, хотя медленно, возрастает. Несмотря на полное отрицание правил всякой гигиены и разумного питания, киргизы — народ весьма здоровый. Это без сомнения объясняется их постоянным пребыванием на открытом воздухе. Главные болезни среди них, насколько заметила моя жена, оказывавшая женщинам лечебную помощь, это — кожные и желудочные всякого рода. У некоторых киргизов лица носят следы оспы. Любопытно, что смертность среди кзылтагских киргизов, перешедших от кибиток к каменным домам, значительно выше, и они, повидимому, обречены на вымирание. Хотя киргизы никогда не моются, свои кибитки они содержат в большой чистоте, постоянно подметают, и насекомые в них обычно отсутствуют.

Киргизские женщины держатся смело, непринужденно и уверенно, представляя в этом отношении полный контраст с жительницами городов. Они более домовиты и практичны, чем последние, и имеют меньшую страсть к ненужным нарядам. Трудолюбие и выносливость их поразительны. Помимо внутренней домашней работы, на них лежит доение яков, коров, овец и коз. Они ткут и прядут, вяжут веревки, устанавливают кибитки и выполняют многие другие работы. Мужчины в сравнении с ними

Лето в Каин-Баши.

представляются более наклонными к лени, они нередко предпочитают играть на дутаре целый день до вечера, а по утрам валяться долго в постели. Тем не менее им тоже приходится нести разные работы, сельскохозяйственные и иные, в роде наблюдения за целостью стад, что является нелегким делом, если представить себе, что стадо нередко состоит из трех десятков яков и двух сотен овец, которые бродят по крутому скату горы километра в два длиной.

Из диких животных в горах, окружающих долину, попадает рысь, правда, весьма редко, каменные бараны, иногда встречающиеся целыми стадами, волки, красные лисицы, сурки, живущие до высоты 3600 метров, любопытный грызун размера морской свинки, попадающийся в лесу на высоте до 3300 метров, и каменная куница с рыжим мехом. Попадает весьма много зайцев. Одну небольшую ящерицу я нашел на морене (высота 4350 метров), а на высоте 4800 метров встретил на снегу паука. Птичий мир представлен довольно богато. Из птиц встречаются: черный орел, несколько видов соколов, ястреб, красноногая куропатка, тибетская курочка, ворон, длиннохвостая сорока, каменный голубь и многие другие птицы небольших размеров, свойственные Северной Европе.

Особенно поражает в долинах обилие разнообразных цветов в июне и июле, превращающих конечные морены ледников, болотца, лужи и поляны в подлинные сады. Я собрал и засушил тридцать семь видов разных цветов. Особенно поразил нас один цветок с приятным запахом, растущий среди камней на высоте 3900—4200 метров. В ботаническом саду в Кью в Англии доставленные нами образцы признали типичными представителями центральноазиатской флоры, а не гималайской, хотя от Гималаев до места нахождения их по прямой линии не было и трехсот километров. Шишконосные хвойные кунгурских гор тоже скорее принадлежат тянь-шаньской флоре, чем гималайской. Район этот представляет собой крайнюю границу распространения тянь-шаньской ели. Далее почти на 2000 километров к востоку по всей длине хребтов Куэн-Луня и Алтын-Тага не встречается ни одной ели. Затем начинаются уже леса Нань-Шаня, куда влага заносится ветрами Тихого океана.

Мы с женой решили устроить праздник для киргизов и приготовили для них угощение. Вместе с мужчинами явилось десятка два женщин, некоторые были с детьми. Мужчины в нашу честь устроили скачку с убитым козлом, так называемую байгу, заключающуюся в том, что один всадник брал на седло к себе только-

что зарезанного козла с отрезанной головой и быстро мчался с ним до определенной цели. Прочие всадники должны были нагнать его и, изловчившись, вырвать у него козла. Скачка продолжалась до тех пор, пока кто-нибудь не сумеет доскакать с козлом до цели. Женщины при этой игре не присутствовали.

Свадебные обычаи горных киргизов значительно отличаются от обычаев жителей равнин Кашгарии. Если у последних жены ценятся недорого, а развод стоит совсем дешево, то у горных киргизов жених должен платить отцу невесты выкуп — калым — от десяти и до тридцати яков или другим скотом в соответствующих размерах. Когда мальчик достигнет семилетнего возраста, происходит его помолвка с дочерью какого-нибудь другого киргиза, находящейся приблизительно в том же возрасте, причем устанавливается размер калыма и сроки его выплаты, что составляет предмет долгой торговли между родителями обоих детей. Когда отцу невесты уплачен будет первый взнос, он дает в подарок будущему жениху рубашку или халат в знак того, что помолвка заключена. Однако по взаимному согласию она может быть впоследствии расторгнута, причем часть калыма возвращается. По уплате всего калыма и по достижении помолвленными брачного возраста, который для невесты считается обычно лет в четырнадцать, а для жениха — пятнадцать-шестнадцать, происходит свадьба, причем однако на брачном пиру ни жених, ни невеста не присутствуют. Затем в течение времени от двух до пяти месяцев молодая живет с своими родителями, пока муж не устроит своей кибитки и не обставит ее всем необходимым. В течение этого времени он живет у своих родных, если они проживают близко, или в кибитке, предоставленной ему родителями жены, которую он может навещать раз в неделю или в десять дней, причем предполагается, что эти посещения остаются тайной для ее родственников. Молодой не должен также показываться в течение этого времени своему тестю, разве только придет к нему в дорожном снаряжении и с палкой в руке, как будто он был пришелец издалека. Если за этот испытательный срок окажется, что невеста была неверной, брак расторгается и по требованию отца новобрачного калым возвращается. В противном случае новобрачный, когда кибитка будет готова, берет жену к себе. Родные ее при этом оказывают притворное сопротивление — след старинного обычая похищения невест. Год спустя, не ранее, жена может дать мужу развод, вернув уплаченный за нее калым, т. е. совсем обратное тому, что происходит в равнинных областях, где развод может дать только муж.

Перед возвращением в равнину мы, по просьбе нашего случайного проводника в долине Каин киргиза Самсака, согласились посетить его становище в одной из смежных долин Япчан-Джилга, куда путь однако по крутой тропе оказался не из легких. 15 июля мы выступили, отослав значительную часть своего каравана в Хантерек в Караташской долине. В Япчанской долине мы из-за дождя задержались на сутки.

На пути отсюда в равнину мы, пройдя Аксайский перевал, неожиданно с высоты 2800 метров отчетливо увидели на расстоянии сорока километров горную группу Шевакту с ее иглоподобными пиками и подавляющий своей громадой массив Кунгура сзади на расстоянии пятнадцати километров высотой по крайней мере в 7000 метров.

К вечеру мы переправились благополучно через семь рукавов Караташа, и вообще дальнейший путь до Кашгара ни с какими трудностями связан не был.

ГЛАВА XII

Археология, искусство, легенды и суеверия

Иногда путешественников в Китайском Туркестане поражают светлая кожа и почти европейские черты лица некоторых туземцев. В этом нет ничего удивительного, так как по собранным учеными данным оказывается, что население бассейна реки Тарима еще сохранило в значительной степени черты альпийского типа. Впрочем в чистом виде тип этот встречается только в некоторых изолированных горных районах, например, среди таджиков Сарыкольской долины. Большая же часть населения, особенно в округах Кашгарском и Аксу, представляет смешанный тюрко-монгольский тип. Среди жителей оазисов по западной и южной границам пустыни Такла-Макан преобладает тот же самый тип, как в итальянских Альпах, на Кавказе или в могилах Лоулана, относящихся к III столетию, на восточной окраине Таримского бассейна.

Через Монголию, Чжунгарию и Китайский Туркестан прошли когда-то целые полчища кочевых народов: гуннов, турок и монголов, захватывавших на пути своем целые царства. Если завоеватели не осели в бассейне Тарима, то лишь из-за недостатка пастбищ, без которых эти пастушьи народы не могли существовать. Засушливость Кашгарии и изолированное положение области, огражденной высочайшими горными хребтами, содействовали тому, что с первых веков своего исторического существования и вплоть до последнего времени население Таримского бассейна удержало свои неприкосновенные черты.

Но и в другом отношении бассейн Тарима представляет много поучительного. Здесь, в этой области, встретились культуры Китая — с одной стороны, и Персии и Индии — с другой. Здесь, в оазисах, начиная со II века до нашей эры и вплоть до III столетия, процветала индо-скифская культура с примесью античной

Хотанский округ. Древняя статуэтка богини Сарасвати.

греческой, проникшей через Иран и северо-западную Индию. Через Таримский бассейн роскошные шелковые изделия Китая проникли в Римскую империю, а образцы греко-римского искусства дошли до западных границ Китая. Вдоль хотанской дороги проник в Китай и буддизм.

Многочисленные археологические раскопки, производившиеся в разных местах Китайского Туркестана и провинции Ганьсу, особенно в районе Хотана, подтверждают все сказанное. Сохранившиеся памятники древности, архитектурные и скульптурные, носят смешанные следы влияния культур греко-буддийской¹ и китайской. Страна изобилует памятниками древнего прошлого, и даже появилась своеобразная профессия — кладоискателей, которые не без успеха роются в раскаленных песках старинных могил по западной окраине пустыни Такла-Макан, сбывая затем найденные драгоценности на базарах. Мне все же удалось приобрести у местных жителей и собрать коллекцию древних вещей, состоящую из рукописей, печатей, кусков цветных фресок с хорошо сохранившейся живописью и т. д., и пожертвовать Британскому музею в Лондоне.

Если обратиться к настоящему времени, то придется сказать, что в Китайском Туркестане искусство и ремесло стоят на более низком уровне, чем прежде или в других странах мусульманского востока, как, например, в Персии и Турции. В этих странах, более живо и тесно связанных с западноевропейским рынком, возрастающий спрос на художественно-ремесленные изделия не только удержал ремесло от падения, но даже содействовал росту и подъему его в количественном и качественном отношении; достаточно только указать на цветущую ковровую промышленность Турции и Персии. Таких благоприятных условий в Китайском Туркестане не было, и вследствие отдаленности страны от международных рынков и слабого спроса ремесло заметно захирело. Еще в середине прошлого столетия на базарах Яркенда, Кашгара и Хотана можно было найти высокохудожественные образцы изделий в роде прекрасных старинных ковров, различных металлических изделий с украшениями и вышивок. Современные образцы, наоборот, свидетельствуют о низком уровне вкусов. Когда-то цветущая ковровая промышленность хотанского района — наглядный тому пример. Не только вышли из употребления прежние великолепные растительные краски, которые были заменены более дешевыми заграничными анилиновыми, но даже в рисунках замечается ухудше-

¹ Так называемой Гандхарской.

ние и слепое подражание плохим китайским образцам. В рисунках вышивок по шелку обнаруживается также дурное влияние китайского стиля. Существуют еще ручные вышивки золотом и серебром по бархату, но спрос на них небольшой, и материалы привозятся из-за границы: нитки — из Индии, а бархат — из Советского Туркестана. Любопытно, что на вышивках VII—VIII столетий, как и XIX, можно проследить смешанное персидско-китайское влияние.

Но не только коврами и вышивками славился прежде Хотан. Медные хотанские изделия в виде разнообразных предметов домашнего обихода также отличаются высоким качеством, особенно в отношении орнамента. Искусство это тоже приходится считать потерянным.

Каллиграфическое искусство зато в Китайском Туркестане не получило никакого развития.

Как и следовало ожидать, благодаря своему изолированному положению и средневековым условиям существования в редкой стране сохранилось столько поверий, легенд, суеверных обычаев, сколько в Китайском Туркестане. Многие из них ведут свое происхождение от эпохи, предшествующей исламу и даже буддизму. Другие легенды представляют какую-то смесь буддийских и мусульманских верований.

Некоторые предания записаны в священных книгах, хранящихся в разных святилищах. В купленной мною копии одной из таких книг содержится рассказ о четырех имамах, последних из числа двенадцати потомков Али, которые, согласно местной легенде, в IX и X столетии пришли из Аравии в Кашгарию, чтобы утвердить ислам, и пали в боях за веру. В книге описано, как имамы собрали и послали огромную армию в Кашгарию, где население обнаружило склонность вернуться снова к язычеству. Несметной ратью обрушились они на страну, и жители Кашгара, Яркенда и других городов поспешили принять ислам. Но в Хотане местные правители готовили сопротивление. В происшедшей битве один из имамов был убит. Могучий волшебник сделал Хотан невидимым, и армия имамов простояла безрезультатно на одном месте сорок лет. Только тогда, когда правители удалились в горы, чтобы построить там крепкий новый город, Хотан был взят, и жители его обращены в мусульманство. Битва под Новым городом кончилась для имамов неудачей. Два неприятельских воина из племени Уджат, приняв вид собак, тайно прокрались в лагерь имамов, перегрызли всю конскую упряжь и снаряжение солдат, и на следующий день войско имамов было разбито, а сами они погибли в бою. Имамы были торжественно похоронены, а на виновников их гибели легло проклятие. Дети

Пустыня Такла-Макан. Древняя маска из развалин засыпанного города.

мужского пола у них должны были рождагься четвероногими и с хвостами. Потомство могло избавиться от этого проклятия при условии выдачи замуж своих дочерей за шейхов, хранителей могилы убитых имамов.

Легенда эта явно составлена в XI—XIV столетии и представляет не что иное, как обработку и приспособление муллами сказаний домусульманского периода к местным обычаям почитания гробниц умерших предков.

Обращение населения Китайского Туркестана в мусульманство происходило очень медленно. В X столетии официальной религией страны был буддизм, оплотом и твердыней которого являлся Хотан. Но это был скорее испорченный буддизм, а подлинной религией народа было манихейство. Язычество вымирало медленно, в бассейне Тарима оно не исчезло и по сей час. Обращение страны в ислам начали так называемые имамы, при монголах наблюдалось возвращение к язычеству и только с XIV века ислам сделался религией страны.

Укрепляя свои позиции, духовные представители ислама ловко использовали сказания о языческих героях, переделав их на свой лад, где под видом языческих героев представлены уже мусульманские святые.

Как на пример такой переделки, можно указать на легенду о священных крысах, о которых упоминает один китайский путешественник VII столетия. Хотан подвергся нападению гуннов, и царь Хотан был в отчаянии. Ночью во сне ему явился царь крыс и предложил свою помощь. Царь Хотана принял это предложение, и на следующую ночь полчища крыс наводнили лагерь гуннов. Крысы перегрызли все тетивы у луков и пожрали ремни конской упряжи. В результате гунны лишились возможности защищаться и были разбиты. С тех пор крысы в районе Хотана стали считаться священными, и паломники заботятся об их прокормлении.

Нетрудно видеть, что эта легенда послужила первоисточником для составления вышеприведенной мусульманской легенды о людях племени Уджат, превратившихся в собак, чтобы проникнуть в мусульманский лагерь.

Кашгарцы — большие почитатели местных святых. Многочисленные могилы святых (мазары) раскинуты по всей стране. Некоторые из этих могил украшены каменными плитами или глинобитными памятниками-мавзолеями. Вокруг других, особенно в Хотанском районе, наблюдаются воткнутые в землю длинные щесты с привязанными к ним хвостами яков или лошадей. Повидимому, это — след бывших похоронных обычаев, когда при погребении покойника приноси-

лись в жертву животные, а шкуры и хвосты развешивались возле могилы.

Предметом почитания служат не только могилы имамов, но и других местных святых и героев. Такое поклонение святым по существу не что иное, как пережиток древнего обычая почитания умерших предков, на что указывают даже самые названия некоторых мазаров. Так, есть мазар «Бу анам» («наша прародительница») или мазар «Султан бувам» («наш царственный предок») и т. д.

В суеверном представлении населения, святые в состоянии исцелять всякие болезни и могут по молитве посылать детей бездетным. Не удивительно поэтому, что мазары служат предметом широкого паломничества со стороны населения, особенно женщин. С целью большего привлечения последних муллы озаботились устройством мазаров в честь женщин, прославившихся своей благочестивой жизнью, сочинив при этом подходящие жития их, изобилующие всякими легендарными вымыслами о совершенных ими чудесах.

Сохранились в Китайском Туркестане и древние языческие обычаи в роде празднования нового года в марте, как у последователей религии Зороастра в древней Персии¹. В Яркенде, в Старом (туземном) городке происходит большая ярмарка, которая длится три-четыре недели. Во время ярмарки устраиваются народные игры и гулянья. Это несомненно — отражение праздника персидского нового года, и муллы не перестают настаивать перед китайскими властями о запрещении ярмарки. Однако они встречают противодействие со стороны многих заинтересованных лиц, в первую очередь ярмарочных торговцев и бродячих артистов разного рода, фокусников, рассказчиков и других, собирающих обильную денежную жатву во время ярмарки. С своей стороны, эти также подают амбану прошения об оставлении ярмарки с приложением соответствующей мзды и поддержку себе находят со стороны полиции, заинтересованной материально в существовании ярмарки. По этим причинам агитация мулл пока никакого успеха не имела.

Есть ряд других праздников языческого происхождения, празднуемых в различные времена года и явно несоответствующих мусульманскому календарю. Чтобы не упустить и здесь своих выгод, муллы постарались, чтобы празднование их происходило в местах расположения находящихся в их ведении мазаров.

Борьба мулл с остатками язычества и суевериями оказалась очень трудной. Кашгарцы — плохие мусульмане. Из полагающихся пяти ежедневных молитв кашгарец прочитывает только одну-две, стро-

¹ Обычай, общий всем мусульманским странам.

гий пост рамазан он тайком нарушает и постится только на людях. По этому поводу китайцами сложена поговорка: один мусульманин — не мусульманин, двое мусульман — полмусульманина, трое — целый мусульманин. Из всех религиозных обрядностей для кашгарца-мусульманина, любителя хорошо покушать, самой тяжелой является необходимость строгого соблюдения поста рамазана, во время которого запрещается есть днем. Муллы не перестают призывать все грома небесные на головы нарушителей этого правила. Существует даже шутовское четверостишие, относящееся к этому посту, которое в переводе гласит: «Я пощусь в рамазан, чтобы спасти душу; бодрствую по ночам, чтобы набить желудок. Я боюсь сказать: не стану поститься, так как иначе меня ждет наказание в аду».

Сохранился и обычай жертвоприношений животных в Китайском Туркестане во время религиозных праздников. Приносится в жертву баран, обычно в богатых домах. Шкура барана идет имаму, голова и ноги — муэдзину, шея и голые — мяснику, небольшая часть туши раздается нищим.

Наклонность населения к суеверию содействует появлению многочисленных знахарей-шарлатанов. В Яркенде, например, в 1924 году насчитывалось до тридцати таких знахарей, собиравших обильную мзду со своих легковерных клиентов, особенно женщин. Яркендский медицинский совет вычислил, что ежегодный заработок этих знахарей составляет сумму в 175 тысяч местных таэлей или около 230 тысяч рублей, тогда как «настоящие» врачи зарабатывают не более 4 тысяч рублей; впрочем в искусстве врачевания сами «врачи» не далеко ушли от знахарей.

Плата, которую эти знахари взимают за визит, колеблется в пределах от теньги (8 коп.) до 20 таэлей (25 руб. 60 коп.) или более.

Лечение заключается в изгнании бесов, которыми одержим больной.

Начинается лечение с того, что больного берут с постели и усаживают на полу спиной к канату, протянутому с середины потолка до пола. Помощники знахаря ударяют непрерывно в бубен и при этом поют, а сам знахарь пляшет вокруг сидящего, держа зарезанного петуха и прикладывая его к лицу больного. Иногда у петуха вынимаются легкие и прикладываются к спине, или знахарь начинает стегать больного прутом по спине, восклицая: «Кач!» («Прочь, вон!»). Заклинание начинается с призывания имени аллаха, а затем разных героев — Чингиз-хана и других. Зажигается огонь, бубен держится некоторое время над дымом и подносится к уху

больного. Потом больного выводят из дому и ведут к какой-нибудь заброшенной мельнице, пустующему дому или до перекрестка дорог, где больного сажают на землю и накрывают халатом. Вокруг него знахарь обводит круг, по этой черте втыкают несколько палок с просмоленной ватой на верхних концах, которая затем зажигается. Знахарь начинает бегать вокруг больного, ударяя его прутом или живым петухом по больному месту, где сидят духи, и повторяет заклинание, как в доме.

Этим и заканчивается врачевание.

Все это весьма напоминает церемонии сибирских шаманов, когда они берутся за лечение.

К содействию знахарей принято обращаться не только во время болезни, но и в других затруднительных случаях: надо ли избавиться от вредных последствий дурного глаза, добиться чьего-либо расположения или, наоборот, поссорить кого с кем-либо.

Известно несколько способов ускорить чью-либо смерть. Так, если жена хочет извести своего мужа, она семь раз подряд по средам должна мыть свою голову. Муж, желающий избавиться навсегда от жены, должен расчесывать бороду двумя гребнями.

Большое значение суеверными туземцами придается туфлям¹, которые надеваются на башмаки при выходе наружу и снимаются при входе в дом. В представлении туземца туфли составляют как бы часть тела самого носителя их и в зависимости от того, что с ними сделают, когда они находятся у дверей, перевернут или передвинут, владельца их ожидает та или иная участь. Например, если поднять их с пола и бросить как попало, владельца туфель неминуемо постигнет смерть. Считается также, что смерть кого-либо неблагоприятным образом отзывается на здоровье его близких родственников.

Существует вера и в злых духов; наибольший вред приносят духи умерших китайцев. Чтобы оборониться от них, надо ночью за порог двери положить монету. Если она на утро исчезнет, это будет означать, что она взята духами.

У жителей Кашгара и окрестностей существует какой-то особенный страх перед змеями, хотя последние не ядовиты. Существует поверье, что если будет убита змея-самка, то самец будет везде преследовать убийцу.

Пустыня Такла-Макан также с древнейших времен является неиссякаемым источником суеверий и легенд всякого рода. Население,

¹ Речь идет о кожаных калошах, носимых мусульманами поверх обуви.

живущее по ее окраине, считает, что под песками ее похоронены большие богатые города, посещаемые демонами и духами их прежних обитателей. Их особенно боятся кладоискатели, год за годом отправляющиеся на поиски скрытых в пустыне сокровищ и нередко при этом гибнущие. Пески в пустыне таят в себе много засыпанных городов. Народные легенды склонны приписать гибель их божеской каре за грехи их жителей, которые не вняли обличительным речам праведников, посланных им свыше. Это напоминает библейскую историю о гибели Содома и Гоморры. Современные исследователи находят однако, что ни один из засыпанных городов не погиб в результате внезапной катастрофы, и склонны объяснять причины оставления их жителями или недостатком воды, или изменением русла некоторых рек, или наконец политическими причинами.

Недостаток воды в реках, вероятно, в значительной степени вызывается уменьшением размера горных ледников, которые дают рекам главный приток воды. Еще шестнадцать столетий тому назад незначительная маленькая речка Ния текла на тридцать километров дальше в направлении пустыни, чем в настоящее время. Большое озеро Лоб-Нор поверхностью в 1 800 квадратных километров, питаемое рекой Таримом, как видно по старинным картам, постоянно меняет свое местоположение, передвигаясь постепенно с севера к югу километров на сто и потом обратно. В настоящее время оно скорее напоминает заросшее болото, а в III столетии нашей эры оно покрывало поверхность в 14 400 квадратных километров. На берегу его находится большой город, развалины которого обнаружены несколько лет тому назад. Возможно, что вместо нынешней пустыни тогда существовала цветущая страна, свидетельством чему — сохранившиеся молчаливые развалины городов.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

Историческое прошлое Синь-Цзяна полно глубочайшего интереса. Народные предания сохранили память о такой седой старине, которая упирается в периоды грандиозных катаклизмов, изменивших лицо земли. В целом ряде легенд говорится о полноводных реках, бравших начало в горах, затянутых ледниками и оживлявших огромные, теперь безводные районы пустыни Такла-Макан. Указывают на существование моря на месте теперешнего озера Лоб-Нор. В свое время у геологов были большие споры по поводу этой гипотезы, но безусловно одно: около двадцати тысяч лет тому назад, когда на месте современных пустынь простирались цветущие лесистые равнины, прорезанные водными артериями, Лоб-Нор был не меньше Аральского моря.

Девять крупных рек на протяжении от Черчена до Гумы, не считая двух десятков менее значительных рек, доносили свои воды до Тарима, вливающегося в Лсб-Нор. В пустыне вдоль высохших теперь русел находятся развалины городов, в которых жизнь была ключом еще полторы тысячи лет тому назад. Потом пески начали наступление на культурные земли, оазисы сжимались кольцом сыпучих барханов, и постепенное обезводнение страны оттеснило людские поселения к предгорьям, с которых стекали реки и потоки, бравшие начало в могучих глетчерах.

ГЛАВА XIII

Обычаи, музыка, поэзия и фольклор

Семейная жизнь в Китайском Туркестане имеет свои характерные особенности. Ознакомиться с ней ближе я имел возможность, разбирая по роду своей службы гражданские дела, касавшиеся различных вопросов семейного права, вроде дел о разводах, наследственных, брачных и т. д., когда одной из сторон выступали британские подданные. Решения по этим делам выносились в соответствии с местными законами и обычаями. Помимо того много интересных сведений относительно семейной жизни туземцев сообщил мне знакомый житель города Яркенда Мурад Кары.

Благодаря невежеству и дурным гигиеническим условиям детская смертность в Китайском Туркестане весьма высока, хотя, вероятно, и ниже, чем в Индии. Матери уже с двухмесячного возраста начинают пичкать своих грудных детей всякой пищей, делая это для «укрепления желудка». В этом отношении они берут пример с китайянок. Среди средних и низших классов предпочтение отдается девочкам, в надежде, что они привлекут в семью богатого жениха, тогда как мальчик, женившись после пятнадцати-шестнадцати лет, ничего не дает родным и заводит свое собственное хозяйство.

Спустя лет семь по рождении ребенка приглашается мулла, который в присутствии собравшихся гостей нарекает ему имя, читая при этом подходящие стихи из корана, и получает установленную мзду.

Ученье для детей в мектебе (школа при мечети) начинается с четырех-пяти лет и продолжается до семи, если родители бедны, и до девяти — если имеют некоторый достаток. Дети богатых родителей учатся до тринадцати лет. Кроме мектебов, имеются медресе — школы повышенного типа, весьма редкие, так что посещает их едва пять процентов мальчиков в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет. Десятка два лет тому назад, как правило,

письму в школах не обучали. Письма диктовались изустно особым профессионалам, так называемым гафизам (запоминателям), которые, как почтовые курьеры, переезжали из одного города в другой, аккуратно передавая поручения. Даже и теперь едва ли в одном мектебе из десяти учат письму. Обычно дети в школе должны выучить наизусть несколько глав корана вместе с правилами молитв и поста. Дети старшего возраста в некоторых школах учатся немного по-персидски и читают тюркские книги. Плата за ученье, вносимая учителю, невысока. Отапливание школы происходит за счет учащихся. Метод преподавания состоит в том, что учитель заставляет учеников хором заучивать наизусть урок, пока они его не запомнят. Чем шумнее в школе, тем выше репутация учителя.

Брачные обычаи кашгарцев, жителей равнин, значительно отличаются от обычаев горных киргизов. За женщину не платится никакого калыма. Свадьба для мужчины обходится дешево, а развод — того дешевле. Среди сельских жителей преобладает единоженство. Горожане зато имеют очень часто двух жен и более, которых содержат в разных кварталах или даже по разным городам. Гаремная система содержания жен не практикуется. Девочки вступают в брак двенадцати-четырнадцати лет, мальчики — пятнадцати-шестнадцати. Вопрос о браке решается родителями, желания молодых людей в расчет не принимаются. Матери стремятся как можно раньше выдать своих дочерей замуж. Незамужняя девочка четырнадцати лет становится предметом насмешек своих подруг. Жениху видеть до брака свою невесту разрешается.

На свадебное пиршество родители невесты созывают родных и знакомых, а также духовенство. Перед женихом и невестой ставят столик с хлебом и чашей соленой воды. Мулла спрашивает брачующихся о согласии вступить в брак, читает установленную молитву, отламывает от хлеба два куска и, обмакнув их в чашу, подает жениху и невесте, которые должны их тут же съесть. Этим обряд бракосочетания заканчивается. Нищим раздаются деньги и угощение. Мулла также получает причитающуюся долю.

Приданое невесты составляют платья, украшения, разная домашняя утварь. Жених получает в подарок верхнее платье и пару сапог. Расходы на свадьбу, которые несут почти исключительно родственники невесты, колеблются в пределах от 40 до 65 рублей у бедных, повышаясь до 2 600 рублей у богатых. Жених иногда принимает на себя обязательство выплатить жене известную сумму денег в пределах от 50 до 1 000 таэлей (65—1 300 рублей). Сумму эту жена может потребовать в любое время до самой смерти,

но обычно она теряет при разводе это право, даже иногда сама отказывается от этой льготы.

Свадебная процессия от дома родителей невесты движется к дому жениха обычно с музыкой, сопровождаемая толпой гостей. Невеста едет впереди на лошади или осле, реже идет пешком. Прибыв к своему новому дому, новобрачная не переходит через порог, а ждет, пока муж или близкие родственники не перенесут ее. Обычай требует также, чтобы мать невесты, как и сама молодая, громко плакала и причитала во время брачной церемонии.

Спустя несколько дней после свадьбы, если все прошло благополучно, семья невесты созывает гостей, отдельно женщин и мужчин, приглашая их в разные дни.

Моя жена, имевшая возможность присутствовать на одном приеме, устроенном специально для женщин, так описывает эту церемонию.

Сбор гостей начался с девяти с половиной часов утра. Все женщины явились в лучших костюмах и располагались по прибытии на полу, поджав под себя ноги. Были также приглашены женщины-музыканты.

На одном конце комнаты были поставлены два стула: для моей жены и молодой. Вскоре появилась девочка лет пятнадцати, тоже недавно вышедшая замуж, одна из родственниц молодой. Все женщины встали. Она поочередно обошла всех и перецеловалась со всеми, здороваясь при этом за руку. Вошло еще несколько запоздавших гостей, которые сняли с себя головные уборы и чадры. Хозяйка дома предложила им надеть более легкие домашние головные уборы, которые и подала, но те вежливо отказались под предлогом, что захватили свои собственные. Затем присутствующим был предложен чай, после чего начались танцы под музыку. Потом гостей угостили фруктами. Танцы возобновились снова. В половине двенадцатого в зал внесли специальное свадебное угощение, род пирожного в виде плотно сбитого с сахаром яичного белка, которым усердно занялись дети. Близкие родственницы хозяев дома тем временем из-за жары переоделись в более легкие платья.

После этого угощения гости по мусульманскому обычаю умыли руки и принялись за жареную баранину, к которой подали большие круглые хлебные лепешки. За бараниной опять последовали чай, фрукты и сладости. Когда гости снова вымыли руки, музыка и танцы возобновились.

Несколько пожилых женщин вышли из комнаты за молодой, которая появилась окруженная толпой родственниц и подруг. Одета

она была в затканное золотом платье и вся закутана в белую шелковую вуаль. Моей жене объяснили, что это было второе ее появление перед широкой публикой. Молодая подошла к креслу рядом с креслом моей жены и села. От волнения у нее прерывалось дыхание, руки ее были холодные. Все гости отступили. К молодой подошла маленькая девочка, лет четырех, и сдернула с нее вуаль. Это было как бы сигналом. Все женщины в зале громко заговорили и обступили молодую, которую принялись наперебой целовать. Когда эта часть церемонии закончилась, было уже четыре часа дня.

Что мою жену более всего поразило у женщин — это их необычайная вежливость по отношению друг к другу. Принимая чай или какое-нибудь кушанье от хозяйки, гостя ей непременно говорит: «Ашкалла» («Спасибо»). При всех встречах женщины всегда стараются сказать несколько приветливых слов одна другой.

По отзывам лиц, хорошо знающих местные условия, заключаемые в раннем возрасте браки в девяти случаях из десяти оказываются неудачными и скоро расторгаются. Для мужа не представляет никаких затруднений получить развод. Он идет к казы (судья), причем присутствие жены не является необходимым, и прикладывает свою печать к письменному показанию, удостоверяющему, что он разводится со своей женой. Это ему стоит 2 теньги (16 копеек), и дело кончено. В документ о разводе включаются разные условия и оговорка, объявляется ли развод пожизненно или может быть аннулирован.

Жена не может развестись с мужем без его согласия. Самое большее, что она может сделать, — это уйти от мужа и ждать, пока он даст развод. Через сто дней после того она может выйти замуж за другого. Иногда, чтобы получить развод, женщина идет на материальные жертвы, отказывается от своего права на получение от мужа определенной суммы, или алиментов, и даже сама платит ему отступное, оставляя в пользу его домашнюю обстановку, которую принесла с собой.

Легкость расторжения брака в зависимости от одностороннего желания мужа невыгодным образом отзывается на положении замужней женщины. Нередки случаи, когда мужья бросают своих жен на произвол судьбы вместе с детьми, без всякой материальной поддержки, вследствие чего матери стараются как-нибудь отделаться от своих детей и подкидывают их — чаще всего на ступени мечети, в расчете, что какой-нибудь добрый мусульманин подберет и воспитает их.

В сельских местностях, где брак сохранил еще свои устой-

чивые формы, положение замужней женщины не столь шаткое, как в городе. С другой стороны, следует заметить, что и в городах женщины в Китайском Туркестане в сравнении с другими мусульманскими странами пользуются большей свободой. Чадрю постоянно носят только жены богатых, но и они не лишены возможности выходить из дому, если вздумается отправиться в гости. Женщины средних и бедных классов имеют даже в своем распоряжении ослов для поездок, на которых разъезжают свободно по базару, делая необходимые закупки. Хотя по корану женщина занимает приниженное положение, но в действительности муж редко предпринимает что-либо, не посоветовавшись предварительно со своей женой. Иногда замужние женщины единолично выполняют все расходы по хозяйству. При ленивом, несколько вялом характере рядового кашгарца случается, что бойкая, решительная жена забирает полную власть в доме и пользуется неограниченным влиянием на своего супруга.

В последнее время стало обычным явлением, что замужняя женщина, знающая какую-нибудь профессию или ремесло, вроде кройки, вышиванья, пряденья и т. д., зарабатывает своим трудом средства к существованию. На улице женщины надевают чумбал, плотную четырехугольной формы вуаль, которую они однако откидывают на голову. Только если мимо пройдет какой-нибудь мужчина, занимающий ответственный пост — китайский чиновник, аксакак или генеральный консул, они быстро спускают на короткий срок свой чумбал.

С растущим уважением и вниманием к женщине начинают относиться лишь тогда, когда она достигнет лет тридцати или более. Она тогда получает наименование «джаван» и приобретает привилегию носить волосы заплетенные в две длинные косы, спускающиеся на грудь. Муж по этому поводу устраивает праздник, на который приглашаются близкие обоего пола, разумеется врозь. Взрослую женщину мужчина охотнее предпочитает иметь в качестве жены, чем жену-девочку, которая ничего не умеет делать и в любой момент готова вернуться к своим родным.

Выдать дочь замуж за неверного, китайца или индуса, считается столь предосудительным, как выгнать ее вон из дому на улицу, и только бедняки решаются на этот шаг. Туземное население смотрит на таких женщин как на отступниц, муллы подвергают их отлучению. В материальном отношении подобные браки представляют несомненную выгоду для женщин, так как мужья-иноверцы обычно более богаты, чем туземные. В особенно выгодном положении находятся жены индусов. Мужья их не имеют никакой

юридической власти над ними. Если жена уйдет от мужа, мулла не ударит палец о палец, чтобы похлопотать в его пользу, и ему придется опять раскошелиться, если он вздумает жениться на другой. В случае смерти мужа-иноверца жена обычно получает все имущество или, по крайней мере, часть его.

Нередко бывает, что жена иноверца перед смертью «раскаивается» и ценой щедрых денежных пожертвований в пользу мечети и подачек муллам получает право на погребение по мусульманскому обряду. Относительно принадлежности родителям детей от таких смешанных браков иногда возникают судебные споры. Утвердился однако обычай признавать за отцами-индусами или их родственниками право требовать себе сыновей.

Погребальные обычаи жителей также имеют свои особенности. Похороны и поминки обходятся очень дорого. В день смерти нищим раздается денежная милостыня и дается по куску мыла. Хоронят бедных обыкновенно на другой день после смерти, богатых — днем позже. На третий день после смерти приглашаются жители всего квартала, богатые и бедные, на поминальный обед. Потребляется не только значительное количество пищи, но приглашенным, помимо того, раздаются костюмы. Обычай этот скорее китайского происхождения. На седьмой день опять устраиваются поминки, на которые приглашаются однако только друзья и родственники. Присутствующие являются в траурных черных костюмах с белым поясом (след китайского влияния). В общем похороны обходятся от тридцати до пятисот таэлей, смотря по достатку родственников покойного. Только незначительная часть расходов возмещается им подарками со стороны друзей и близких. Обычай еще требует, чтобы родственники оплакивали покойного и причитали над ним вслух. Некоторые из этих причитаний носят поэтический характер.

В общем, поскольку дело касается народных обычаев, народной поэзии и творчества, наблюдается значительное разнообразие, в зависимости от того, какой из четырех или пяти главных оазисов Таримского бассейна составляет предмет нашего наблюдения. Можно сказать однако, что Кашгар наименее сохранил следы средневековья и является наиболее мусульманским городом в сравнении с другими. В культурном отношении на нем сказались влияние Коканда, Бухары и Хивы, этих твердынь ислама. Чувствуются слабые следы и русского культурного влияния — вследствие близости к русской границе Аксу, расположенный на пятьсот километров ближе к Урумчи и отделенный от советской территории такой преградой, как хребет Тянь-Шаня, является по

преимуществу уйгурским городом с явно выраженными чертами монгольского и китайского влияния. Кучар — на триста километров далее к востоку, также древний уйгурский город, имеющий свою собственную историю и свое искусство. Еще далее к востоку находится Карашар, главный центр области, населенной дунганами, китайцами по культуре и мусульманами по религии. Яркенд — место «встречи народов». На культуре его не отразились ни русское ни китайское влияние; разве только в слабой степени персидское и индийское, благодаря торговым связям с этими странами.

Крупный оазис Хотан, или Ильчи, во многих отношениях интереснее всех прочих, потому что он принадлежит к тому району Таримского бассейна, на котором наименее отразилось чье-либо постороннее влияние, не исключая и ислама. Он, вероятно, был центром языческого государства задолго до проникновения буддизма из Индии. Спустя тысячелетия он был центром индийско-скифской цивилизации, причем буддизм был его официальной религией. Долго и упорно Хотан боролся против ислама, и сейчас еще ислам здесь имеет более слабую почву, чем в Яркенде или в Кашгаре. Несомненно, в связи с этим Хотан в отношении искусства и ремесла занял руководящее место среди других оазисов. Работы хотанских ремесленников, ткачей, вышивальщиц и медников славятся своим высоким качеством и художественным вкусом. Пение и танцы в Хотане не являются монополией профессионалов, а распространены среди всех классов населения.

Коренные обитатели Китайского Туркестана — тюрки — музыкальная раса. Особенно много музыкантов профессионалов в Кашгаре, где музыка в большом спросе. Преобладающие инструменты: дутар — двухструнная гитара, персидский рабоб — род шестиструнной мандолины и доб¹, или бубен. Случайно можно услышать и зурну, или афганскую дудку. Певцы нередко импровизируют свои песни. Молодые люди и мальчики очень любят напевать на ходу, когда куда-либо идут. Слышанные мною мелодии, насколько я могу судить, очень выразительны и понятны европейскому слуху в сравнении хотя бы с индийскими или китайскими. Я собрал несколько образцов поэтического творчества туземцев, записал и перевел их, насколько мог, при помощи моего знающего спутника Мурада Кары из Яркенда, причем самые интересные и лучшие образцы я нашел в Яркенде, Хотане и особенно в Полу, среди

¹ Обычно произносится: даф.

диких ущелий Куэн-Луня, к югу от Керии, в нескольких километрах от северной границы Тибета.

По содержанию своему записанные мною песни можно разделить на песни печального содержания, любовные, комические и смешанного характера, а также такие, содержание которых составляет какое-нибудь историческое или современное событие.

Вот пример песни печального содержания:

Отец мой спросит, мать спросит.
Отвечай: он подавлен
Отвечай: сердце его печально, глаза его полны слез.
Отвечай: он плачет по вас.
Среди горных вершин летают вороны,
Потоки текут с гор
Бедность наложила на меня свою печать.
Где отец мой и мать?
Дорога до Андижана вся засыпана песком,
Никто о ней не заботится.
Мы — оба бедные братья,
Нет никого беднее нас
Лошадь моя убежала от меня,
Пропал и мой кнут.
Хотя это — моя родина,
Бедность постигла меня.

Вот пример комической песни:

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О МУЛЛЕ ТОХТЕ

Мулла Тохта, наш деревенский десятник,
Важничал на базаре, словно городской старшина
Он нанял осла,
Купил за копейку веревку,
А на грош потрохов,
Повесил их ослу на шею.
Осел забрыкался
И лягнул муллу в живот.
Мулла Тохта принес потроха домой,
Взял нож без ручки, стал резать,
Взял ложку без ручки, помешал.
Сказал: «Вот покушаем» и сел.
Вдруг вломились шесть полицейских,
Съели потроха и ушли.

Записал я также несколько пословиц. Ничего общего с персидскими или турецкими пословицами у них не оказалось. Вот образчики некоторых из них:

¹ В подлиннике — «мин-баши», тысяченачальник; деревенский десятник (он-баши) является низшей сельской административной должностью.

У орла — крылья, у человека — конь.

Я приказал кошке, кошка — хвосту.

(намек на медлительность восточных слуг, передающих друг другу поручения, вследствие чего дело задерживается выполнением).

Я спешу ехать — осел спешит лечь.

Что скажет богатый, то правильно, что бедный — то глупо.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

Народное искусство южного Синь-Цзяна ждет своего исследователя, перед которым будет обширное поле работы. В Синь-Цзяне скрещивались различнейшие культурные влияния. Здесь были крайние западные колонии китайцев и крайние восточные колонии согдийцев. Сюда спускались тибетцы, проникали греки, персы, индусы, скифы, а потом прошли тюрки и монголы. Здесь, синтезируя китайское и персидское искусство, зародилась так называемая манихейская фресковая живопись, оказавшая, по словам восточных источников, огромное влияние на расцветшую впоследствии за тысячи километров отсюда Газневийскую школу мусульманской живописи. Все это влияние сохранилось в современном синь-цзянском искусстве.

Народные сказки восприняли от индусской школы нарастающее, бесконечное развитие сложной фабулы и острого сюжета. Социальные причины породили на фоне разорения страны песни, полные грусти и ненависти. Даже юмор отдает нотками трагичности в этих песнях. Скряин привел образец комической песни о мулле Тохте, но нам кажется, что слово комическая надо взять в кавычки. Мало элементов комизма в том, что нож и ложка у муллы Тохте в доме без ручки, ветхие, и что, когда он намеревался съесть приготовленное лакомство, ввалились полицейские, поели все сами и ушли.¹

ГЛАВА XIV

Среди небесных гор

Осенью 1923 года мы предприняли давно задуманную поездку в северо-западном направлении в Учъ-Турфан и Аксу. Ехали мы южными склонами Тянь-Шаня и обратно вернулись по обычной дороге, проходящей долиной реки Тарима и через Марал-Баши.

Выехали мы 2 сентября и до ночлега проехали около 90 километров. Это был самый длинный суточный переезд за все время нашего пребывания в Китайском Туркестане. Дорога никаких особенностей не представляла.

Через двое суток мы достигли равнины Джай-Тюбе, расположенной на высоте 2100 метров над уровнем моря, длиной около 100 километров при 25—30 километрах ширины. Окруженная горами, равнина эта представляла собой как бы замкнутый внутренний бассейн. У юго-восточного края ее находилось небольшое соленое озеро¹, которое в период дождей разливается до больших размеров. Остальная часть равнины, там, где она не была совершенно голой, заросла тамариском и редким тополевым лесом. Местами среди деревьев у ручьев пресной или соленой воды мелькали кибитки киргизов. Летом пребывание здесь из-за комаров и оводов становится совершенно нестерпимым для людей и животных.

Когда мы попали затем в местность, почти лишенную всякой воды, и стали обращаться к киргизам с просьбой указать нам, где находится вода, чтобы напоить наших лошадей, они всячески уклонялись давать нам нужные сведения. Впрочем, они сами испытывали большую нужду в воде. Обычно они брали воду из мелких

¹ Шор-Куль.

прудочков, в которых она накапливалась от дождей. Они располагались с своими стадами возле таких прудочков и по высыхании их перебирались к следующим.

Проехав два перевала, мы спустились в обширную долину реки Таушкан-Дарья (Заячья река), берущей свое начало в Семиречьи. В долине был расположен цветущий Учъ-Турфанский оазис.

Учъ-Турфан, куда мы прибыли 11 сентября, — маленький пограничный город, весь утонувший в платановых и тополевых рощах. На одном из высоких холмов за городом расположена старая китайская крепость с небольшим гарнизоном. Городок имеет некоторое стратегическое значение, так как он командует дорогой, ведущей из Семиречья через Тянь-Шань и проходящей через трудный перевал Бедель. Деревень возле города нет, и население живет маленькими хуторами. Почва вокруг города чрезвычайно плодородная: повсюду видны поля, сады, бахчи, табачные плантации. С холмов, окружающих город, открывается красивый вид на Тянь-Шаньский хребет.

На обеде у местного амбана, большого любителя цветов, устроенном в загородном местечке Токуз Булак (Девять источников), известном благодаря своим садам по всему Китайскому Туркестану, я познакомился с престарелым начальником пехоты, который оказался прямым потомком древних правителей Кучара, получающим от китайского правительства поэтому пожизненную пенсию в 200 таэлей в месяц. Своим интеллигентным видом и манерами воспитанного человека он представлял полную противоположность начальнику кавалерии, китайцу, которому мне пришлось отдать официальный визит.

Недостаток времени помешал мне проехать дальше в Чжунгарию и посетить долину Текес, одну из красивейших альпийских долин в Центральной Азии. Долина эта длиной 320 километров и шириной около 110. Она представляет настоящий рай для охотника. Кроме медведей и других хищных животных, в ней водятся олени, огромные горные бараны и козлы. Чтобы попасть в долину, необходимо было пройти через трудный Музартский перевал высотой 3500 метров, что заняло бы неделю. Путь через него открыт только с июля по октябрь и весьма затруднителен.

Итак, отказавшись от этой поездки, я решил вместо того побывать в одной из долин Тянь-Шаня — Янги-Арт, к северу от города, впервые исследованной европейцами в 1903 году. Долина оказалась очень небольшой протяжением, но поражала глаз своей дикой красотой. По дну ее рос хвойный лес, а с боков виднелись снежные вершины гор высотой до 5400 метров. К своему

Долина Янги-Арт в горах Тянь-Шаня.

удивлению, у входа в эту глухую долину мы обнаружили китайский военный пост. Он был поставлен здесь для ловли контрабандистов.

В долине этой мы провели несколько дней, причем я пробовал, но неудачно, охотиться за горными баранами.

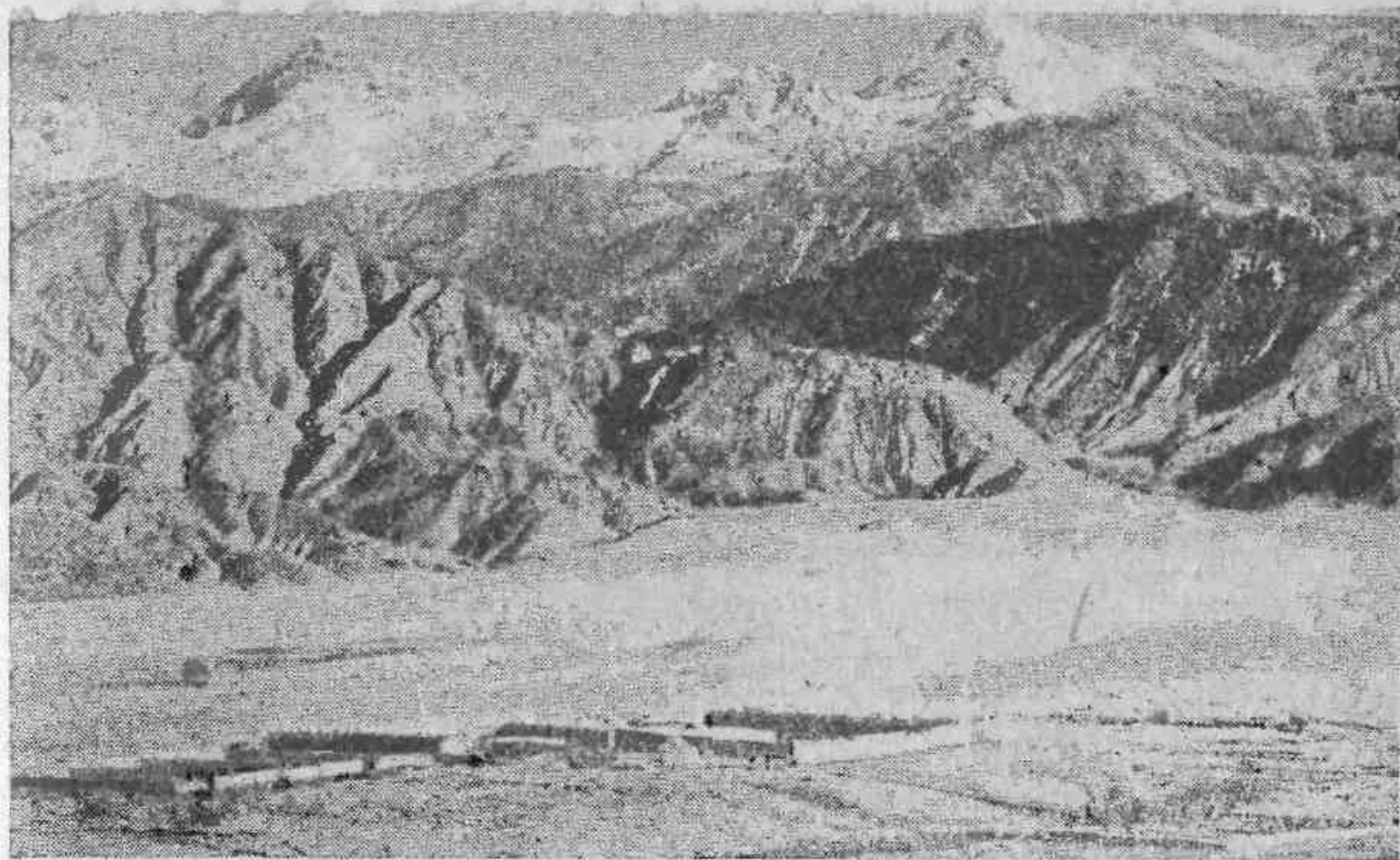
Спустившись к Уч-Турфану, мы позаботились запастись добавочными лошадьми для дальнейшей части нашего пути. Мы собирались пересечь хребет Тянь-Шань в южной его части, а затем через Нижнюю Музартскую долину выйти к городу Бай. Всего нам предстояло пройти около 260 километров.

Перед отправлением в путь жена по обыкновению занялась лечением женщин и детей. Положение женщин здесь, повидимому, хуже, чем в Кашгаре. По крайней мере, они горько жаловались на свою печальную долю. Помимо лекарств для себя, они просили также и для своих больных родственников, слепых, хромых, туберкулезных и страдающих другими неизлечимыми болезнями. Обычно в виде платы за лечение они приносили с собой фрукты, яйца, дыни, молоко, початки кукурузы и т. п., и стоило больших трудов уговорить их взять все это обратно.

28 сентября мы собрались в обратный путь. Ехали мы сначала правым берегом реки Кум-арык. Это была самая плодородная местность, какую мы только видели. К сожалению, благодаря пыльной мгле вид на горы был закрыт. В сорока километрах севернее Аксу мы сделали продолжительную остановку на несколько дней, чтобы дождаться ясной погоды. Желание наше исполнилось, и через несколько дней ожидания перед нами предстал во всей своей красе снежный хребет Центрального Тянь-Шаня. По всей длине его на высоте 2400 метров тянулся пояс хвойных лесов, выше шли альпийские луга.

Редкие поселенцы в этой горной местности оказались очень неприветливыми и даже за плату отказывались предоставить нам какие-нибудь припасы или дать проводников. К счастью, пастух торговца из Аксу, случайно попавшийся нам по дороге, согласился нас проводить до хутора своего хозяина, где мы и остановились на ночь. На другой день один из сыновей хозяина довел нас до подножия Музартского перевала. Дорогой мы любовались осенней раскраской листвы.

Поразило нас обилие попадавшейся дичи. В полутора шагах от дороги я без особого труда подстрелил несколько птиц и зайцев. Всего я насчитал четырнадцать видов различных птиц на этом участке пути. Запомнилась мне еще из этой поездки оригинальная могила одного мусульманского святого в живописном уголке

Центральный Тянь-Шань. Овчарня в Иетил-Дюбе.

горной долины, отмеченная только шестами с флагами и черепами диких баранов.

Долиной реки Музарт мы через два дня доехали до маленького городка Бай на дороге Аксу — Кучар, населенного тюрками и дунганями, которых в городе втрое больше тюрков. Дунгане поразили нас своими грубыми манерами. На базаре они обступили нас и обменивались вслух замечаниями на наш счет, громко смеясь.

Путь от города Бай до Старого Аксу через Ават занял пять дней, расстояние составляло около 170 километров. Так как главная часть дороги проходила по голой и пустынной местности, не представлявшей для нас никакого интереса, мы свернули в сторону к красным холмам Авата. Здесь на третий день пути нам попался один конный киргиз с прирученным черным орлом, сидевшим у него на правой руке, на которой была надета шерстяная рукавица. Рука поддерживалась на весу деревянной подпоркой, упиравшейся в луку седла. Я подъехал ближе, чтобы познакомиться с киргизом, и смерил орла, который от клюва до конца хвоста имел 90 сантиметров. Размах крыльев составлял 2 метра 13 сантиметров. Для приманки орла, когда он летал, киргиз держал вабило в виде большого мяча из шкуры антилопы, снятой с головы. Орел был взят им маленьким птенцом из гнезда и приручен. Ярый охотник, киргиз держал еще ручных соколов, которых употреблял для охоты за

Мелкой дичью, зайцами и птицами. Орел же служил ему для охоты на антилоп и даже на волков.

Киргиз объяснил мне также, что из охотничьих соколов особенно ценятся белые с Алтая, которых очень трудно достать, и цена их колеблется от пятидесяти до ста таэлей. Они привозятся из Чжунгарии на рынок в Аксу, куда индийские князьки из пограничной полосы посылают за ними, и случается, что посланцы возвращаются с пустыми руками.

Через три дня мы очутились на узких, грязных, хотя и живописных улицах базара Старого Аксу. К северу и востоку от города тянется стена отвесных утесов из лёсса высотой в 12—15 метров, видимо, обозначающих старое русло реки Кум-арык. Дальше к северу, насколько может охватить глаз, простирается бесплодная песчаная пустыня, представляющая собой ровную поверхность, усыпанную галькой, гравием и мелкими каменными обломками. Редкая травянистая растительность встречается только в балках и рытвинах. Несколько лет тому назад один из честолюбивых амбаней задумал оросить часть этой пустыни, были прорыты каналы, истрачена большая сумма денег, но вода по каким-то причинам не потекла, и все сооружения были заброшены. Зато ниже города местность представляла полный контраст. Прорезанная многочисленными оросительными каналами из реки Кум-арык, она производит впечатление цветущей плодородной страны.

В мусульманских странах население избегает хоронить покойников в земле, которую можно возделывать. Жители Аксу использовали поэтому заречную высокую часть города в качестве кладбища. Это — настоящий город мертвых, с улицами, площадями, скверами, значительно превосходящий своими размерами город живых. С любой улицы города видны могильные сооружения, только с северо-запада их скрывают развалины старой глинобитной крепости и дворца эмира Якуба-бета (Бадаулета), кокандского авантюриста, который в 1877 году был прогнан китайцами.

В Аксу проживает несколько иностранцев, большей частью торговцев. Один из них, индус из Шикарпура, меняла по профессии, зазвал мою жену к себе в дом, когда она бродила по базару, чем привел в немалое смущение свою жену-туземку, бывшую в домашнем платье; последняя поторопилась переодеться, загородившись мужем, как ширмой, от моей жены.

Жизнь в Аксу поразительно дешева. Плодородие почвы — исключительное. Поденная заработная плата сельскохозяйственного рабочего не превышает 10 копеек. Цены на рынке на 25% ниже кашгарских. Джин (10 килограммов) кукурузы стоит 16—20 копеек,

Охотник-киргиз с ручным орлом.

пшеницы — 24 копейки, риса — 27 копеек. Фруктов и овощей — изобилие, и по цене они не выше, чем зерновые продукты. Лучших сортов винограда, чем здесь, я не пробовал нигде. Особенно мое внимание своим вкусом и размерами привлекли два сорта: «дамские пальчики» и «бескостный». Гроздь первого весом в 750 граммов стоит 10 копеек, причем отдельные ягоды, как я смерил, достигают длины пяти сантиметров. Один мелкий сельский хозяин, собравший на своей небольшой бахче до 20 тысяч штук дынь, намеревался их продать за 720 таэлей, то есть в среднем по цене около 4 копеек за штуку, надеясь выручить от продажи их 360 таэлей чистого дохода при расходе 100 таэлей на аренду земли и орошения, 80 таэлей на семена, рабочие руки и т. д.

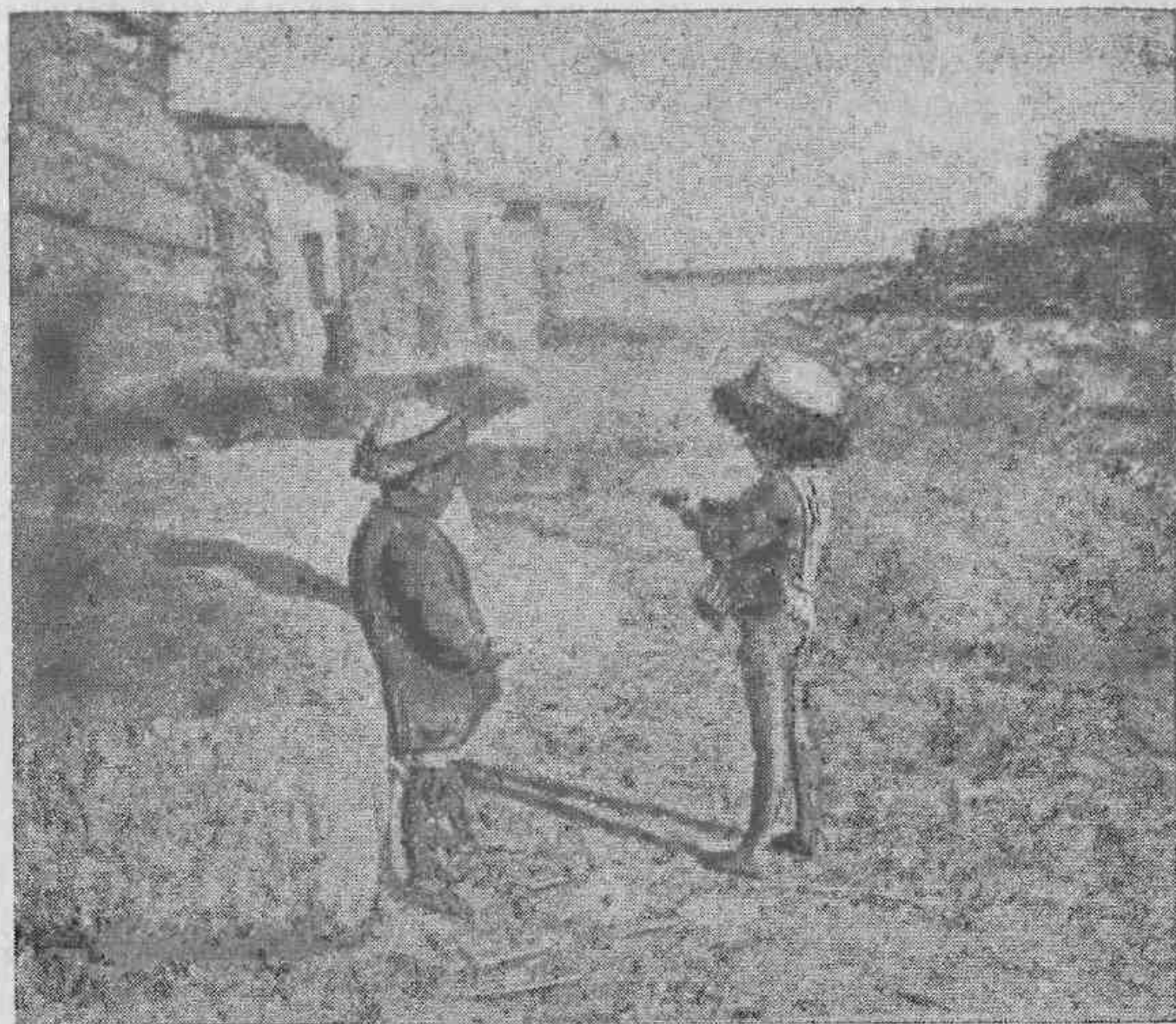
Новый город заселен преимущественно дунганами. Любопытную достопримечательность города составляет китайский храм «бога белого облака», в котором старый жрец показал мне между прочим дощечки с письменами, начертанными богом. Храм этот мало посещается, разве только по неприсутственным дням китайскими чиновниками и военными.

Одновременно с нами из Аксу выступил в путь большой караван верблюдов в двести голов, везших сырую шерсть из города Кучара в Кашгар. Верблюды, как обычно, шли связанные по восьми одной веревкой, передняя находилась в руках погонщика, ехавшего впереди на осле. Из разговора с погонщиками я узнал, что верблюды были наняты в окрестностях города Бай за плату 8 таэлей каждый (10 рублей 25 копеек) из расчета за 50 дней пути. Погонщики рассчитывали пройти путь от Аксу до Кашгара в один месяц.

В 180 километрах от Аксу, пересекая совершенно плоскую равнину к северу от зарослей реки Тарима, мы увидели старую китайскую, так называемую «шелковую» дорогу, проложенную в II столетии нашей эры по повелению китайского императора У-Ди для перевозки китайских товаров на запад. Через каждые 25 километров по дороге устроены постоянные дворы для нужд проезжающих и при них небольшие базары, куда жители ближайших оазисов доставляют для продажи продукты своего хозяйства.

В качестве конвоя нас сопровождали два китайских солдата. Один из них, очень услужливый, повидимому, никогда не пользовался своим ружьем, затвор которого у него был крепко завязан платком, по крайней мере, он совершенно по-детски радовался и хлопал в ладоши всякий раз, как я делал выстрел. На лошадь он мог влезть только с высокой подставки. Товарищ его был курильщик опиума и курил до одурения, так, что падал с лошади.

В Чадыр-Куле мы очутились среди долонов, о которых я упоминал,

Марал-Баши. Дети долонов.

говоря о Меркете. Опять нас обступила толпа веселых зевак-мужчин с красивыми, но невероятно грязными детишками. За околицей деревни мы заметили две больших партии игроков в кости, почти исключительно мужчин. Женщины делали необходимые закупки на базаре или занимались какой-нибудь своей работой.

В зарослях реки Тарима, которые тут начинаются, водятся в большом числе красивые фазаны желтого цвета с пурпуровыми крапинками; пруды и болотца изобилуют всякой водяной птицей.

В 65 километрах к востоку от Марал-Баши мы свернули с главной дороги и проехали около 30 километров к югу. Остановились мы в одинокой пастушеской хижине в тополевой роще на южном берегу Тарима, где провели четыре дня. Всевозможной пернатой дичи и тут было вволю. Местность для отдыха мы выбрали чрезвычайно удачно. В ясную осеннюю погоду это был красивый уголок. Вблизи

змеилась, сверкая своими извилами, река. К югу как-то неожиданно выростала прямо из равнины гряда холмов. На расстоянии $1\frac{1}{2}$ —2 километров находились два озера, из них одно в 16 километров длиной. В зеркальных водах его отражались разом и ближайшие горы, и песчаные дюны страшной пустыни Такла-Макан, так как мы находились как раз на краю великой пустыни. За этими дюнами известный путешественник Свен Гедин потерял всех своих верблюдов и спутников, кроме одного, умерших от жажды, и едва не погиб сам.

Пастухов было три брата. От своего хозяина в качестве платы за выпас и стрижку овец они получали шерсть с каждой десятой овцы. Из этой шерсти они сучили веревки и изготовляли грубые мешочные ткани, продаваемые в Марал-Баши на базаре. Помимо того они занимались охотой на лисиц, ловлей рыбы и разводили дыни.

7 ноября, переправившись через реку Тарим, мы прибыли в Марал-Баши и расположились в саду британского аксакала, куда каждое утро прилетали кормиться фазаны, вальдшнепы и другие птицы из прибрежных зарослей реки Тарима. Когда мы были в гостях у амбана, он показал нам несколько экземпляров местных крупных оленей, которых он держал для своего развлечения. Это были так называемые болотные олени.

До Кашгара нам оставалось 230 километров. Пять дней, которые занял этот переезд, нам сопутствовала неизменно хорошая погода. Близ деревни Урдаклик случай помог мне принять участие в охоте на диких кабанов, водившихся в густой тамарисковой чаще. Мне удалось убить одного крупного кабана. Кабанов в этой местности водится очень много, и они причиняют большой вред полям.

Чистота воздуха в середине ноября («индийское лето») в Центральной Азии поразительная. На половине дороги к Кашгару мы отчетливо видели снега Кунгурского хребта на расстоянии около 200 километров с юго-западной стороны горизонта. Хотя мы прибыли в Кашгар 16 ноября, было еще довольно тепло, вода в озерах и болотах не замерзла, и только две недели спустя наступили холода.

ГЛАВА XV

У северной границы Тибета

Весной 1924 года служебные дела потребовали моего личного присутствия в Яркенде, а затем пришлось проехать далее по описанной уже дороге через Каргалык, Гуму, Хотан до Керии. Из Кашгара мы выехали 1 марта и 12 апреля прибыли в Керию. На обратном пути участок от Керии до Хотана и от Хотана до Каргалыка мы решили проехать новой дорогой.

В своем путевом дневнике я отметил некоторые эпизоды из этой поездки, которые тут и излагаю.

7 марта к югу от Янги-Гиссара мы нагнали большой караван верблюдов с грузом ташкентского сахара и бакинского керосина, направлявшийся из Кашгара в Хотан. Меня поразили музыкальный перезвон их колокольчиков, подвешенных к шеям животных. Колокольчики были разных размеров, медные и железные. Некоторые были двойные, вставленные один в другой. У железных попадались язычки, сделанные из верблюжьей кости.

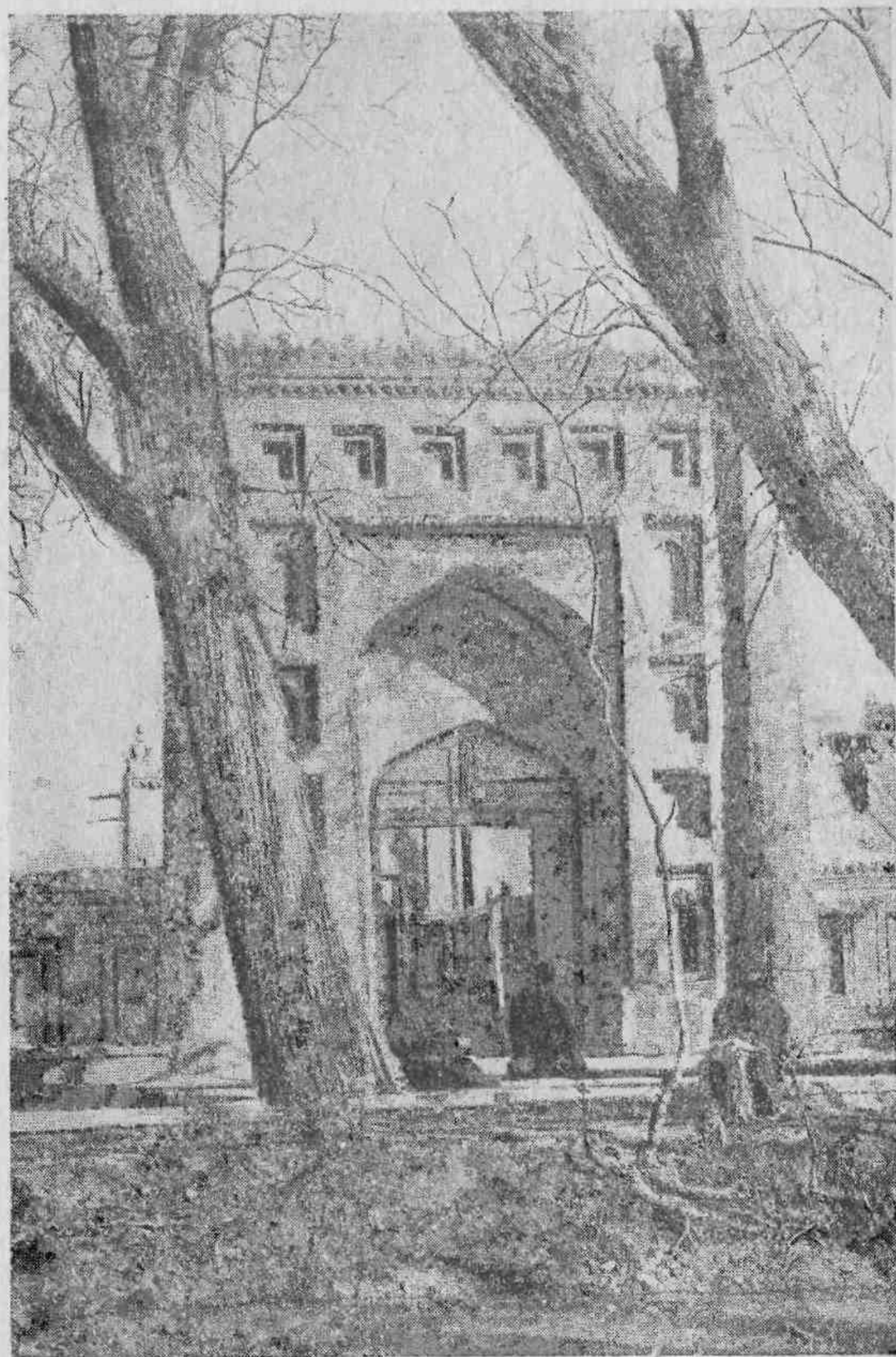
В Яркенде бывший даоинь дал в нашу честь парадный обед, во время которого труппа китайских артистов сыграла несколько пьес по выбору зрителей. Женские роли исполнялись мужчинами, которые, подражая женщинам, старались говорить пискливее. В пьесах старого классического репертуара действующими лицами выступали императоры, придворные, военачальники, которые появлялись в великолепных шелковых костюмах с фантастическими головными уборами, напоминая целое сооружение в виде пагоды и с масками на лицах. Несмотря на неудобные костюмы, актеры поражали быстротой и ловкостью своих движений в сценах битв и танцев. Актеры играли почти без перерыва. Обед с пяти часов вечера затянулся до полночи, когда мы ушли, а актеры все еще продолжали играть.

30 марта мы встретились в дороге с двумя «окитаившимися», если можно так выразиться, туземцами. Они были мусульмане, родом из Хотана, но для карьеры, чтобы занять скорее более выгодные административные посты, они переняли китайские манеры, речь и костюм. Один из них, впрочем, посещал с детства китайскую школу и в возрасте двадцати пяти лет амбанем своего уезда был избран из числа двадцати семи кандидатов в провинциальный совет в Урумчи (думалык). Думалык — совещательное учреждение, созываемое генерал-губернатором провинции, члены которого теоретически являются представителями населения своего уезда, в действительности же назначаются амбанами. Они заседают в течение трех лет. За время моей службы в Китайском Туркестане мне неоднократно приходилось слышать о таких «окитаившихся» тюрках, усвоивших китайскую культуру, по крайней мере, с внешней стороны и занимавших различные административные должности.

1 апреля мы были застигнуты песчаным бураном, кончившимся для нас однако благополучно. Во время таких буранов иногда целые караваны сбиваются с дороги и погибают от жажды, попадая в пустыню Такла-Макан, где вода находится на глубине 60 метров от поверхности земли. Уже столетия поэтому дорога отмечена огромными плетенками с землей, которые устанавливаются стойком на более опасных участках на расстоянии 120 метров одна от другой. Плетенки эти сохраняются очень долго, даже когда бывают перевернуты. Каменные дорожные знаки неминуемо были бы засыпаны песком. Кроме этих корзин, вдоль дороги, как вообще на всех главных дорогах, расставлены на расстоянии 10 китайских ли (3 600 метров) башенки из необожженного кирпича — сырца, играющие роль путевых знаков.

В Хотане мы застали мусульманский праздник рамазан, когда днем население должно поститься. Пищу разрешается принимать только с двенадцати часов ночи. В половине третьего ночи верующие предупреждаются продолжительным барабанным боем, что пора готовиться к вторичному принятию пищи. К грохоту барабана с улицы примешивается непрерывное пение дервишей. В четыре часа утра население начинает пробуждаться и принимать готовую пищу или молиться. В результате от непрерывного шума нет никакой возможности непривычному человеку заснуть ночью.

В Лобе мы встретили некоего Гонг-бека, молодого человека лет двадцати двух, праправнука Нияза Хаким-бека, последнего из туземных правителей Хотана, который был одновременно с кашгарским и яркендским беками низложен упоминавшимся уже кокандским авантюристом Якубом-беком в 1864 году, когда тот поднял восстание

Яркенд. Ворота школы при мечети.

против китайцев. Гонг-бек получает пенсию в 400 таэлей в месяц (около 525 рублей) от китайского правительства, взамен чего должен по требованию оказывать вооруженную помощь китайцам. Недавно ему действительно был дан приказ выступить в Аксу с отрядом в 500 человек. Молодой Гонг-бек растерялся и мог собрать не более 12 добровольцев, пожелавших выступить с ним. Зато он сумел собрать сумму в 5 тысяч таэлей, которую роздал кому следует в Урумчи, чтобы откупиться от выполнения стеснительного для него приказа.

В Богаз-Лянгаре произошел курьезный случай со мной. Я имел неосторожность заинтересоваться при посещении амбана находившимся у него большим пеликаном, который был пойман в окрестностях города и преподнесен амбану в качестве подарка. Амбань предложил мне птицу в подарок, и как я ни уклонялся, вынужден был все-таки взять. Пришлось заказать местному столяру большую клетку, в которую пеликан с трудом был посажен, и клетка водворена на телегу. Оказалось, что пеликан не принимал никакой пищи, и его приходилось кормить силой, причем трое здоровых мужчин едва могли справиться с птицей, когда ей собирались засунуть в рот корм. Все это заставило меня поспешить отделаться от пеликана. Я приказал его отвезти тайком подальше от города и выпустить на волю, чтобы никто не заметил и не донес амбану, который мог бы обидеться. Так и было сделано.

Деревня Богаз-Лянгар¹, находящаяся в южной части оазиса Керии, лежит на высоте 1 600 метров. Отсюда мы предприняли давно задуманную экскурсию в Золотые горы (Алтын-Таг), образующие крайнюю северную границу тибетского плато. Первой нашей целью являлась горная деревня Полу на расстоянии трех переходов к югу от Керии. Далее мы предполагали посетить оазисы у подножья Карангут-Тага, или так называемых Мрачных гор, образующих самую дикую и недоступную часть центрального Куэн-Луня и возвышающихся до 7 тысяч метров. Поездка принесла нам разочарование в том отношении, что пасмурная погода мешала нам видеть что-либо дальше тесных пределов дороги.

Ехали мы левым берегом реки Керии. Переночевали в палатках, разбитых на краю глубокого ущелья — каньона, по дну которого бежала невидимая река. Впечатление получалось такое, словно мы едем только среди песков и кустов. Приходилось удивляться обилию песка на столь значительной высоте, явно занесенного из пустыни Такла-Макан.

¹ Другое название этой деревни — Гази-Лянгар.

На третий день мы прибыли в деревню Полу, на западном конце Алтын-Тага, или Золотых гор, являющихся отрогом Куэн-Луня, который тянется на 1 600 километров к северо-востоку до соприкосновения с Нань-Шанем. Значение этой деревни видно из того, что она занимает командующее положение по отношению к единственной дороге, ведущей через Куэн-Лунь на северо-тибетское плато и оттуда в Ладак и Индию. Северные подступы по ущельям к перевалу чрезвычайно узки и почти не допускают никакого вьючного движения. Но на расстоянии 850 километров от перевала Гинду-Таш (5 300 метров) через хребет Санджу на западе и до прохода Кара-Сай почти у Черчена на востоке не имеется никакой другой тропы, по которой можно было бы перейти через мощную преграду, образуемую Куэн-Лунем. Деревня Полу живописно расположена на высоте 2 350 метров между двумя рукавами главного притока реки Керии. Поля ее обсажены высокими тополями и платанами. Деревня состоит из соприкасающихся тесно один с другим домов смешанной каменно-деревянной постройки с плоскими крышами и с курьезными отверстиями по середине крыши, напоминая по внешнему виду бальтистанское или тибетское поселение.

В административном отношении Полу подчиняется чирскому амбаню, причем надо заметить, что расстояние от деревни до Чиры в два раза далее, чем до Черчена. Жители Полу занимаются сельским хозяйством, сеют ячмень, просо и люцерну, но сухость воздуха здесь, на высоте 2 350 метров, такова, что земледелие возможно только при искусственном орошении. Существуют две системы орошения: на отлогих склонах поля разбиваются террасами, на крутых — на глубине двенадцати сантиметров прокладываются канавки, через которые вода просачивается в почву, увлажняя ее. Главным промыслом населения является однако скотоводство. Горные луга дают превосходную сочную траву, вероятно, благодаря присутствию в почве плодородного лёсса, заносимого ветром даже на снежные горные поля, поверхность которых от этого приобретает грязноватый цвет.

Жители разводят лошадей, ослов, яков, верблюдов, овец и коз. Особенно выносливы, крепки и неприхотливы маленькие лошадки в Полу.

Большие возможности сулит золотой промысел, контролируемый китайцами. Добывается золото путем промывки золотоносной породы. Присутствие золота несомненно не только в районе Алтын-Тага, но и по всей куэн-луньской системе. Мне приходилось слышать о золотоискателях, которые забирались в почти неприступные ущелья Верхней Яркенд-Дарьи. Некоторые путешественники

упоминают о золотоискателях, добывавших золото в долине Зайлик, на высоте свыше 4 тысяч метров. На наиболее известных разработках в Соургаке и Чижгане, в 95—135 километрах к востоку от Керии, занято до 2000 рабочих. Золото постоянно находят во все новых и новых местах между Чижганом и Дунь-Хуаном в провинции Ганьсу, в 1100 километрах к востоку. Иногда открытие новых богатых россыпей вызывает настоящую золотую горячку среди золотоискателей.

Все разработки между Полу и Черченом состоят под контролем и надзором китайского амбана в Керии, который сдает их в аренду, как представитель казны, местному беку за поставку ежегодно определенного количества золотого песка в казну, принимаемого по цене 25 таэлей за таэль (37 граммов) песка, что составляет около $\frac{5}{7}$ рыночной цены в Хотане. Наем и содержание рабочей силы ложится целиком на бека.

На приисках работают также многочисленные арестанты, осужденные за различные преступления. Местному населению самостоятельное добывание золота не разрешается, жители могут делать это только с разрешения бека, причем обязаны сдавать по определенной расценке все золото ему.

Мне были продемонстрированы практикуемые приемы добычи золота. Три мальчугана забрались в яму на прибрежной отмели реки Полу и лотками стали извлекать оттуда небольшими количествами золотоносную породу голубоватого цвета, смешанную с гравием. Четвертый мальчуган промывал ее в конусовидном деревянном ящике с узкой щелью. На каждый лоток получалось до пяти маленьких крупинок золота. За четверть часа было намыто золота на одну теньгу (8 копеек), исходя из расценки, установленной беком. В день таким образом, по словам мальчиков, можно намыть золота на 0,1—10 таэлей (от 12 копеек до 12 рублей 80 копеек).

Жители Полу исключительно дружелюбно относятся к европейцам, что отмечено всеми путешественниками. Нам предлагали наперебой остановиться в целом ряде домов на выбор, но мы предпочли пребывание в своих палатках, которые разбили в укромном месте под одним из утесов несколько выше деревни. Мы пробыли четыре дня в Полу в ожидании, пока прояснится погода, чтобы видеть окружающие горы, но надеждам нашим не суждено было осуществиться, и 24 апреля мы собрались в обратный путь.

Проехав километров пять по тибетской дороге, мы свернули в сторону к западу и пересекли покрытое травой плато Чата-Кыр. При спуске в долину нас застигла сильная буря. Песок

и пыль, смешанные с каплями дождя, почти ослепили нас. Так мы провели два неприятных часа, спускаясь по мокрым тропинкам. К вечеру мы добрались до оазиса Имамляр¹.

Наутро погода совершенно прояснилась, и когда мы взглянули на юг, нас ожидало чудное и редкое зрелище. Перед нами на расстоянии 25—40 километров развернулась обширная панорама Куэн-Луня, одного из самых высоких и малодоступных горных хребтов на земле, за которым лежал Тибет. Пользуясь ясной погодой, я поспешил сделать несколько фотографических снимков с гор хребта. К полудню опять пыльная дымка скрыла от нас горы.

От Имамляра мы в шесть дней добрались до Хотана, но уже горы не показывались нам больше, и нам оставалось только любоваться видом мирных живописных деревушек, попадавшихся по дороге.

От Хотана мы поехали по малонаезженной верхней дороге, ведущей через Дуа, Санджу и Кош-Таг до самого Каргалыка, причем на целые сутки задержались в красивой долине Санджу.

9 мая, когда мы проехали Уй-Тутрак, мы имели возможность наблюдать самую длинную панораму снеговых гор, какую когда-либо видели в Китайском Туркестане. От восточного края хребта Санджу тянулись они огромной вытянутой дугой до крайних вершин Тахта-Куран к западу от Каргалыка, т. е. почти на 290 километров.

Остальную часть пути мы проехали быстрее. 14 мая мы были в Яркенде и 8 дней спустя прибыли в Кашгар, проехав всего 1 300 километров.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

Богатейший тибетский золотоносный пояс, спускающийся к Керии, был широко известен в древнем мире. Геродот, рассказывая о фантастических «муравьях-золотоискателях», географически их относит к современному Тибету.

Петр I, прорубивший окно на Запад, оглядывался на Восток, мечтая о походе на Индию и о покорении «богатой золотом Еркети» (Яркенда). Яркенд был центром внутренней торговли южного Синь-Цзяна, потому что отсюда шли караванные тропы через Памир в афганский Бадахшан, на Индию, в Тибет и в Фергану. Петр I, отправляя на Черный Иртыш военную экспедицию Бухгольца, дал ему наказ идти

¹ Более употребительно другое название этого оазиса — Чахар-Имам.

прямо в Яркенд. Керия в былые времена снабжала золотыми слитками весь синь-цзянский рынок, но потом добыча золота стала постепенно падать.

Дело в том, что китайская администрация заставляла принудительным путем местных жителей работать на золотых приисках. Крестьянство стонало от такой каторги, и в результате, если кто-нибудь случайно находил в горах новые месторождения, он предпочитал молчать, чтоб избежать рабского, подневольного труда.

Англичане этот район тщательно изучают. Здесь, кроме золота, имеются месторождения нефти. Павел Назаров, лидер кашгарской белогвардейщины, о котором мы уже говорили, акционер фирмы Нобель, весьма интересовался ископаемыми ресурсами Керийского района. Не меньший интерес проявил и его «друг» Скрайн, совершивший трудную поездку в эту отдаленную область.

ГЛАВА XVI

Тревоги. Экскурсии

Вернувшись в конце мая в Кашгар, мы нашли город в состоянии сильного возбуждения и тревоги. Причиной были жестокости и злоупотребления командующего войсками генерала Ма по отношению к местному населению, перешедшие все границы. Не встречая отпора со стороны высших властей, генерал Ма обирал и грабил население Нового города и окрестностей, предавая непокорных пыткам и казням. Земледельцы и мелкие торговцы под предлогом отъезда на богомолье в Мекку стали даже выселяться из Кашгара.

В изыскании способов обогащения генерал Ма проявил необыкновенную изобретательность. Он объявил, что право на эксплуатацию всех минеральных богатств является монополией военных властей, и под этим предлогом стал извлекать из них в свою пользу доход. Он захватил каменноугольные копи, медные рудники, нефтяные источники, керосиновый завод, фабрику по выделке изделий из нефрита и другие предприятия. Любой капиталист мог бы ему позавидовать, потому что он имел не только монополию на сырые материалы, но в его распоряжении находилась также военная сила для обеспечения ему дешевых рабочих рук и облегчения сбыта его продуктов.

Как на пример его ухищрений в деле сбыта их, можно привести следующее. Добывая в качестве побочного продукта на своем нефтеперегонном заводе парафин и не находя ему достаточного сбыта, он заставил в принудительном порядке местных торговцев приобретать по определенной цене этот парафин в желательных ему количествах, а ремесленников, которым требовался в их производстве воск, заставлял брать парафин в двойном размере. Когда ремесленники обратились через своего представителя с просьбой отменить это стеснительное для них распоря-

жение, генерал Ма приказал забить палками насмерть жалобщика и затем наложил на его вдову такой штраф, что она вынуждена была для уплаты его продать свой дом. Подчиненные генерала, следившие за выполнением его приказаний, не забывали набивать и свои карманы, так что мало-по-малу эта своеобразная система торговли, разросшаяся далеко за пределы города, превратилась в своего рода постоянный налог.

Генерал Ма обирал и другими способами казну. Получая деньги на содержание армии в 5 тысяч человек, он в действительности держал не более 500 солдат. Это были в большинстве жалкие курильщики опиума, почти совершенно не обученные, не получавшие никакой платы, ни обмундирования, ни продовольствия и кормившиеся за счет населения, подавленного страхом, внушаемым их начальником.

Наконец жалобы гражданских властей и населения заставили генерал-губернатора провинции принять решительные меры. Из Урумчи пришел приказ, якобы полученный из Пекина, в действительности же исходивший от генерал-губернатора, об отставке генерала и упразднении его должности. Генерал Ма однако не подумал уступать и принял свои меры. Прежде всего он поспешил набрать несколько сот рекрутов и заказал им обмундирование и обувь. Затем он приказал арестовать восемь из своих сборщиков под предлогом, что они действовали без его ведома. Четверо из них скрылись, а у четверых задержанных он приказал отрубить по суставам пальцы на руках и ногах и привязать несчастных у четырех ворот города, прибав над ними их пальцы. Один из них вскоре умер, троих же удалось спасти.

Чаша терпения высших властей переполнилась. Из Аксу был двинут значительный отряд войск на Кашгар, который, двигаясь быстрым маршем, 1 июня подошел к Новому городу. Генерал Ма не ожидал скорого нападения. Он не принял необходимых мер предосторожности и, когда его солдаты еще спокойно спали в цитадели, а ворота на рассвете, как обычно, были открыты для пропуска в город поселян, вооруженный отряд проник в цитадель и захватил генерала, несмотря на отчаянное сопротивление с его стороны. Прочие солдаты генерала быстро разбежались. Убитых среди них оказалось не более четырех-пяти человек. Вся стычка продолжалась не более четверти часа. Победители принялись грабить дворец генерала, где было обнаружено много ценностей, шелков, изделий из нефрита и особенно опиума. Священного генерала по телеграфному приказу из Урумчи на другой

Генерал Ма-Титай, командующий войсками в Кашгаре.

день расстреляли у городских ворот и оставили труп на несколько дней на месте, к удовлетворению граждан, собиравшихся в большом количестве посмотреть и поглумиться над трупом своего притеснителя.

Я осмотрел дворец убитого генерала, в котором он жил перед своей смертью. Это было большое, выкрашенное в красный цвет четырехэтажное деревянное здание с крышей в виде пагоды наверху, украшенное причудливыми фресками и деревянными символическими фигурами птиц и животных. Внутри стены носили следы ружейных пуль. От нового дворца к старому ямыню генерала были проложены особые мостки, возвышавшиеся над улицами, базаром и крышами прилегающих зданий. Очевидно, генерал не хотел, чтобы его ноги касались земли, когда он проходил из одного здания в другое. Старый дворец, как и новый, весь был перерыт и разграблен.

Население города к происшедшему отнеслось удивительно спокойно. Все продолжали заниматься своими делами, как-будто ничего не случилось, только цены на базаре были повышены на десять процентов да в память о покойном была сложена шутовская песенка.

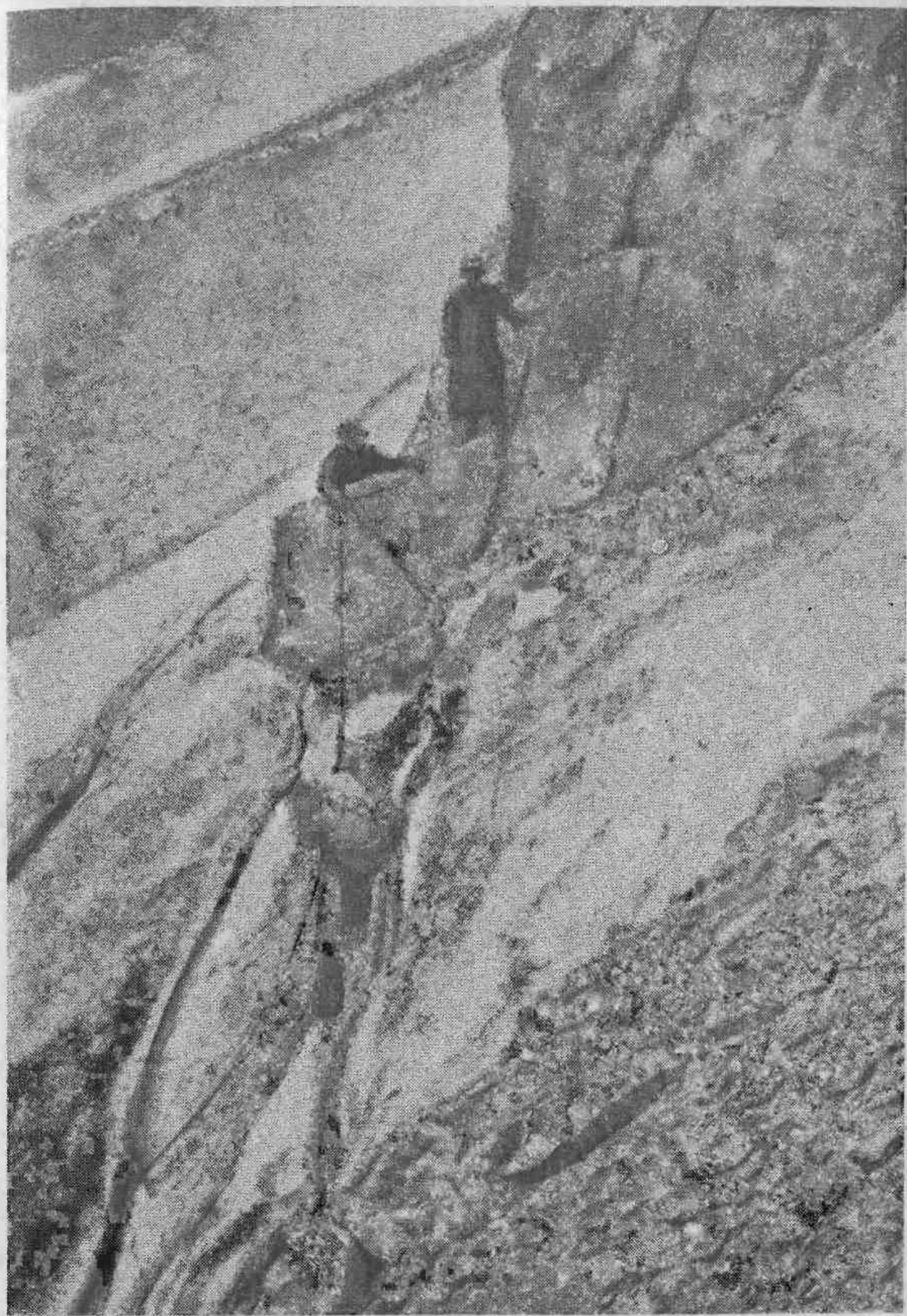
Время моего пребывания в Кашгаре подходило к концу. Из Англии уже выехал мой преемник¹, и я решил предпринять новую поездку в Кунгурские горы, чтобы закончить свои съемки для составления карты и сделать несколько новых фотографических снимков.

Выезд я отложил до 22 июля, чтобы иметь больше уверенности в хорошей погоде в горах. Целью поездки на этот раз являлись долины, смежные с Каин-Джилга.

Лето в этом году в Кашгаре было чрезвычайно жаркое. В результате от чрезмерного таяния снегов в горах реки настолько поднялись, что я в 24 километрах от Кашгара при одной трудной переправе чуть не решил совсем отказаться от поездки. Однако все прошло благополучно, и 26-го мы уже находились на покрытой хвойным лесом горе Япчан. Оставив при себе самые необходимые вещи и отослав лишних животных, мы пустились в дальнейшее странствование по горам и через два дня очутились в долине Тегермен-су («Вода мельницы»), получившей свое название от старой мельницы на опушке леса у священного источника, где находилась и могила местного святого.

Население всей долины составляли три киргизских семьи, рас-

¹ Полковник Ляйель.

Восхождение на перевал Кепек.

положившиеся в кибитках в густом лесу. Без помощи проводников-киргизов мы вряд ли бы сумели попасть в эту долину.

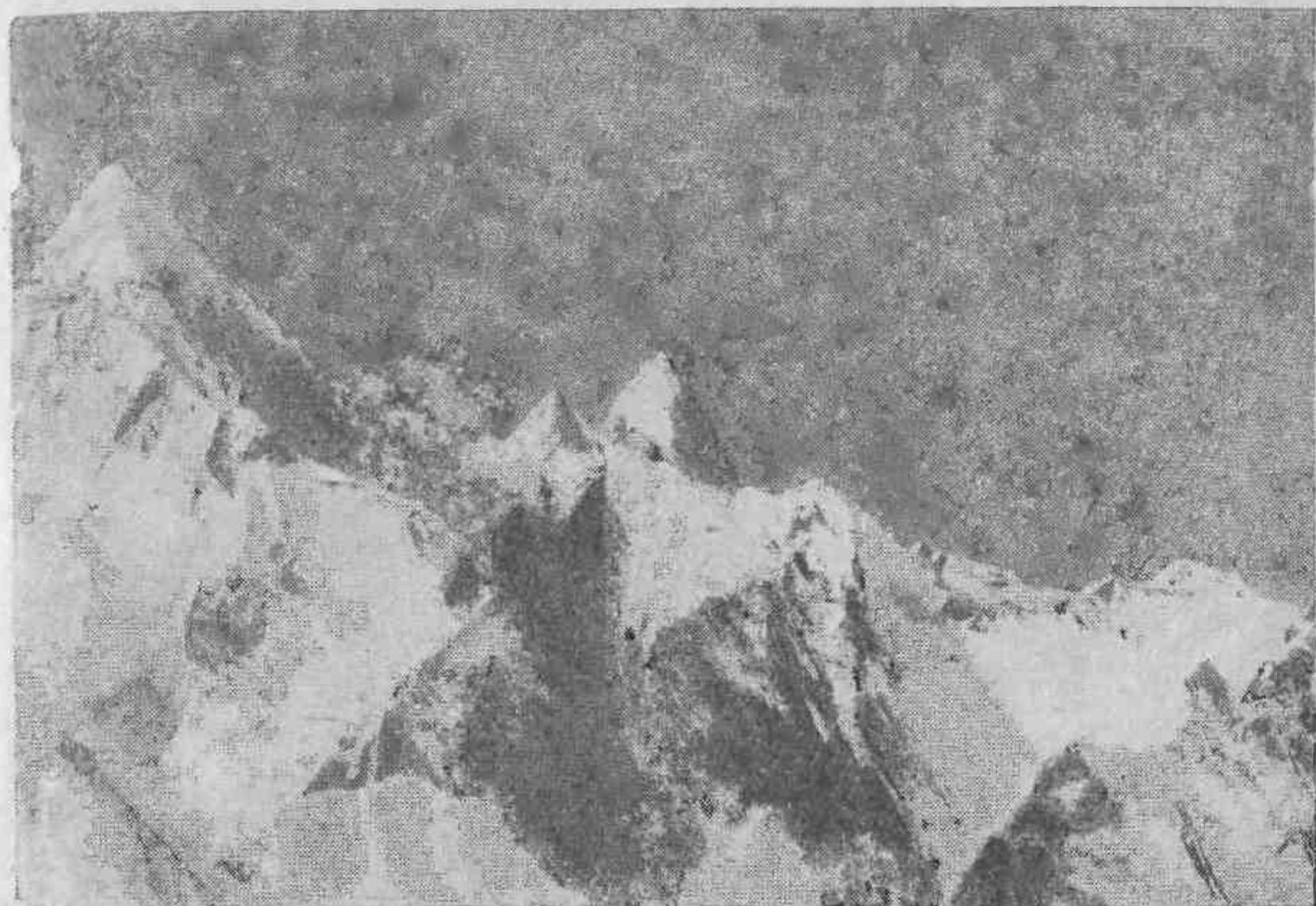
Дождливая, пасмурная погода в течение нашего трехдневного пребывания в долине лишила нас возможности осмотреть и сфотографировать окрестные вершины; поэтому пришлось ограничиться только ближайшим изучением самой долины, которую я уже занес схематически на карту. У подножия конечной морены, на которой был разбит лагерь, я обратил внимание на розовую окраску струившейся из-под корней большой ели воды. Пройдя выше около трех километров к подножию ледника, мы узнали причину окраски: по морене проходили прослойки красной глины, по которой протекал поток, скрывавшийся затем под землей.

В нескольких местах в долине я заметил на скалах следы зеленой окраски, явно указывавшей на присутствие меди. Киргизы, к которым я обратился с расспросами, подтвердили мне, что действительно в узком и малодоступном ущельи, расположенном выше, ими разрабатывалась весьма богатая медная жила, из которой они при помощи простых приемов добывали и плавил руду, изготовляя себе домашнюю посуду и гильзы для ружейных патронов. В последующие годы разработка этой жилы была оставлена, и киргизы предпочитали молчать о факте ее существования из боязни, что агенты генерала Ма прослышат про нее и донесут своему начальнику, а тот пошлет киргизов на принудительные работы на рудники, чтобы добывать для него медь. По этой же причине киргизы избегали указывать посторонним путь в долину.

С горы Япчан мы направились опять вниз в излюбленную Каин-Джилга, где провели восемь дней, половину из них при ясной погоде. В один из солнечных дней я попробовал забраться на хребет, отделявший нашу долину от долины Тегермен-су, и здесь, на высоте 4 800 метров, я получил наконец возможность снять один из ледников хребта Шевакты, спускавшийся с вершины высотой 5 800 метров и находившийся от меня на расстоянии каких-нибудь четырех километров.

Два дня спустя я приступил к осуществлению другого своего плана — подняться до самого верхнего конца Каин-Джилга, чтобы затем произвести разведку в долине Чимган-Джилга и находящейся за ней главной группы Шевакты. В проводники я взял себе двух опытных местных охотников за горными баранами и мальчика-подростка киргиза, захватил запас холодной пищи, спальный мешок, инструменты и отправился в путь.

Первые 1 200 метров мы сделали на яках, а потом их оставили пастись на лугу, расположенном у основания морены ледника,

Вершина пика Шевакта.

спускавшейся с верхнего конца долины. Сами же направились к югу по узкому коридору, образованному с левой стороны скатом ледника, а с правой почти вертикальными утесами Шевакты, по которым мы карабкались в течение всего дня, прибегая в трудных местах к помощи веревки.

Когда мы достигли верхней точки подъема, я испытал некоторое разочарование, так как плохая видимость помешала мне сфотографировать расположенные к югу пики, и я ограничился только съемкой, что позволило мне впоследствии нанести на карту положение находящихся к югу от Чимган-Джилги гор. Ни один европеец не видел их прежде.

После того я попробовал спуститься к югу и с ледника Ак-Таш имел возможность сфотографировать группу пиков Шевакты, окружавших полукольцом ледник. Снимки получились очень удачные.

Снова в Каин-Джилгу мы спустились через перевал Кепек. Последние четыре дня пребывания в ней шел дождь, и производить дальнейшие экскурсии не представилось никакой возможности. Не удалось также собрать никаких семян растений, так как созревание их вследствие холодной погоды задержалось.

ГЛАВА XVII

Назад в двадцатый век!

13 августа мы во главе своего каравана вернулись в Кашгар. До моего отъезда оставалось недели три. Мой преемник полковник Ляйель находился уже в пути. Оставшееся время было посвящено хлопотливым сборам в дорогу и неизбежным прощальным визитам. Между прочим предстояло заготовить китайские визитные карточки для моего преемника, подобрав из китайских слогов подходящее созвучное имя, соответствующее высокому званию консула. Работу эту взял на себя наш китайский секретарь, который представил мне свой проект на одобрение. Выбранное им имя произносилось приблизительно как Лай И-лу, что, по словам секретаря, означало «непорочная обитель на горе Лай» (известная священная гора в провинции Сычуань).

Однако, когда я показал выбранное нашим секретарем имя даоиню, человеку высокообразованному и хорошему знатоку китайской словесности, он не пришел в особое восхищение и предложил сам свои услуги по приисканию более подходящего имени. Оказалось, по его словам, что если произносить слог «Лай» так, как его произносит большинство населения, то это имя обозначало бы «человек твердохарактерный, не платящий своих долгов».

Полковник Ляйель прибыл точно в положенный срок, и десять дней спустя по его приезде (5 сентября) мы выехали в обратный путь в Индию.

Сентябрь и октябрь — лучшее время для поездок по Китайскому Туркестану, и поэтому мы не торопились на обратном пути. От Янги-Гиссара до Таш-Кургана мы решили выбрать другой путь, не тот, каким ехали в Кашгар в 1922 году, именно: не сворачивая к югу от Янги-Гиссара в горы на дорогу, ведущую к

четырем трудным перевалам, мы выбрали путь к юго-западу на Ташмалик¹, отсюда через ущелье реки Гез до Булун-Куля, а затем к югу через Памиры в Тагарму и Сарыкольскую долину. Курьеры консульства пользуются этой дорогой в течение всего года, а обычные путники только при низком уровне вод в горных реках. По длине эта дорога не короче первой, но имеет то преимущество, что на ней приходится брать подъем только на один легкий перевал высотой всего 4100 метров вместо четырех крутых высотой свыше 4800 метров. В наиболее жаркие месяцы однако (с 15 апреля до 15 октября) ущелье Гез из-за разлива реки местами делается недоступным, и приходится выбирать обходный путь через утомительные девять перевалов. Во избежание этого я наметил себе несколько измененный маршрут, который обещал мне возможность видеть новые, еще не нанесенные пиком на карту горы и тем восполнить существующий в картах пробел.

Переправившись не без затруднений в брод через реку Гез близ Ташмалика, мы проехали по длинной Уйтагской долине сверху и, отдохнув трое суток у ее верхнего конца, через перевал Арпа-Бель (высотой около 3900 метров) проникли в долину Гез.

Красота и величие горных пейзажей в Уйтагской долине превзошли даже то, что мы видели в Кунгурских Альпах. К сожалению, пыльная дымка в воздухе помешала мне сделать фотографические снимки. Население долины у ее головного конца составляют горцы-тюрки, которые называют себя таглыками; русские прежде называли их сартами. Они всячески отговаривали нас от попытки пройти перевалом Арпа-Бель, подняться на который, по их словам, можно было бы только при помощи яков, каковых однако в их распоряжении не имелось. Очевидно, они боялись, как бы китайские власти, прослышав про этот путь, не стали бы им пользоваться летом, заставляя местное население поддерживать его в порядке и строить мосты.

У деревни Пилал долина круто сворачивала к югу. С правой стороны были видны мощный массив Чакрагиля с огромным ледником, круто спускавшимся к самой долине, и ряд малых ледников. Бежавшие по ледникам потоки в некоторых местах низвергались красивыми водопадами. Растительность долины была богаче, чем в Кунгурских горах. Кроме хвойных, я заметил много кустарниковых, вроде смородины. Некоторые деревья поражали своими огромными размерами. Я смирил ствол одного упавшего дерева и нашел, что он был длиной 34 метра.

¹ Более принято другое название этого кишлака — Упал.

На летних пастбищах таглыки, так же как их ближайшие соседи киргизы или сарыкольские таджики, живут в кибитках. Таглыки разводят всевозможные породы скота, включая яков, которых они, впрочем, держат только для продажи на мясо в Кашгаре. Жители долины обложены небольшим налогом с доходов, превышающих пятьсот чойреков (пять тонн) ячменя.

Подъем на перевал Арпа-Бель, выполненный нами 13 сентября, оказался хотя трудным, но нисколько не опасным. У местных жителей мы наняли пятнадцать ослов в помощь нашим лошадям. С одной из них, очевидно, более слабой, случилось несчастье. Она с грузом скатилась с тропинки по склону и разбилась насмерть. До этого случая мы за все наши поездки не потеряли ни одного вьючного животного.

Дорога по Гезскому ущелью, по которому мы затем продолжали свой путь, содержалась в полном порядке. Деревянные мосты через реку были также в полной исправности. Текущая с Памир между двумя массивами Кунгура и Чакрагиля¹ река Гез, среди горных рек Кашгарии уступавшая по длине только Яркенд-Дарье, представляла с ее порогами редкое по красоте и незабываемое зрелище. Почти двадцать пять километров поднимались мы вверх по ее течению и к вечеру достигли Капа-Гумбаз. Погода прояснилась, и мы могли видеть все окружающие высоты.

На другой день мы вступили в Китайские Памиры, миновав Булункульское укрепление с его маленьким гарнизоном, состоявшим из оборванного офицера и трех солдат, женатых на киргизках.

В течение четырех последующих дней мы миновали озерный район Китайских Памиров. Погода нам благоприятствовала. Обилие разнообразных птиц на озерах и болотах дало нам, помимо всего, возможность поохотиться. На пути нам попалась партия человек в двадцать уйгуров в рваных овчинных полушубках, направлявшихся к северу. Оказалось, это были богомольцы, возвращавшиеся из Мекки, остатки партии человек в пятьдесят или больше, которая отправилась в апреле из Кашгара на богомолье к святым местам. Часть их погибла на высоких горных перевалах Гиндукуша, занесенных снегом, другие умерли от болезней, вызванных непривычным жарким климатом Аравии, где вдобавок ко всему они были задержаны на несколько недель дорожными разбойниками. Теперь по возвращении они уже не застали никакого снега на перевалах.

¹ Чак-Карагул.

Долина реки Хунзы.

Памиры известны как местопребывание одного из трех самых крупных видов горных баранов, качкара¹, два других вида водятся на Тибете и на Тянь-Шане. В настоящее время однако крупные экземпляры попадаются редко на китайской стороне границы. Кроме того киргизы беспощадно уничтожают их, охотясь за баранами из-за мяса. Пара рогов, которую мне предложили для продажи, была доставлена с советской стороны границы. Длина их была 140 сантиметров, окружность у основания — 38 сантиметров.

Всякую мысль об охоте на баранов я отложил в сторону, занятый своей работой по фотографированию горных вершин и нанесению их на план.

Ночи были очень холодные, выпадал снег, и поэтому мы стремились располагаться на ночлег в кибитках, где посередине горел огонь на очаге. В качестве топлива служил кустарник местного растения — саксаула².

Нам приходилось торопиться пройти перевал Мын-Теке из боязни быть отрезанными в случае, если он будет занесен снегом. Тяжело нагруженным лошадям подъем давался с трудом, и особенно скользкий головокружительный спуск по морене с южной стороны перевала. Несмотря на все это, спуск прошел благополучно, и мы снова могли в изобилии собрать топлива, чтобы согреться.

9 октября мы прибыли в Мыскар, откуда уже могли послать телеграмму. Тут у нас произошло маленькое несчастье с тремя лошадьми, увязшими в зыбучих песках реки Килик. Хотя их благополучно извлекли из реки, но ящики с грузами, в том числе с моими бумагами, подмокли.

Вместо шести обычных переходов мы добрались от Мыскара до Гильмита в четыре дня. Путь на сей раз был много легче. Ехать приходилось больше под гору, и переход через ледники никаких трудностей не представлял. Самое же главное — мир Хунзы при финансовой поддержке кашмирского правительства поправил и расширил дорогу.

Путь от Гильмита до Бальтида по страшному ущелью Хунзы мы сделали в один день и в Бальтиде опять были радушно приняты миром.

После трехдневной остановки в Бальтиде мы перебрались в столицу Нагара, Чальт, где были тоже торжественно встречены местным миром, устроившим в нашу честь большое спортивное состязание, состоявшее в игре в поло, в метании в цель копья и в стрельбе

¹ Архар, *Ovis Poli*.

² Автор, очевидно, путает саксаул с терескеном, низкорослым кустарником, имеющим длинные корни. Саксаул в горах не встречается.

верхом из лука. Присмотревшись ближе к лицам туземцев, я нашел в них уцелевшие черты эллинского типа, хотя нос формой напоминал больше афганский. Нагар несомненно тяготеет более к Индии, тогда как Хунза — скорее к Китаю.

За время пребывания в гостях у (мира) мы совершили экскурсию в горы к (большому Кепальскому леднику), который медленно, но неуклонно сползает вниз и (уже похоронил одну) деревню под собой.

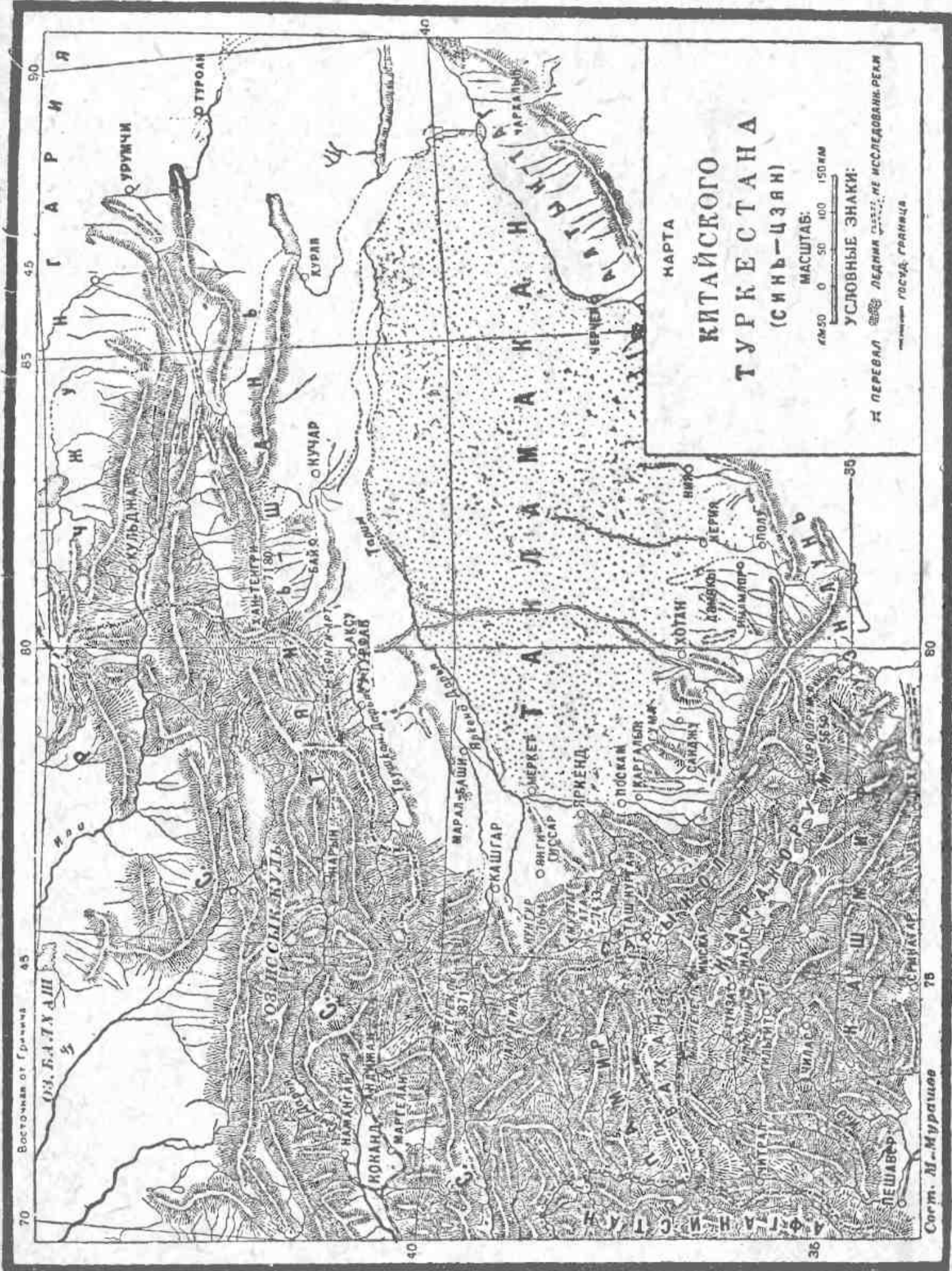
Во время дальнейшей части пути я воспользовался двухдневной остановкой в Чальте, чтобы сделать экскурсию в сторону и сфотографировать остроконечную вершину Ракипуши, высотой почти в 7 500 метров.

В Гильмите, используя опыт 1922 года, мы наняли мулов сразу до Бандипура, вместо того чтобы нанимать их по дороге. Благодаря этому мы сократили свой путь с четырнадцати дней до одиннадцати. После таких перевалов, как Арпа-Бель и Берзиль, прочие перевалы на этом участке пути показались нам малостоящими внимания. Ширина дороги, содержимой (здесь) (в полном порядке), доходила до 180 сантиметров.

В Бандипур мы приехали 26 октября и очутились сразу в двадцатом столетии. К нашим услугам оказался здесь грузовой автомобиль, на который мы переложили свое имущество, а затем уселись сами с четверья нашими людьми и через два часа очутились уже в Сринагаре, до которого было 55 километров.

Начались хлопотливые сборы к отъезду на родину вперемежку с необходимыми официальными визитами. Своих лошадей мы распродали или роздали. Наконец настал день отъезда из Сринагара. Мы сердечно простились с Гафизом, сопровождавшим нас во всех наших поездках, с поваром Мурад-Шахом и с проводниками Санги-ханом и Якубом, и автомобиль покати по дороге в Индию, к дому.

Последняя связь с Кашгаром порвалась.

КАРТА
**КИТАЙСКОГО
ТУРКЕСТАНА
(СИНЬ-ЦЗЯН)**
МАСШТАБ:
1:500 000
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
ПЕРЕВАЛ ЛЕДНИК НЕ ИССЛЕДОВАН РЕКА
ГОСУД. ГРАНИЦА

70 Восточная от Границы 45

ОЗ. БАЛХАШ

ОЗ. ИСЫК-КУЛЬ

КОКАНД

МАРГАПОЛ

МАРАЛ-БАШО

СКАШГАР

ОМЕРКЕТ

ОЯНГИН

ШУССАР

ЯРКЕНД

ОПОСКАН

КАРГАЛЫК

САИДЖУ

ХОТАН

АШУШ

ПЕШАВЕР

Сост. М. Мурашов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Глава I. На аванпосты	13
» II. В сердце Каракорума	21
» III. Через великий водораздел	21
» IV. Горная дорога в Китай	32
» V. Кашгар	40
» VI. Центрально-азиатская Аркадия	52
» VII. Находка «Счастливой долины»	63
» VIII. Яркенд, Хотан и Керия	68
» IX. Пустыня, реки и горы	75
» X. Случай с убийством и трудная поездка	79
» XI. Население «Счастливой долины»	84
» XII. Археология, искусство, легенды и суеверия	91
» XIII. Обычаи, музыка, поэзия и фольклор	102
» XIV. Среди небесных гор	111
» XV. У северной границы Тибета	121
» XVI. Тревоги. Экскурсии	129
» XVII. Назад в двадцатый век!	136

Редактор Г. Савькин. Технический редактор
М. Лейтерштейн. Корректор А. Стреликеева. Обложка худ. А. Радищева

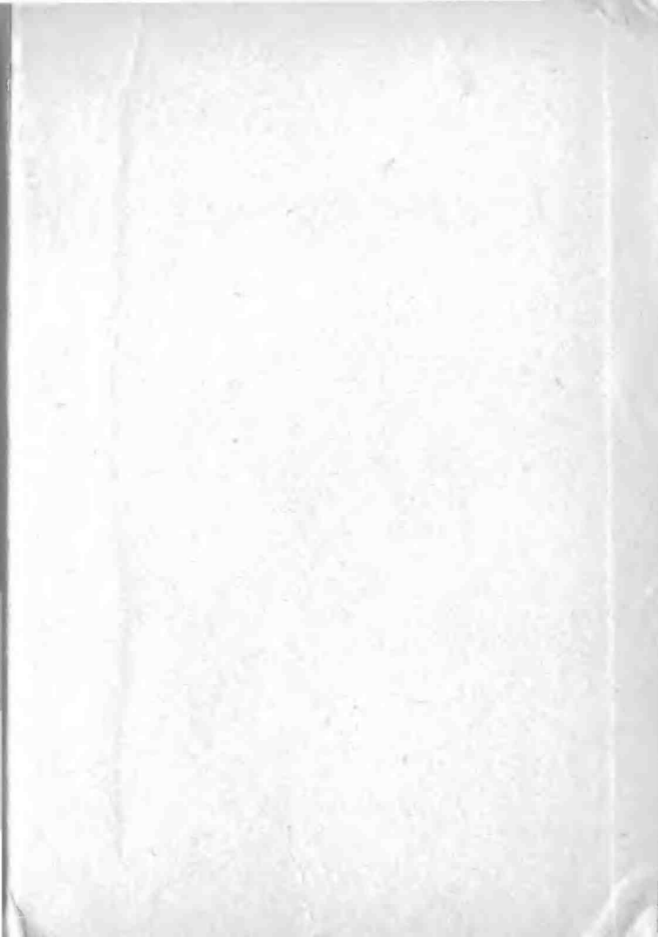
Сдано в производство 20/I 1935 г. Подписано в
печать 26/IV 1935 г. Формат бумаги 82×110^{1/2}.
9 печ. л. 8,17 аят. листа. М. Г. № 4536. Инд. Д-2.
Занав 105. Уполномоченный Главлита Б-4630.
Тираж 15.000 экз.

Цена 1 р. 80 к., переплет 50 к.

16-я типография треста «Полиграфбюро», Москва,
Варгункина гора, 8.

Цена 1 р. 80 н.

Переплет 50 н.

